

ББК 81
О 82

Серия
“Теория и история языкознания”

*Центр гуманитарных научно-информационных
исследований*

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

Ф.М.Березин – доктор филол. наук (отв. редактор),
А.М.Кузнецов – доктор филол. наук, Е.О.Опарина –
канд. филол. наук, С.А.Ромашко – канд. филол. наук

О 82

Отечественные лингвисты XX века: Сб. ст. // РАН.
ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед.
Отд. языкознания; Редколл.: Березин Ф.М. (отв. ред.) и
др. – М., 2003. – Ч. 2: (М – С). – 248 с. – (Сер. Теория
и история языкознания).

ISBN 5-248-00156-0

В предполагаемом вниманию читателя второй части сборника “Отечественные лингвисты XX века” (третья часть, Т – Я) анализируются работы выдающихся русских лингвистов послереволюционного периода, внесших огромный вклад в разработку проблем структурного членения языка, его функционирования и внешних связей, проблем знаковости языка и положения языка среди других знаковых систем. Во второй части сборника (М – С) будут рассмотрены теоретические концепции 13 отечественных языковедов, начиная от И.И.Мещанинова и кончая Г.В.Степановым.

Издание предназначено для лингвистов, интересующихся историей отечественного языкознания.

ББК 81

ISBN 5-248-00156-0

© ИНИОН РАН, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К.Г.КРАСУХИН. Иван Иванович Мещанинов</i>	4
<i>И.Г.ДОБРОДОМОВ. Сергей Петрович Обнорский</i>	18
<i>Л.И.СКВОРЦОВ. Сергей Иванович Ожегов</i>	32
<i>В.А.КОЧЕРГИНА. Михаил Николаевич Петерсон</i>	56
<i>О.К.КЛИМЕНКО. Александр Матвеевич Пешковский</i>	69
<i>В.М.АЛПАТОВ. Евгений Дмитриевич Поливанов</i>	97
<i>В.А.ВИНОГРАДОВ, С.Е.НИКИТИНА. Александр Александрович Реформатский</i>	111
<i>Л.Д.ЗАХАРОВА. Афанасий Матвеевич Селищев</i>	134
<i>К.Г.КРАСУХИН. Борис Александрович Серебренников</i>	148
<i>В.В.ПОТАПОВ. Владимир Николаевич Сидоров</i>	163
<i>О.А.СМИРНИЦКАЯ. Александр Иванович Смирницкий</i>	185
<i>Н.В.СОЛНЦЕВА. Вадим Михайлович Солнцев</i>	207
<i>Б.П.НАРУМОВ, И.И.ЧЕЛЫШЕВА. Георгий Владимирович Степанов</i>	228

К.Г.Красухин

ИВАН ИВАНОВИЧ МЕЩАНИНОВ

Научная биография академика И.И.Мещанинова (6.XII.1883 – 16.I.1967) сложна и противоречива, как и вся история отечественной лингвистики XX в.

И.И.Мещанинов родился в Петербурге, в семье богатого купца. В 1902 г. он окончил с золотой медалью классическую гимназию, в 1907 – юридический факультет Санкт-Петербургского университета; в 1905 г. изучал право в старинном университете г. Гейдельберг (Германия). Занятия юриспруденцией привили И.И.Мещанинову вкус к работе с текстами, анализу их содержания. Но практикующим юристом он не стал. В 1910 г. Мещанинов окончил Археологический институт, где занимался Древним Ближним Востоком. В 1912 г. стал заведующим историческим архивом и коллекцией эламских древностей в том же институте. С 1914 г. он – почетный член того же института. Вскоре после Октябрьской революции он познакомился с деканом восточного факультета Петроградского университета академиком Н.Я.Марром (1864/65–1934). Это знакомство определило всю жизнь будущего академика. По совету Марра Иван Иванович стал вольнослушателем Петроградского университета, изучил там грузинский, халдский (урартский) и хеттский языки. После этого он стал ассистентом, а затем ученым секретарем основанного Марром Института материальной культуры, с 1922 г. вел курс урартского языка в Петроградском, а с 1925 – в Азербайджанском университете.

Как известно, большевики отменили институт защиты диссертаций. Тем не менее ученые старшего поколения постарались сохранить его хотя бы неофициально. Затем, когда в 1934 г. были введены ученые степени кандидата и доктора наук, они были присуждены и неофициально защитившимся ранее. И.И.Мещанинов представил к защите в 1927 г.

работу “Халдоведение. История древнего Вана” (Ван — озеро в Армении, на побережье которого находилось в IX–VI в. до н.э. государство Урарту); в 1934 г. он был официально утвержден в ученой степени доктора наук. С 1928 он — доцент, а с 1930 — профессор Института живых восточных языков в Ленинграде. Работая в нем, И.И.Мещанинов не только учил студентов, но и продолжал учиться сам, занимаясь вместе с учащимися разных национальностей теми языками, которые были для них родными (китайским, кавказскими, северными). Приобретенный им широкий лингвистический кругозор стал базисом для всех его дальнейших научных достижений.

В 1928 г. Мещанинов избирается действительным членом ГАИМК, а в 1932 г. — АН СССР. После смерти Н.Я.Марра (1934) Мещанинов становится академиком-секретарем Отделения литературы и языка, одновременно возглавляет Общественное отделение филиала АН в Азербайджане, заведует кафедрой общего языкознания и северных языков ЛГУ. В 1950 г. оставляет пост академика-секретаря ОЛЯ. Руководил отделением Иван Иванович в очень непростое время. Будучи преданным учеником Н.Я.Марра, он критиковал представителей более традиционных направлений в языкознании. Но, как отмечают исследователи, Мещанинов отличался высокой личной порядочностью и никогда не опускался до травли научных противников (Алпатов, 1991: 123). Более того, в весьма драматическом для языкознания 1948 г., когда марристы приложили все усилия к полному вытеснению своих противников из науки, И.И.Мещанинов прикладывал усилия к тому, чтобы не допустить погрома в науке (подобно произведенному Лысенко в биологии), стараясь поддержать и тех лингвистов, чьих взглядов он не разделял. После дискуссии 1950 г. его взгляды подвергались критике, но он продолжал пользоваться уважением коллег.

В ранней научной деятельности Мещанинова наличествуют два направления. С одной стороны, он публикует исследования по языку ванской клинописи (т.е. урартскому), с другой — популяризирует и старается развить идеи своего учителя Н.Я.Марра. Последние, как известно, заключались в соображениях о том, что язык — это надстроечное, а следовательно, классовое явление. Значит, при изменении общественного строя должен меняться и язык. Другая яркая черта учения Марра — ненависть к традиционной лингвистике, особенно сравнительно-историческому языкознанию. Последнее Марр именовал не иначе как “расистской буржуазной лженаукой”. Своего рода вершиной учения Марра явился так называемый “четырёхэлементный анализ” слов. И

Марр реконструировал (нигде не обосновав своей реконструкции) четыре праслова человеческого языка: SAL, BER, ROŠ, ION. Они обозначали племена и одновременно племенные тотемы. Все слова любого языка Марр считал результатом скрещивания этих четырех элементов. Марра также интересовало развитие значений слов. По его мнению, основным здесь был процесс переноса наименований от старых артефактов на новые. Хотя отдельные наблюдения Марра представляли определенный интерес, цельной научной теории он и здесь не создал. Любопытно, что во время дискуссии 1950 г. Мещанинов, хотя и выступал в защиту Марра, был в этой защите весьма умерен, избегал (в отличие от некоторых других дискуссионщиков) навешивать ярлыки и наряду с достоинствами “нового учения о языке” отмечал и его серьезные недостатки (например, так называемый “четырёхэлементный анализ”).

Первые печатные работы И.И.Мещанинова представляли собой популяризацию идей Марра. Но, начиная с 30-х годов, он нашел свою тему. В отличие от Марра, Мещанинов не только не пренебрегал анализом грамматики, но и поставил ее во главу угла всей своей лингвистической концепции. Здесь его заинтересовал типологический строй языков, но не с точки зрения формальных показателей (как у братьев Шлегелей и их последователей), а с точки зрения семантики способов выражения грамматических отношений. Здесь И.И.Мещанинов следовал направлению, открытому трудами Гуго Шухардта (1842–1927) и Кристиана Уленбека (1866–1951). Шухардт, изучая разносистемные языки, прежде всего грузинский и баскский, отметил, что в них соотношение субъекта и объекта иное, чем в индоевропейских языках: падеж подлежащего при непереходном глаголе тот же, что и у прямого дополнения при переходном, а подлежащее переходного глагола стоит в ином падеже. Этот падеж Шухардт назвал эргативным (от греч. *ergatēs* “деятель”). Развивая идеи Шухардта, Уленбек предположил, что в праиндоевропейском имела место эргативная конструкция предложения, сменившаяся в языках-потомках на номинативную.

Развивая это направление исследований, Мещанинов пошел дальше. Руководствуясь идеями Л.Леви-Брюля (1857–1939) о стадиях в развитии человеческого мышления и о дологическом первобытном мышлении, он предположил, что грамматический строй языка соответствует различным стадиям мышления. Самым древним языковым строем И.И.Мещанинов считал инкорпорирующий, когда целое предложение сливается в один комплекс-слово. В языках такого типа отдельные знаменательные корни не получают самостоятельных грамматических пока-

зателей, — соответствующие морфемы, обозначающие лицо и время, в определенном порядке включаются в общее слово-предложение. Инкорпорирующий строй, согласно Мещанинову, соответствует дологической стадии мышления, на которой еще не происходит дифференциации понятий. Следующая стадия развития языка — аффективная; в ее рамках подлежащее оформляется не как субъект действия, а как претерпевающий какое-либо ощущение или состояние. Эта стадия связана с первичным различением субъекта и предиката, предмета и события. Затем следует possessивная стадия, на которой действие рассматривается как принадлежность субъекта (условно говоря, вместо конструкции *я делаю — мое делание*). Эта стадия связана с первичным освоением мира, когда сознание познающего воспринимает мир как результат овладения им. Эргативная стадия соответствует представлению о том, что сам человек — это орудие в руках высших сил (так как эргативный падеж многими исследователями в ту пору считался орудийным), и номинативная конструкция предложения соответствует стадии логического мышления, четко разделяющего субъект и объект.

Впрочем, рассуждение о стадиях языка и мышления — это, скорее, дань идеям Марра. Естественно, это — наиболее слабая и уязвимая часть концепции И.И.Мещанинова. Во-первых, вопрос о связи структуры языка и типа мышления ставился в лингвистической литературе неоднократно; на нем основана известная гипотеза Гумбольдта—Сепира—Уорфа, но положительного ответа он так и не получил. Человеческое мышление явно не связано с грамматическим строем языка (иначе бы пришлось предположить, что народы, говорящие на языках с эргативной конструкцией предложения, — кавказцы, баски, бурушаски, чукчи — имеют общие черты в мышлении, которые отличают их от индоевропейцев, тюрков и финно-угров — носителей языков номинативного строя. Такой зависимости никто не обнаружил). Во-вторых, вызывает серьезные сомнения и другой тезис раннего Мещанинова: о неперменной смене грамматического строя в человеческих языках. Существует, правда, большая литература, посвященная реконструкции дономинативного строя праиндоевропейского языка. Как правило, ему приписывают эргативность (Уленбек, 1950; Vaillant, 1937; Савченко, 1967) или особый, не упомянутый Мещаниновым тип — активность (Климов, 1977; 1983; Гамкрелидзе-Иванов, 1984; Степанов, 1989). Но все эти утверждения остаются недоказанными. И более того. В зафиксированной истории отдельных языков известны случаи развития эргативной конструкции на базе номинативной: так обстояло дело в ряде новоиндийских и новоиранских

языков. А обратный переход — языка эргативного строя в номинативный — не засвидетельствован в истории отдельных языков.

Впрочем, сто́ит отметить, что и в более позднее время стадиальная теория находила своих последователей. Так, А.Ф.Лосев (1893—1988), опираясь исключительно на построения И.И.Мещанинова, попытался построить типологию развития человеческой мысли, объяснить переход от разных типов мифологического мышления к логическому (Лосев, 1982: 137—212), а В.П.Руднев — связать с этими стадиями развитие литературных жанров (Руднев, 1996). Но выводы названных исследователей трудно назвать убедительными. Какого-либо серьезного продолжения они не получили.

Однако сам И.И.Мещанинов главное внимание уделял все же не стадиальным глоттогоническим построениям, а синхронному анализу языка, чем выгодно отличался от Н.Я.Марра, который использовал совершенно не выверенный языковой материал в качестве иллюстрации к своим теориям. Мещанинов в силу своих служебных обязанностей анализировал языки самых различных типов (кавказские, древневосточные, тюркские, языки Сибири и Дальнего Востока), и основные его научные интересы касались следующего вопроса: в чем состоит сходство и в чем заключается различие человеческих языков. В дальнейшем существование языков с чисто аффективным и посессивным строем предложения не было подтверждено: по-видимому, в действительности существуют только отдельные аффективные и посессивные конструкции в языках различного строя (ср. в русском языке: *мне холодно* — аффективная конструкция; диалектное *у волков корову съедено* — посессивная). Что же касается противопоставления номинативного и эргативного строя, то оно сохраняет всю актуальность для современной науки. В настоящее время то направление, которое развивал в ранних работах И.И.Мещанинова, получило наименование контенсивной типологии. В центре ее внимания — так называемые семантические доминанты в языке, т.е. содержательное выражение способов согласования различных членов предложения. И с точки зрения контенсивной типологии выделяются следующие языковые типы: аморфный, или корнеизолирующий, в которых взаимоотношение различных членов предложения выражается по преимуществу порядком слов и — реже — служебными словами; классный, в котором предметные имена снабжены особыми показателями их принадлежности к определенной семантической группе слов, а глагол согласуется с именем по этим показателям; активный строй, в котором оформление субъекта предложения зависит от семантики сказуемого: при глаголе со зна-

чением активного воздействия на окружающую действительность ставится подлежащее в одном падеже (активном), при глаголе же состояния — в другом. Сходные отношения характеризуют и эргативный строй глагола: в нем выбор падежа подлежащего зависит от переходности/непереходности глагола, причем субъект непереходного глагола имеет тот же грамматический показатель (как правило, нулевой), что и объект переходного глагола. Наконец, номинативный строй отличается взаимной независимостью субъекта и предиката. С такой точки зрения инкорпорация не является единицей контенсивно-типологической классификации. Это — формальный тип предложения, для которого свойственна нечеткая граница слова и предложения. Инкорпорирующие языки могут быть эргативными (чукотский) и номинативными (некоторые индейские языки).

Итак, уже в ранних работах Иван Иванович, отдав некоторую дань вненаучным представлениям своего учителя Н.Я.Марра о стадильности мышления, зарекомендовал себя все же специалистом по синхронно-сопоставительному анализу. И именно это направление стало определяющим в дальнейшем творчестве Мещанинова. Оно отразилось в таких его работах, как “Части речи и члены предложения” (1945), “Глагол” (1948). В первой из них исследователь поставил проблему, которая является вечной для лингвистики: каковы критерии выделения частей речи? Дело в том, что в разноструктурных языках существует совершенно различное количество частей речи, и даже в одном языке состав частей речи может быть спорным. Так, не вполне ясно, можно ли в русском языке выделять особую категорию состояния (*холодно, тепло*) или же это — наречие в особой функции. Мещанинов в качестве критерия предложил способность того или иного слова занимать синтаксически значимую позицию в предложении. Такой подход И.И.Мещанинова противостоял идеям и методам Фортунатовской школы, взявшей за основу своей классификации морфологическую изменчивость слова. Согласно Ф.Ф.Фортунатову (1848—1914), слова объединяются в классы частей речи на основании морфем, допустимых в их словоизменительных парадигмах (имя — это то, что склоняется, глагол — спрягается и т.д.). Критики Фортунатовской школы указывали на то, что не все слова, принадлежащие к той или иной части речи, образуют полную парадигму. Например, в русском языке есть некоторое количество несклоняемых слов (*пальто, кофе*). Если же перед нами язык с редуцированной морфологией, например английский, то классификация частей речи по данным словоизменения вообще затруднена. И И.И.Мещанинов постарался разра-

ботать классификацию, пригодную не только для флективных, но также и для агглютинативных и изолирующих языков. Он отмечал стоящие перед ним трудности. Ведь именно в таких языках одна и та же словоформа может занимать существенно разные позиции: узбек. *тош* “камень” (существительное, которое может быть подлежащим, прямым дополнением, обстоятельством), но *тош девор* “каменная стена”, где имя *тош* служит определением. “Стадиальная” точка зрения, высказанная И.И.Мещаниновым, заключается в следующем. Дифференциация частей речи – явление достаточно позднее. Их оформлению предшествовал длительный период функционирования слов в определенной синтаксической позиции. Затем на базе этих постоянных синтаксических составляющих стали развиваться части речи как лексикализованные члены предложения.

Вообще, следует заметить, что в определении членов предложения, частей речи и понятийных категорий Мещанинов не всегда был последователен, за что подвергался суровой критике (Серебренников, 1952; Петерсон, 1952). Его оппоненты указывали на то, что некоторые свои базовые положения он заимствовал у ученых осужденной им вслед за Марром “индоевропеистической” школы. Так, говоря о главных членах предложения, исследователь различает, с одной стороны, подлежащее и сказуемое как собственно члены предложения, с другой – субъект и предикат как элементы высказывания. Эти понятия заимствованы у А.А.Шахматова (1864–1920), который различал предложение как единицу языка и высказывание как способ выражения мысли. Проанализировав эти схождения Мещанинова с Шахматовым, А.М.Пешковским (1878–1933), а также К.Бругманом (1849–1919) и Б.Дельбрюком (1842–1922), М.Н.Петерсон делает вывод об эклектичности и внеисторичности теории частей речи И.И.Мещанинова.

Доля истины в этом есть. Работы Ивана Ивановича 40-х годов характеризовались, с одной стороны, неизжитым наследием “теорий” Н.Я.Марра, которые заставляли его повторять неодобрительные характеристики “формальной” школы, с другой – весьма пристальным вниманием к фактам языка, логика которых приводила его к построениям, близким к канонам классического, в том числе и индоевропейского языкознания. Вместе с тем пафос работ Мещанинова заключался в утверждении, что в языках иного типа система частей речи выглядит совсем иначе, чем в индоевропейских языках. С другой стороны, четкое, ясное морфологическое оформление частей речи, наблюдаемое в индоевропейских языках, само могло быть результатом длительной эволюции. С точ-

ки зрения индоевропеистики вопрос о выделении частей речи довольно сложен. С одной стороны, можно привести немало примеров близости знаменательных изменяемых слов и неизменяемых. И.-е. *up* “вверх; вниз” (лат. *s-uper, s-ub*) лежит в основе, с одной стороны, хеттского глагола *urzi* “поднимать”, с другой — др.-инд. прилагательного *урага* “низкий”, *урама* “нижайший”, а также нем. *Ufer* “берег” (< “высокий”). Можно предположить, что из единого корня развились и глагол, и прилагательное путем присоединения соответствующих флексий. Но в данном случае ясно, что развиться эти многочисленные части речи могли только в том состоянии языка, в котором имела место развитая система флексий. Происхождение же ее составляет вечную проблему индоевропеистики. Со времени Ф.Боппа (1791–1867) известна теория о происхождении именной и глагольной флексии из служебных слов. И если она справедлива, то теория И.И.Мещанинова об историческом развитии частей речи может получить дополнительный импульс.

Но нельзя не видеть и определенных противоречий, заключенных в ней. Во-первых, части речи — это вовсе не лексическая, а грамматическая категория. Дело в том, что попытки выделить части речи на основании семантики слов оказываются неудачными. Так, существительные *близна, теплота* выражают признак, *бег, пение* — действие. Но от этого первые не становятся прилагательными, а вторые — глаголами. Позицию же различных членов предложения могут занимать разные части речи. Так, можно смело утверждать однородность обстоятельств в синтагме *весить тонну* и *весить много*, хотя в первом случае оно выражено существительным в винительном падеже, а во втором — наречием. И.И.Мещанинов это признает и пытается построить типологию частей речи, используя, с одной стороны, морфологические характеристики, с другой — синтаксические позиции. Следует указать и на некоторые другие слабости концепции Мещанинова. В первую очередь они связаны с тем, что он не был историком языков. С полным основанием отказавшись от фантастических построений Н.Я.Марра о “трудмагической деятельности” и языковых революциях в связи со сменой общественно-экономической формации, он не изучал закономерностей подлинного исторического и сравнительного изучения языков. А ведь утверждать о развитии частей речи из определенных членов предложения можно именно на основании данных языковой истории. К примеру, причастия могут обращаться в сказуемое и затем в глагол: это нам доказывает история русского языка. Сравнение с древними и современными славянскими языками позволяют проиллюстрировать и начало, и основные этапы это-

го процесса. С другой стороны, есть данные о том, что на раннем этапе праиндоевропейского языкового состояния имя и глагол были слабо дифференцированы друг от друга. Но до конца эту гипотезу доказанной считать пока нельзя. И уж тем паче трудно утверждать что-нибудь определенное о развитии частей речи для тех языков, чья историческая грамматика не разработана. Поэтому идеи И.И.Мещанинова можно рассматривать не как законченную теорию, а скорее как нуждающуюся в проверках гипотезу.

Также отметим, что И.И.Мещанинов дифференцировал части речи на основании преимущественно морфологических критериев. В современной же типологии имеется мнение о том, что языков без частей речи не существует вовсе. Так, В.М.Солнцев в своей последней монографии (1995) утверждал, что в формоизолирующих языках имеются имена и глаголы, несмотря на отсутствие морфологических средств для их разделения. Дело в том, что В.М.Солнцев полагал, что части речи должны выделяться на основании не морфологических, а грамматических критериев; морфологию же он считал одним, но не единственным способом выражения грамматических отношений. К другим относятся служебные слова, место в предложении, интонация, способность к сочетаниям. Следует заметить, что в этом случае критерий выделения частей речи все же спорен: в формоизолирующих языках одно и то же слово может занимать позиции разных членов предложения, служа именем и глаголом. Если применить принципы типологии Солнцева к теории И.И.Мещанинова, то ее можно сформулировать так: морфологически неоформленные части речи в языке в процессе развития получают морфологическое оформление. Такая формулировка соответствует современным представлениям о природе грамматикализации — процесса превращения полнозначного слова в служебное и служебного, но самостоятельного слова в грамматический показатель¹.

---

¹ Справедливости ради замечу, что вопрос о содержании и объеме понятия “грамматикализация” далек от окончательного разрешения. На прошедшей в апреле 2002 г. в Амстердаме конференции “Новые подходы к грамматикализации” Брайан Джоузеф подверг сомнению само учение об этом вопросе. По его мнению, нет оснований выделять грамматикализацию как особый языковой процесс из общего массива сравнительно-исторического языкознания. Представляется, однако, что это крайность. Грамматикализация не должна противопоставляться стандартным компаративным процедурам, но может их дополнить. Хорошо известно, что служебные слова и грамматические аффиксы могут в силу фонетико-акцентологических условий изменяться сильнее, чем полнозначные слова. А это и есть необходимое условие грамматикализации.

Конечно, было бы несправедливо видеть в этих концепциях И.И.Мещанинова только ошибки и противоречия. Мещанинов сосредоточил свое внимание на оппозиции общих, универсальных и частных, конкретных черт языка. Именно первые он назвал понятийными категориями. Теория понятийных категорий явилась существенным вкладом И.И.Мещанинова в лингвистику. Если его концепция недостаточно убедительно объясняет классификацию частей речи в отдельных языках (теория Московской фортунаатовской школы это делает значительно лучше), то внимание к отражению в конкретных языковых единицах универсальных черт оказалось весьма плодотворным. Впоследствии именно это направление стало популярным в самых различных лингвистических теориях: генеративной, когнитивной, референциально-ролевой, функциональной грамматике, теории кросс-лингвистических исследований, не говоря уже о собственно типологии, которая во многом усилиями И.И.Мещанинова все больше обращалась к функционально-семантическим взаимоотношениям единиц языка, в особенности членов предложения.

Тема, волновавшая Ивана Ивановича всю жизнь, — эргативная конструкция предложения. Ей, в частности, посвящены книги, которые он писал до конца жизни: “Эргативная конструкция предложения в языках различных типов” (1967) и последняя книга, которую он успел закончить за несколько дней до смерти — “Эргативное и номинативное предложение: Типологическое сопоставление структур” (опубликована в 1984 г.). В этих книгах автор подвел итог своим многолетним исследованиям в области синхронной типологии. Их стержневая мысль — поиск синтаксических доминант в языке. Автор определяет различие между номинативной и эргативной конструкциями следующим образом. Субъект занимает независимую позицию, но может переходить и в зависимую, что фиксируется изменением падежа. В свою очередь, и объект может занимать зависимую позицию в предложении, но может получить в нем ведущее значение. Первые две черты характеризуют номинативное предложение, вторые — эргативное.

Исследователь показывает, каким образом функционируют различные грамматические способы в языках различного строя. И можно утверждать, что не только отдельные черты языка определяют его языковой строй, но и сам языковой строй заставляет переосмысливать эти черты. Выше мы отмечали существенную разницу в грамматическом значении примыкания в зависимости от флективности/агглютинативности языка. И роль отдельных падежей в языке различается в зависимости от

типа языка. Номинативные языки характеризуются относительной независимостью членов предложения друг от друга. Напротив, в языках эргативного типа падеж напрямую зависит от типа предложения, в частности от характера глагола. В различных языках в качестве подлежащего может выступать не только эргативный, но и иной падеж (местный, родительный). Он передает различные оттенки смысла, заключенные в глаголе (контролируемость действия субъектом и т.д.). Мещанинов отмечает, что не только переходность/непереходность была семантической доминантой эргативной конструкции. Глагол может требовать эргативного падежа в том случае, если он обозначает активное, контролируемое предметом действие, пусть и непереходное (тем самым Иван Иванович практически дал описание типа, который получил наименование активного).

Другие черты языка также связаны с различием эргативного и номинативного строя. Так, эргативные языки и оформлением глагола существенно отличаются от номинативных. В них глагол, как правило, включает в себя показатели субъекта и объекта. Как правило, непереходный глагол имеет в своем спряжении серию субъектных аффиксов, а переходный — серию объектных (или субъектных и объектных одновременно), хотя из этого правила имеется немало исключений. Субъектно-объектные аффиксы по происхождению являются, как правило, личными местоимениями. Типологически их внедрение в глагольную парадигму можно сравнить с приглагольными местоимениями в романских языках. Например, во французском приглагольные местоимения грамматикализировались настолько, что стали отличаться от самостоятельных: *je* (субъект.) / *me* (объект.), *tu* / *te* vs. самостоятельные *moi* “я”, *toi* “ты”. Разница заключается в том, что в номинативных романских языках местоименные показатели субъекта и объекта появляются при отсутствии именных, а во многих эргативных языках они обязательны. Таким образом, можно так обозначить семантико-синтаксическую доминанту номинативного и эргативного строя предложения: в первом члены предложения обладают существенной независимостью друг от друга, во втором — тесно увязываются в единый синтаксический узел в зависимости от семантики глагола. В некоторых языках именно субъектные и объектные аффиксы глагола являются основным способом маркировки переходности/непереходности субъекта предложения.

Отметим также вклад Ивана Ивановича в урартоведение. Этой теме посвящены его многочисленные статьи, печатавшиеся в 30-е годы в России и Германии и упоминавшаяся книга “Язык ванских надписей”. К

урартскому языку он вернулся в конце 50-х — 60-е годы. Им опубликованы “Грамматический строй урартского языка. Часть первая: Именные части речи” (1958) “Часть вторая: Глагол” (1962), а также опубликованный после смерти “Аннотированный словарь урартского языка” (1978). В этой науке заслугой И.И.Мещанинова является тщательная филологическая работа с текстом, уточнение ряда чтений и интерпретация знаков урартской клинописи, обобщение материала в виде компактных работ, корректное его описание. В частности, именно И.И.Мещанинов объяснил такие особенности урартского глагола, как совпадение показателя 1 лица переходного глагола — *bi* и омонимичного 3 л. непереходного глагола: ср. *usta-bi* “он вышел” и *hau-bi* “я захватил”. Дело в том, что этот аффикс указывает либо на субъект, либо на переход действия с 1 л. на 3-е (в урартском языке имеются и другие субъектно-объектные показатели, например, — *li*, выражающий множественность субъекта). Субъектно-объектные показатели — характерная черта языков эргативного строя. Урартский язык относится к каноническому эргативному типу, с маркировкой как имени, так и глагола. Но глагольный маркёр может быть неоднозначным, указывая на определенный актанта в предложении, но не уточняя его роль. Таким образом, частный, казалось бы, вопрос урартской грамматики решен с привлечением типологических данных.

Литература

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Кн. 1. — 428 с.; Кн. 2. — 433–1328 с.
- Климов Г.А.* Типология языков активного строя. — М., 1977. — 318 с.
- Климов Г.А.* Принципы континентальной типологии. — М., 1983. — 320 с.
- Лосев А.Ф.* О пропозициональных функциях древнейших лексических структур // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. — М., 1982. — С. 78–157.
- Руднев В.П.* Морфология реальности. — М., 1996. — 207 с.
- Савченко А.Н.* Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. — Л., 1967. — С. 78–93.
- Солтцев В.М.* Введение в типологию корнеизолирующих языков. — М., 1995. — 353 с.
- Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. — М., 1989. — 248 с.
- Улелбек Г.Х.* *Agens* и *Patiens* в праиндоевропейском // Эргативная конструкция предложения. — М., 1950. — С. 101–103.

Vaillant A. Le ergatif indo-européen // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. – P., 1937. – Vol. 31. – P. 93–108.

Основные работы И.И.Мещанинова

Мещанинов И.И. Язык ванской клинописи. – Л., 1935. – 351 с.

Мещанинов И.И. Общее языкознание. – Л., 1940. – 260 с.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л., 1945. – 322 с. (перезд.: М., 1978. – 367 с.).

Мещанинов И.И. Глагол. – Л., 1948. – 200 с. (перезд.: М., 1983. – 250 с.).

Мещанинов И.И. Структура предложения. – М.–Л., 1957. – 103 с.

Мещанинов И.И. Грамматический строй урартского языка. – Л., 1958. – Ч. 1: Именные части речи. – 150 с.; Ч. 2: Структура глагола. – 1962. – 86 с.

Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов. – Л., 1967. – 248 с.

Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. – М., 1975. – 350 с.

Мещанинов И.И. Аннотированный словарь урартского языка. – Л., 1978. – 388 с.

Мещанинов И.И. Номинативное и эргативное предложение: Типологическое сопоставление структур. – М., 1984. – 294 с.

Основная литература об И.И.Мещанинове

Ярцева В.Н. Академик И.И.Мещанинов: к 65-летию со дня рождения // Вести. Ленинград, 1948. – № 11. – С. 157–159.

Петерсон М.Н. Эkleктизм и антиисторизм взглядов И.И.Мещанинова на члены предложения и части речи // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. – М., 1952. – С. 383–397.

Серебrenников Б.А. Критика учения Марра о единстве глоттогонического процесса // Там же. – С. 45–110.

Жирмунский В.М., Аврорин В.А. Академик И.И.Мещанинов // Вопросы грамматики: Сб. ст. к 75-летию со дня рождения И.И.Мещанинова. – М.–Л., 1960. – С. 3–11.

БСЭ. – М., 1974. – Т. 16. – С. 204–205.

Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. – Минск, 1977. – Т. 2. – С. 73–87.

Афанасьева Р.П. Теория частей речи И.И.Мещанинова // Русские языковеды. – Тамбов, 1975. – С. 34–41.

Апатов В.М. История одного мифа. – М., 1991. – 240 с.

И.Г.Добродомов

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ОБНОРСКИЙ

Выдающийся специалист в области славянской филологии и истории русского языка Сергей Петрович Обнорский (14(26).6.1888 – 13.11.1962) вошел в историю русистики как автор глубоких разысканий по истории кардинальных элементов русского языка и не менее глубоких исследований по отдельным деталям на базе материала памятников и русских диалектов, а также как талантливый организатор науки.

Родился Сергей Петрович в Петербурге. После окончания в 1905 г. 10-й гимназии юноша поступил учиться на историко-филологический факультет Петербургского университета во время расцвета в нем русской филологической науки: его учителями по университету были выдающиеся языковеды начала XX в. – И.А.Бодуэн де Куртенэ (1845–1929), П.А.Лавров (1856–1929), А.И.Соболевский (1856/57–1929), А.А.Шахматов (1864–1920).

Под руководством А.А.Шахматова была выполнена весьма обстоятельная студенческая семинарская работа С.П.Обнорского о языке изданной И.В.Ягичем (1838–1923) ноябрьской служебной 1907 года, впоследствии опубликованная (Обнорский, 1924).

Оставленный А.А.Шахматовым для подготовки к профессорской деятельности при кафедре русского языка и после сдачи магистерских испытаний в 1915 г. приступивший к работе в качестве приват-доцента в Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах, Сергей Петрович вскоре (1916) был командирован для чтения лекций в только что открытое Пермское отделение Петроградского университета (с 1917 г. самостоятельный Пермский университет), где работал в должности профессора.

С 1922 до осени 1941 г. Обнорский снова работает в Петрограде — Ленинграде профессором и заведующим кафедрой русского языка в университете, читает лекции в Ленинградском педагогическом институте им. Н.А.Некрасова, одновременно трудясь в Академии наук, куда он был приглашен еще в 1912 г. для редактирования академического “Словаря русского языка”, который составлялся в недрах Второго отделения (Отделения русского языка и словесности) имп. Академии наук под общим руководством А.А.Шахматова. Составление и редактирование словарей красной нитью прошло через всю жизнь Сергея Петровича.

Плодотворная научная деятельность и активная работа в учреждениях Академии наук была отмечена избранием Обнорского в 1931 г. в члены-корреспонденты, а в 1938 г. — в действительные члены (академики) Академии наук СССР.

Позже он стал также действительным членом Академии педагогических наук РСФСР, был награжден тремя орденами Ленина и медалями, Сталинской и Ленинской премиями.

Ученый был избран членом Чешской, Польской и Норвежской академий.

В суровые военные годы с осени 1941 г. до 1943 г. С.П.Обнорский находился в Казани.

После переезда из Казани в Москву в 1943 г. Обнорский становится профессором и заведующим кафедрой русского языка Московского университета, где его сменили Г.О.Винокур (1896—1947) и далее В.В.Виноградов.

На фоне достижений русского советского языкознания за первую четверть века советской власти, которые были рассмотрены в специальном обзоре (Обнорский, 1944а), ученый четко сформулировал дальнейшие задачи в этой области (Обнорский, 1944б) и с целью реализации этих задач выступил инициатором создания в составе Академии наук СССР (на базе Института языка и письменности) нового Института русского языка, первым директором которого он был в 1944—1950 гг. до слияния его с Институтом языка и мышления им. Н.Я.Марра и образования на их базе Института языкознания, директором которого в 1950—1954 гг. был В.В.Виноградов (1894—1969), ставший директором и вновь восстановленного в 1958 г. Института русского языка и давший ему впоследствии свое имя.

Основные направления работы Института русского языка АН СССР, определенные С.П.Обнорским, нашли частичную реализацию еще при жизни Сергея Петровича (продолжаются в настоящее время), а

частично начинают воплощаться в жизнь только сейчас или им предстоит реализация в будущем.

Лексикографическая деятельность Сергея Петровича, продолжавшаяся полвека, началась в 1912 г., когда его пригласили работать над многотомным академическим изданием “Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук”, которое также имело название “Словарь русского языка, составленный Постоянной словарной комиссией Академии наук СССР”, “(...)составленный Комиссией по русскому языку” и подзаголовок “Новое издание” и даже просто “Словарь русского языка” (седьмое издание, без указания места составления, каковым был Словарный отдел Института языка и мышления впоследствии им. Н.Я.Марра Академии наук СССР). Он был редактором и ответственным секретарем этого оставшегося незаконченным Словаря и вплоть до его закрытия в 1937 г. проводил в жизнь на этих должностях традиции своего учителя А.А.Шахматова в этом грандиозном лексикографическом начинании.

Под редакцией С.П.Обнорского были составлены и вышли три выпуска этого так и оставшегося незавершенным академического словаря на букву Л (от *Л* до *лисичий*) в 1915, 1927, 1928 гг., вскоре частично переизданные по новой орфографии (на отрезке от *Л* до *лезгинка*) как “Второе издание” в 1930 г., “Новое издание” в 1932 г. и “Седьмое издание” в 1934 г.

В качестве члена Словарной комиссии АН СССР С.П.Обнорский принимал ближайшее участие в составлении второго выпуска 3-го тома (*Имба— Издѣргивать*. (1929), а также уже в переиздании 1-го выпуска 9-го тома, составленного Л.В.Щербой по новой орфографии (Седьмое издание) на отрезке *И — Идеализироваться* (1935).

Ближайшее участие как член Комиссии по русскому языку или член Словарного отдела Института языка и мышления АН СССР С.П.Обнорский принимал и в новом, переработанном и дополненном издании (оно же седьмое) того же академического Словаря русского языка (*А — Антиципироваться*, четыре выпуска: (1932, 1933, 1935, 1936), в том числе и в последнем выпуске издания (т. V, вып. 1: *Да — Даятельный*, М. — Л., 1937).

Большой опыт лексикографической работы Сергей Петрович обобщил совместно с Н.С.Державиным в статье “История и техника издания Словаря русского языка Академии наук СССР” в “Вестнике Академии наук СССР” (1932, № 7, стб. 13–26) и в лексикографических

руководствах типа “Словарь русского языка. Инструкция для редакторов” (1936).

С.П.Обнорский был одним из разработчиков основ “Словаря русского языка XI–XVII вв.”, выходящего в Москве с 1975 г., в качестве составителя первой инструкции для выборщиков материала в 30-х годах и в качестве председателя главной редакции этого словаря, инструкцию для составителей которого он переработал в 1940 г.

Во время директорства С.П.Обнорского или позже в соответствии с поставленными им задачами Институт русского языка (теперь имени В.В.Виноградова) начал выпускать нормативные словари русского языка трех типов:

1) несколько первых изданий однотомного “Словаря русского языка” С.И.Ожегова, который выходит до сих пор, но уже в соавторстве Н.Ю.Шведовой под названием “Толковый словарь русского языка”, который не только повторил название исходного для него “Толкового словаря русского языка” под редакцией Д.Н.Ушакова, но и содержательно сблизился с ним по объему, снова включив слова, сознательно опущенные С.И.Ожеговым (1900–1964);

2) четырехтомный академический “Словарь русского языка” (1956–1961), который выдержал несколько изданий под дальнейшей редакцией А.П.Евгеньевой;

3) семнадцатитомный “Словарь современного русского литературного языка” (1948–1965), который был удостоен в 1970 г. Ленинской премии в лице представителей составительского и редакторского коллектива, в число которых входил и С.П.Обнорский.

Имя С.П.Обнорского связано почти со всеми наиболее значительными русскими словарями XX в.: он принимал участие в их создании и редактировании, а в других случаях был их взыскательным рецензентом (Обнорский, 1956, 1957), мнение которого высоко ценилось в советском языкознании.

С.П.Обнорский во всех своих многочисленных трудах прежде всего выступает, в первую очередь, как весьма глубокий исследователь истории русского языка, считающий, что без знания истории языка невозможно понять его современное состояние и решать проблемы языка Нового времени. Глубоким историзмом проникнуты даже его работы по культуре русской речи, орфографии и нормализации.

Важное место в наследии С.П.Обнорского занимают труды о языке образцовых русских писателей Ломоносова и Пушкина в их отношении к литературному языку (Обнорский, 1940, 1946а) и серия работ по

культуре русского языка 1944–1948, суммированных в брошюре “Культура русского языка” (1948).

В истории русского литературного языка весьма важное место занимают проблемы исторически сложившейся и постоянно изменяющейся орфографии, которую упорно пытаются изменять разного рода прожектеры и реформаторы. Особенно усилились эти попытки после несколько поспешной и непродуманной реформы 1917–1918 гг., которая, по выражению Л.В.Щербы, “не сделала орфографию безусловно легкой, но зато в корне подорвала ее престиж” (Щерба, 1957: 56) и активизировала перманентное орфографическое реформаторство.

Откликаясь на многочисленные прожекты вмешательства в орфографию и учитывая опасность дестабилизации этого важнейшего компонента русской языковой культуры, С.П.Обнорский посвятил несколько статей проблемам нормализации русской орфографии (1934, 1936, 1939, 1944, 1953а, 1954), проявляя при этом осторожность и сдержанность. Учитывая орфографический разнобой в разного рода ведомственных справочниках-руководствах по правописанию, С.П.Обнорский предложил создать Орфографическую комиссию Академии наук СССР и стал ее первым председателем, а при его активном участии шла длительная подготовка академических правил русской орфографии и пунктуации, которые в соответствии с результатами многочисленных промежуточных обобщений в 30-е годы приобрели окончательный вид и были приняты официально в 1956 г., сохраняя свою силу и сейчас, несмотря на попытки их реформирования в 1964 и 2002 гг.

Орфографические суждения С.П.Обнорского отличались глубокой продуманностью и доказательностью, поскольку он занимался не только глобальными вопросами русской грамматики, нашедшими воплощение в его монографиях, где проблемы русской морфологии освещались в системе, но ученый составил большое количество статей, посвященных истории и этимологии отдельных слов, морфем, звуков и звукосочетаний.

Рано определился интерес молодого ученого к грамматическим проблемам, в первую очередь к именному склонению, которому была посвящена целая серия статей и рецензий в разных российских и зарубежных изданиях, начиная с 1913 г. Эти занятия дали в итоге двухтомный труд о современном склонении существительных в русском литературном языке и его говорах на богатейшем литературном и диалектном материале, тщательнейшим образом проверенном (Обнорский, 1927, 1930). Работа остается незаменимой и в настоящее время.

Другая капитальная монография о русском глаголе (Обнорский, 1953) возникшая на базе соответствующего курса, читанного ученым в 30-е годы в Ленинградском университете, охватывает лишь важнейшие проблемы и не достигла той полноты, которая характерна для исследования автора об именном склонении.

Этими двумя монографиями описаны основы русской грамматики в современном ее состоянии во всех разновидностях русского языка с историческими экскурсами, которые, как это обычно бывает, чрезвычайно много объясняют в синхронной системе языка.

Замечательный стилист, С.П.Обнорский оставил интересные некрологические статьи о своих учителях и старших коллегах-лингвистах (И.В.Ягич, А.А.Шахматов, Ф.Е.Корш, Л.В.Щерба, Б.М.Ляпунов, А.М.Селищев). Это оценки деятельности крупных ученых России со стороны также масштабного ученого с учетом личностных характеристик в тесном взаимодействии с их вкладом в науку.

Забота об оставшихся в рукописях трудах своего учителя заставила Сергея Петровича неоднократно издавать труды А.А.Шахматова по современному русскому языку и по русской исторической морфологии имени, которые сделали доступными эти труды специалистам и студентам (Шахматов, 1925, 1930, 1934, 1957) а также объемный том статей и материалов о Шахматове (1947), где раскрывалась многогранная научная и общественная деятельность его учителя.

Находясь в центре научной языковедческой жизни и глубоко интересуясь новинками литературы по русистике, Сергей Петрович оставил целую серию рецензий на заметные книги в этой области у нас и за рубежом, публикуя эти рецензии в советской и заграничной печати; все рецензии сохранили значение и по сей час как важные летописные вехи истории русского языкознания, отражающие эти события научной жизни в восприятии современников и ставящие новые задачи дальнейшего развития языковедческой науки, как они тогда виделись крупнейшему русисту.

Эти оценки приобретают особую ценность на фоне общего краткого итогового очерка истории русского языкознания, написанного Сергеем Петровичем в 1946 г., с детализацией его в труде В.В.Виноградова, созданном в то же время (Обнорский, 1946а, Виноградов, 1946). Хорошее знание прошлого русского языкознания обеспечивало Обнорскому успешность в разработке тех тем, которыми он занимался на протяжении своей длительной научной деятельности

Великолепный знаток русских местных говоров, Сергей Петрович немало внимания уделял русским диалектам как ведущий диалектолог и как ученый, в своих исследованиях по грамматике русского языка активно использовавший сведения, собранные в русских народных говорах другими, диалектного материала в сочетании с многочисленными фактами литературного языка. Характер глубоких разысканий приобретают фундаментальные статьи С.П.Обнорского об отдельных словах (*блюдо, лахудра, хороший, использовать/использовывать*), отдельных аффиксах (приставка *без-*), звуках (переход *е* в *о*) или их сочетаниях (*-чи*), которые считаются образцовыми и сохраняют свое значение до сих пор как таковые.

Благодаря такому внимательному отношению к материалам русских народных говоров именно при С.П.Обнорском в Институте русского языка Академии наук была активизирована диалектологическая работа, начало которой положило Второе отделение (Отделение русского языка и словесности) Академии наук в середине XIX в. и Московская диалектологическая комиссия еще в начале XX в. под руководством Д.Н.Ушакова.

Уже в университете определился глубокий интерес будущего ученого прежде всего к проблемам истории русского языка, и первые его опубликованные работы 1912 г. были посвящены анализу языка письменных памятников в целом или их отдельных черт (Супрасльская рукопись, Чудовская псалтырь XI в., Ефремовская кормчая XII в.), к чему ученый неоднократно возвращался и впоследствии, причем все больше и больше делал значительные обобщения на более обширном материале не только письменных источников, но и на базе материала живых народных говоров.

Имя С.П.Обнорского стал широко известным и за пределами русской филологии, когда он выступил с новым взглядом на происхождение русского литературного языка древней поры в книге “Очерки по истории русского литературного языка старшего периода” (1946). К этой теме он подошел в ходе обстоятельного анализа языка древних памятников русской письменности, что заставило его по-новому осветить проблему истоков и исторических судеб русского литературного языка в его связях со старославянским и церковнославянским языком.

Вопрос о происхождении русского языка и его отношении к языку древних церковных славянских книг (старославянскому) возникал уже в начальный период становления славяноведения, и его ставили уже А.Х.Востоков: “Какому бы диалекту первоначально ни принадлежал

язык церковных славянских книг, он сделался как бы собственностью россиян, которые лучше других славян понимают сей язык и более других воспользовались оным для обогащения и для очищения собственного своего народного диалекта” (Востоков, 1820: 32).

Отталкиваясь от соображений А.Х.Востокова, русские языковеды создали два диаметрально противоположных взгляда на происхождение русского литературного языка: согласно одной точке зрения, русский литературный язык возник на местной почве и лишь впоследствии испытал сильное влияние со стороны церковнославянского языка, согласно другой – пришедший вместе с церковными книгами церковнославянский язык стал литературным языком Древней Руси и лишь с течением времени испытал влияние со стороны живого русского языка.

Эти две точки зрения были представлены большим количеством разных вариантов, но все они базировались на априористических соображениях и были лишены доказательной базы. В силу чрезвычайно большого авторитета А.А.Шахматова – учителя С.П.Обнорского – в начале XX в. получила преобладание вторая точка зрения – о церковнославянском происхождении русского литературного языка и его постепенной русификации.

Стоя первоначально на точке зрения своего учителя и активно исследуя язык древнейших памятников русской письменности в этом аспекте, в 1934 г., в статье “Русская Правда как памятник русского литературного языка” ученый пришел к выводу о том, что прежняя теория недооценивала роль чисто русских элементов в составе литературного языка Древней Руси, и выдвинул свою оригинальную глубоко обоснованную фактами теорию об исконной восточнославянской основе древнерусского литературного языка, вступив в спор со своим весьма уважаемым наставником.

Новый взгляд на происхождение древнерусского литературного языка был окончательно оформлен в монографию “Очерки по истории русского литературного языка старшего периода” (1946), которая была отмечена в 1947 г. Сталинской премией и получила признание как большое достижение советского языкознания.

Соображения С.П.Обнорского вошли в науку об истории русского литературного языка, значительно обогатив ее содержание. Взгляды исследователя приобрели многих сторонников среди ведущих историков-русистов.

Новый свежий взгляд на, казалось бы, уже давно решенную проблему оживил интерес к ней, и еще в период становления теории

С.П.Обнорского стали появляться критические отклики, среди которых особенно интересна статья Афанасия Матвеевича Селищева (1886–1942) “О языке “Русской правды” в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка”, которая была опубликована, однако, только в 1957 г. (перепечатана в “Избранных трудах” М., 1968, с. 129–140).

Опираясь на соображения С.П.Обнорского, но не вступая с ним в прямую полемику, В.В.Виноградов создает свою альтернативную и компромиссную концепцию о трех типах письменного языка у древнерусской народности, “один из которых — восточнославянский в своей основе — обслуживал деловую переписку, другой, собственно литературный церковнославянский, то есть русифицированный старославянский, — потребности культа и церковно-религиозной литературы. Третий тип, по-видимому, широко совмещавший элементы главным образом живой восточнославянской народно-поэтической речи и славящины, особенно при соответствующей стилистической мотивировке, применялся в таких видах литературного творчества, где доминировали элементы художественные” (Виноградов, 1956: 185). Не уточняя загадочного термина *тип языка*, несколько позже В.В.Виноградов говорит уже только о двух типах: “Два противопоставленных и непрестанно сопоставляемых типа древнерусского литературного языка — книжно-славянский и народно-литературный — выступают как две функционально разграниченные и жанрово-разнородные системы литературного выражения. Будучи в своих контрастных, наиболее “чистых” концентрациях с генетической точки зрения двумя разными “языками”, но ставши затем двумя типами древнерусского литературного языка, книжно-славянский тип в восточнославянском обличьи и народно-литературный восточнославянский тип вступили в сложное и разнообразное взаимоотношение и взаимодействие в кругу разных жанров древнерусской литературы” (Виноградов, 1958: 102) “Со второй половины XVII в. оба типа древнерусского литературного языка растворяются в новой системе трех стилей русского литературного языка, твердо ступающего на путь национального развития” (там же, с. 151). Фактически В.В.Виноградов солидаризовался с А.И.Соболевским, согласно мнению которого Древняя Русь имела два языка письменности: “Церковнославянский язык был для Руси языком литературы в течение всего древнего периода русской истории, т.е. до конца XVII в.”. “Другим языком древнерусской письменности, деловым, был русский язык. Им пользовались при составлении законов и докумен-

тов; он употреблялся в дипломатических сношениях” (Соболевский, 1904).

Неординарный взгляд на проблему, разработанный исследователем, породил своеобразную дискуссию, конец которой пока еще не подведен, но важна постановка вопроса, решение которого видится в будущем при учете своеобразия славянского мира в IX–X вв., когда этот единый мир еще не распался, но основы для его распада уже наметились и обозначились, когда единая славянская общность начинала распадаться на региональные диалекты, не дошедшие еще до статуса отдельных языков.

Славянские просветители создали своими переводами литературный язык для всех славян, поэтому он в многовековой традиции именуется просто славянским, а название его церковнославянским возникло только в начале XIX в. (Востоков, 1820), и оно не может быть распространено на раннее время существования общеславянского литературного языка среди славянских племен, которые только становились самостоятельными народами.

Язык переводов и оригинальных произведений, созданных славянскими просветителями Кириллом и Мефодием и их учениками, был в их время понятен всем славянам и назывался славянским, что сохранилось в книжной традиции до нашего времени. Его можно было бы — вслед за А.С.Будиловичем — назвать общеславянским (Будилович, 1892).

Даже если и не соглашаться с точкой зрения Сергея Петровича, как и с его критиками, приходится признать, что его концепция сдвинула проблему с мертвой точки и способствует дальнейшему прогрессу познания в этой сложной сфере истории славянской культуры.

При всем многообразии занятий ученого его, на первый взгляд, песящая по своей тематике научная продукция отличается на самом деле коренным внутренним единством — это глубокое проникновение порой в самые сокровенные тайны русского языка, их умелое оригинальное описание и освещение в историческом ключе, когда происхождение элементов русской речи получает органически единое синхронное и диахронное описание без назойливого противопоставления этих аспектов, но и без их смешения. Он постоянно подчеркивал, что познание современного языка просто невозможно без проникновения в его историю в связи с историей народа. В то же время история языка постоянно опирается на современные данные, которые приобретают в их историческом освещении более убедительное объяснение с учетом динамики их развития: являются ли

они реликтами прошлого или ростками будущего, которым только предстоит развитие.

С.П.Обнорский успел опубликовать далеко не все свои интересные разыскания: часть из них появилась уже после смерти исследователя (Обнорский, 1961, 1968).

Не одно поколение русистов изучало историю русского языка по составленной С.П.Обнорским “Хрестоматии по истории русского языка”, которая вышла в трех книгах в 1938–1952 гг. при участии С.Г.Бархударова и практически употребляется даже сейчас в практике вузовского преподавания историко-лингвистических дисциплин, поскольку до сих пор не нашла достойной замены как со стороны объема, так и со стороны тщательности подачи опубликованного материала и его трактовки.

Будучи признанным авторитетом в русском языкознании, Сергей Петрович отличался большой скромностью, как он сам признавался В.И.Борковскому в письме от 11 июня 1958 г., отказываясь от торжественного юбилея по поводу своего семидесятилетия:

“Я – человек от природы скромный. Никогда я ничего не желал и не желаю. Но всегда я тяготел к науке. К своим писаниям я всегда был очень критичным... Если чем-либо я содействовал подъему русского языкознания, я очень рад” (Борковский, 1967: 9).

Литература

- Будилович А.С.* Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы: Т. 1–2. – Варшава, 1892. – Т. 1. – 437; Т. 2. – 375 с.
- Виноградов В.В.* Русская наука о русском литературном языке // Учен. записки Моск. унта. – М., – 1946, вып. 106: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Т. 3, кн. 1. – С. 22–147.
- Виноградов В.В.* Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопр. языкознания. – М., 1956. – № 1. – С. 3–25. (Цит. по переизд. в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды: История русского литературного языка. – М., 1978. – С. 178–201.)
- Виноградов В.В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка – М., 1958. – 138 с. (Цит. по переизд. в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды: История русского литературного языка. – М., 1978. – С. 65–151.)
- Востоков А.Х.* Рассуждение о славянском языке // Труды Общества любителей российской словесности. – М., 1820. – Ч. 17. – С. 5–61.

- Обнорский С.П.* Русское правописание и язык в практике издательств // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. — М., 1934. — № 6. — С. 455–483.
- Обнорский С.П.* Орфография и язык // Рус. яз. в шк. — М., 1936. — № 2. — С. 3–4.
- Обнорский С.П.* Основные принципы орфографической нормализации // Рус. яз. в шк. — М., — 1939. — № 5/6. — С. 5–13.
- Обнорский С.П.* Вопросы современной русской орфографии // Сов. педагогика. — М., 1944. — № 11/12. — С. 28–35.
- Обнорский С.П.* Задачи орфографической комиссии // Рус. яз. в шк. — М., 1953а. — № 5. — С. 17–19.
- Обнорский С.П.* Правописание наречий и наречных сочетаний // Рус. яз. в шк. — М., 1954. — № 6. — С. 17–19.
- Обнорский С.П.* [Рецензия] // Рус. яз. в шк. — М., 1956. — № 5. — С. 104–106. — Рец. на кн.: Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника / Под ред. Аванесова Р.И., Ожегова С.И.; Ин-т языкознания АН СССР. — М., 1955. — 578 с.
- Обнорский С.П.* [Рецензия] // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — М., 1957. — Т. 16, вып. 4. — С. 366–369. — Рец. на кн.: Орфографический словарь русского языка. / Ин-т языкознания АН СССР. / М., 1956. — 1259 с.
- Соболевский А.И.* Русский литературный язык // Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. — СПб., 1904. — С. 363–370.
- Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. — Л., 1925. — 211 с. (2-е изд.: М.; Л., 1930. — 212 с.; 3-е изд.: М., 1934. — 198 с.)
- Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. — М., 1957. — 400 с.
- Щерба Л.В.* Безграмотность и ее причины: Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — С. 56–62.

Основные работы С.П.Обнорского

- Обнорский С.П.* Исследование о языке Миней за ноябрь 1097 года // Изв. АН СССР. Отд-ние рус. яз. и словесности. — М., 1924. — Т. 29. — С. 167–226.
- Obnorskij S.* Russisches сегодня // Ztschr. für slavische Philologie. — Leipzig, 1926. — Bd 3, H. ½. — S. 144–149.
- Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1: Единственное число. // — Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности АН СССР. — Л., 1927. — Т. 100, № 3 — 324 с.
- Обнорский С.П.* Заметки по русской диалектологии (гл. 1) // Slavica. — Pr., 1929. — Roč. 8, seš. 4. — S. 837–852; (гл. 2–3) // Slavica, 1932. — roč. 11, seš. 1. — S. 43–55.
- Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. — Л., 1930. — Вып. 2: Множественное число. — 411 с.

- Обнорский С.П.* Ломоносов и русский литературный язык // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1940. – № 1. – С. 53–64.
- Обнорский С.П.* Разработка русского языка за 25 лет // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1944а. – Т. 3, вып. 1. – С. 16–30.
- Обнорский С.П.* Задачи Академии наук СССР в области изучения русского языка // Вест. АН СССР. – М., 1944б. – № 3/4. – С. 8–13.
- Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. – М.; Л., 1946. – 197 с.
- Обнорский С.П.* Итоги научного изучения русского языка // Учен. записки Моск. ун-та. – М., 1946а. – Вып. 106: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, Т. 3, кн. 1. – С. 3–21.
- Обнорский С.П.* Пушкин и нормы русского литературного языка // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Сер. филол. наук. – Л., 1946. – С. 86–98.
- Обнорский С.П.* Очерки по морфологии русского глагола. – М., 1953. – 252 с.
- Обнорский С.П.* К истории залогов в русском языке // Исследования по лексикологии и грамматике русского литературного языка. – М., 1961. – С. 168–171.
- Обнорский С.П.* О значении префикса у- в русском языке // Русская историческая лексикология. – М., 1958. – С. 162–163.
- Обнорский С.П.* Избранные работы по русскому языку. – М., 1960. – 355 с.

Основные работы о С.П.Обнорском

- Академик Сергей Петрович Обнорский // Вест. АН СССР. – М., 1939. – № 2/3. – С. 192.
- Аванесов Р.И. Академик Сергей Петрович Обнорский // Рус. яз. в shk. – М., 1948. – № 5. – С. 1–3.
- Черных П.Я.* Академик С.П.Обнорский как историк русского языка // Рус. яз. в shk. – М., 1948. – № 5. – С. 3–10.
- Чествование академика С.П.Обнорского // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1948. – Т. 7, Вып. 6 – С. 582–584.
- Бархударов С.Г.* Академик С.П.Обнорский: (К 70-летию со дня рождения) // Вопр. языкознания. – М., 1958. – № 4. – С. 63–77.
- Виноградов В.В.* Научная деятельность академика С.П.Обнорского // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1958. – Т. 17, Вып. 3. – С. 247–262.
- Борковский В.И.* Сергей Петрович Обнорский. Некролог // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1963. – Т. 22, Вып. 1. – С. 86–87.
- Герд А.С., Трубинский В.И.* Памяти С.П.Обнорского // Рус. яз. в shk. – М., 1964. – № 2. – С. 106–107.
- Борковский В.И.* Сергей Петрович Обнорский // Рус. речь. – М., 1967. – № 5. – С. 9–11.

Л.И.Скворцов

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ОЖЕГОВ

Выдающийся русский языковед, доктор филологических наук, профессор С.И.Ожегов [10(23).09.1900–15.12.1964] широко известен в нашей стране и за рубежом как основоположник нового направления современной русистики — теории и практики культуры речи, как историк русского литературного языка, специалист в области терминологии, орфоэпии и орфографии, языка художественной литературы и особенно — как автор знаменитого однотомного “Словаря русского языка”. Ожеговский словарь, вышедший в 1949–1991 гг. двадцатью тремя (!) изданиями общим тиражом свыше 7 млн. экземпляров, долгое время занимал прочные позиции наиболее авторитетного пособия и справочника по современному русскому языку, литературному словоупотреблению. Он был настольной книгой “правильной русской речи” для всех слоев населения, для каждого образованного человека. Практически он имелся в каждом доме, в любой семье, к нему обращались инженеры и учителя, журналисты и писатели, актеры театров и кино, режиссеры, дикторы радио и телевидения, студенты, школьники, домохозяйки и пенсионеры. Авторитет словаря был неколебим. “Посмотрите у Ожегова”, “Справьтесь в Ожегове”, “Откройте Ожегова”, — советовали друг другу люди в тех случаях, когда надо было быстро получить какую-нибудь языковую справку, решить возникший острый спор, рассеять сомнения или, напротив, утвердиться в правильности своих языковых представлений. Современность, актуальность, научная достоверность, нормативно-оценочная и стилистическая определенность Ожеговского словаря, при относительной его компактности — вот основные достоинства, которые определили необычайную долговечность этой книги, намного пережившей своего составителя и творца.

Академик Л.В.Щерба, сам великий лексикограф, полагал, что “словарная работа, основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка, ... совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию (только последнее является активным, а дарование словарника — пассивным и обязательно сознательным)” (Щерба, 1940: 104).

Таким вот “особо тонким восприятием языка” в полной мере обладал С.И.Ожегов. Он был прирожденным и неутомимым лексикографом, имевшим особый вкус к этой кропотливой, трудоемкой и очень сложной работе. Тонко чувствуя структуру и семантическую материю слова, Сергей Иванович знал необычайное множество бытовых, исторических, областных и даже сугубо специальных реалий. Автору этих строк посчастливилось, например, однажды выслушать содержательную импровизированную мини-лекцию о коньячном производстве и его истории в России. Кладовые его обширной памяти хранили многое из истории науки и техники, народных промыслов, спорта, военного и театрального быта, из городского и сельского фольклора, из самых разных художественных текстов. Он все читал и всем интересовался до последних дней своей жизни.

Самый близкий и давний друг Сергея Ивановича (если не считать С.Г.Бархударова) профессор А.А.Реформатский (1900—1978) писал о нем в некрологе: “Сергей Иванович был очень цельным и своеобразным человеком. Он был русистом не только в лингвистике, но и в жизни, и в своих интересах и вкусах. Он великолепно знал русскую старину, русскую историю и этнографию. Знал и хорошо чувствовал русские пословицы и поговорки, поверья и обычаи. Прекрасный знаток русской литературы, как классической, так и современной, он никогда не расставался с книгой. А книги он читал “с карандашом”, пристально и целеустремленно, о чем свидетельствуют многочисленные подчеркивания и выписки. Богатый жизненный опыт в соединении с верным чутьем и выдвинули Сергея Ивановича в первые ряды деятелей культуры речи” (Реформатский, 1965: 192).

Родился Сергей Иванович в фабричном поселке Каменное Новоторжского уезда бывшей Тверской губернии (ныне — г. Кувшиново). Отец его, Иван Иванович (из уральских мастеровых Ожеговых), работал инженером Каменской бумагоделательной фабрики. Он был человеком обширных знаний и разносторонних интересов, открытых демократических настроений. В доме инженера И.И.Ожегова собирались передовые люди того времени, участники первой русской революции 1905 г. Бывал

там и М.Горький, приехавший к своему другу Н.З.Васильеву (сцены из жизни кувшиновских рабочих нашли затем отражение в романе “Жизнь Клима Самгина”).

Интересным человеком была и мать Сергея Ивановича — Александра Федоровна Ожегова, в девичестве Дегожская, потомственная дворянка, находившаяся в дальнем родстве с известным филологом, профессором Петербургского университета Герасимом Петровичем Павским (1787—1863). Будучи прекрасно образованной, Александра Федоровна смогла многое передать своим детям — сыновьям Сергею (старшему), Борису (среднему) и Евгению (младшему). В кругу этой разночинной интеллигентной семьи, имеющей множество родных, друзей и знакомых, закладывались основы мировоззрения, формировались взгляды, воспитывалось необыкновенное трудолюбие детей Ожеговых.

Весной 1909 г. Ожеговы переезжают в Петербург, где Иван Иванович начал работать в Экспедиции заготовления государственных бумаг (ныне фабрика “Гознак”). Сергей Ожегов начинает учиться в 5-й гимназии (она располагалась на пересечении Екатерингофского и Английского проспектов). Сохранились книги, которыми награждали гимназиста Ожегова “за примерное поведение и отличные успехи”. В старших классах гимназии он особенно полюбил шахматы и футбол, играл за гимназическую команду, состоял в так называемом Сокольском спортивном обществе.

Летом 1918 г. Сергей Иванович окончил гимназию и поступил на факультет языкознания и материальной культуры Петроградского университета, прослушал первые лекции. Однако в конце 1918 г., он оставляет университет и уезжает в город Опочку к родным по линии матери. Там он, будучи по молодости лет членом партии эсэров (как многие в то время гимназисты и студенты), участвует в установлении советской власти. Затем резко порывает с эсэрами и в декабре 1918 г. записывается вольноопределяющимся в Красную Армию. Как боец-кавалерист он участвует в боях под Нарвой, Псковом и Ригой, на Карельском перешейке, затем на Украине, на врангелевском фронте. До 1922 г., Сергей Иванович служил на руководящих должностях в штабе Харьковского военного округа в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). После окончания военных действий ему предложили путевку в военную академию, но он от нее отказался, был демобилизован и вернулся на филологический факультет Петроградского университета.

В 1926 г. он завершает обучение и по представлению своих учителей В.В.Виноградова (1894/95—1969), Б.М.Ляпунова (1862—1943) и

Л.В.Щербы (1880–1944) был рекомендован в аспирантуру Института истории литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ. В это время он углубленно занимается изучением истории русского литературного языка, знакомится с обширным кругом древних и новых языков (в первую очередь славянских), слушает лекции проф. С.П.Обнорского(1888–1962), проф. Л.П.Якубинского (1892–1945), участвует в семинаре акад. Н.Я.Марра (1864/65–1934).

В 1927–1930 гг. Сергей Иванович Ожегов – преподаватель Высших курсов искусствознания при Государственном институте истории искусств; в 1931–1936 гг. – ассистент Ленинградского педагогического института им. М.Н.Покровского, затем доцент ЛГПИ им. А.И.Герцена.

В 1934–1936 гг. работал в Институте языка и мышления АН СССР по словарному отделу. В 1936 г. переезжает в Москву по приглашению Отдела печати ЦК ВКП(б) в связи с решением Оргбюро ЦК ВКП(б) об ускорении работы над “Толковым словарем русского языка” (под ред. проф. Д.Н.Ушакова).

В 1934 г. получил ученую степень кандидата филологических наук (без защиты диссертации, по Постановлению СНК); с сентября 1939 г. – старший научный сотрудник и зам. зав. сектором славянских языков Института языка и письменности АН СССР.

В 1941–1942 гг. Сергей Иванович руководит московской частью Института (с 1944 г. – это Институт русского языка АН СССР на Волхонке 18/2, ныне – Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН).

В 1950–1952 гг. исполнял обязанности ученого секретаря совета Института языкознания АН СССР. С 1952 г. – зав. сектором культуры речи Института языкознания АН СССР; с 1958 г. – зав. сектором современного русского языка и культуры речи Института русского языка АН СССР; с 1963 до конца жизни – зав. сектором культуры русской речи того же института. В 1961–1962 гг. по совместительству был заместителем директора института.

В 50-е годы в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова читал лекции и вел спецсеминары по истории русского литературного языка (автор программы по этому курсу для филологических факультетов университетов). Руководил подготовкой дипломников и аспирантов. В 50–60-е годы публиковал газетные и журнальные статьи, выступал в различных аудиториях с интереснейшими докладами и лекциями о путях развития русского языка в послеоктябрьскую эпоху.

С.И.Ожегов принимал деятельное участие в работе многих научных комиссий и советов, редакционных коллегий, секций и бюро. В качестве заместителя председателя вел большую работу в Комиссии по упорядочению написания и произношения иноязычных собственных имен и географических названий Академии наук, возглавлял лингвистическую группу Комиссии по наименованиям и переименованиям при Моссовете.

Доктором филологических наук он стал в 1958 г. (без защиты диссертации, по совокупности научных трудов); звание профессора получил в 1961 г., за несколько лет до смерти.

С молодых лет, с самого начала научного творческого пути и до конца жизни, судьба Сергея Ивановича была связана с выдающимся деятелем русской филологической науки, учеником акад. А.А.Шахматова Виктором Владимировичем Виноградовым (1895–1969). Свою аспирантскую подготовку С.И.Ожегов непосредственно проходил под руководством будущего академика (он был самым первым аспирантом молодого тогда профессора). Это не только сблизило их в научном отношении, но и сдружило лично, наложило отпечаток на дальнейшие их жизненные перипетии. Достаточно сказать, что в непростые предвоенные годы Сергей Иванович регулярно отправлял сосланному в Вятку В.В.Виноградову (по сфабрикованному “Делу славистов”) многочисленные “корзины книг” для научных трудов своего учителя. (Он рассказывал мне об этом как о вполне естественном деле, хотя каждому понятно, что для этого требовалось известное мужество.)

Влияние научных идей акад. В.В.Виноградова, его складывавшейся тогда школы Сергей Иванович, по собственному его признанию, испытывал в течение всей своей жизни. В 30-е годы они вместе работали в коллективе авторов – составителей Ушаковского словаря; их тесное сотрудничество и личная дружба продолжались в период Великой Отечественной войны и в нелегкие для нашей филологии послевоенные годы (особенно во времена засилья так называемого “марровского учения” о языке), и в дальнейшем, когда В.В.Виноградов был директором Института языкознания (с 1950 г.), а затем Института русского языка АН СССР (с 1958 г.). Академик В.В.Виноградов провожал в последний путь своего ученика и соратника (в декабре 1964 г.). Он вел траурный митинг в конференц-зале Института русского языка АН СССР на Волхонке и в прощальной речи с большой теплотой говорил о Сергее Ивановиче как выдающемся деятеле русской советской лексикографии, теории и практики культуры речи, умелом организаторе филологической науки.

Научные интересы С.И.Ожегова были связаны с исследованием истории русского литературного языка, малоизученных вопросов исторической грамматики, лексикологии, орфоэпии¹, языка русских писателей, орфографии, фразеологии, лексикографии, теории и практики культуры русской речи.

Можно с уверенностью сказать, что вряд ли бы мог развиваться в С.И.Ожегове такой самобытный и яркий талант лексиколога и лексикографа, специалиста по культуре речи, если бы он не был тонким исследователем истории русского литературного языка. Изучение родного языка в его живых социальных связях и отношениях было главным направлением научного творчества Сергея Ивановича. Разговорная русская речь во всех ее проявлениях (включая городское просторечие, жаргоны, аргó и профессиональную речь) – основной объект его работ. И не случаен поэтому сам выбор исследуемых им старых авторов: И.А.Крылов, П.А.Плавильщиков, А.Н.Островский и др.

В статье об И.А.Крылове “Материалы для истории русского литературного произношения XVIII – начала XIX в.” (1949) он показал, например, как этот “творец и законодатель языка” (так называли его современники) вместе с гениальным А.С.Пушкиным закладывал основы современного русского литературного языка. На примере поэтического творчества Крылова выявлен сложный процесс взаимодействия социальных и эстетических факторов, которые определенным образом влияли на характер вновь создававшейся орфоэпической системы. С.И.Ожегов установил, что Крылов шел по пути сближения стихового произношения с литературно-разговорным. В самом деле. С одной стороны, он отдает дань традиции (взрывное произношение *г* с немногочисленными отступлениями в пользу традиционного фрикативного звука; преобладание *окающего* чтения, окончание *-ой* в именительном-винительном падежах единств. числа прилагательных, причастий и порядковых числительных муж. рода), с другой стороны, в соответствии с художественной спецификой басни, Крылов прибегает к разговорным интонациям и другим элементам обиходно-бытовой речи, попутно допуская *аканье* (в умеренной петербургской манере), решительно порывает с традицией произношения ударенного *е* по-славянски, предпочитает русскую огласовку в стихе и т.п.

В статье “О языке купеческой комедии П.А.Плавильщикова” (1951) С.И.Ожегов ставит принципиальный вопрос о роли социальных разновидностей речи XVIII в. в становлении национальных, в частности лексико-фразеологических норм. Сущность языкового реализма Пла-

вильщикова состояла в том, что он, в отличие от некоторых драматургов XVIII в., введших народные элементы языка только для обнаружения социальной принадлежности персонажа, стремился с помощью речевых средств отразить характер, мысли и действия, поступки изображаемых лиц. Для Плавильщикова, пишет Сергей Иванович, “народный язык персонажей его комедий не является целью создания комических эффектов... Поэтому он совершенно отказался от натуралистического воспроизведения речевых особенностей крестьян”.

В этой статье исследуются особенности словарного состава и грамматические приметы русской купеческой речи XVIII столетия, однако выводы носят широкий социолингвистический характер. С.И.Ожегов указал на близость идейных позиций Крылова и Плавильщикова, в частности, в вопросах развития национальной русской культуры.

Ряд статей П.А.Плавильщикова, помещенных в журнале И.А.Крылова “зритель”, составили развернутую программу демократического русского просветительства. “Я не отрицаю, — писал Плавильщиков, — чтоб не нужно было занять чего у иностранцев; но что и как занимать? В том вся важность. Петр Великий занял у иностранцев строй воинский, но сообразовал его со свойством воинов своих. Петр Великий занял строение кораблей, но учредил флот по своему благорассмотрению и оттого превзошел своих учителей. ... Обвиняют Ломоносова, что он подражал иногда Гинтеру, но оды Ломоносова таковы, что Гинтер кажется подражателем Ломоносову” (цит. по: Ожегов, 1974: 106).

В оценке русского языка и его богатств, отмечает С.И.Ожегов, Плавильщиков развивал ломоносовские взгляды, хорошо изученные им в университетские годы под руководством известного русского филолога-грамматиста и педагога А.А.Барсова (1730—1791). По свидетельствам современников, Плавильщиков, блестяще зная и высоко ценя богатства родного языка, никогда не позволял себе прибегать к “скудости слов чужеземных” и досадовал, даже изменялся в лице, когда слышал отступления от чистоты слога. “Не стыдно ли нам, — говаривал он, — обходить чистый источник, и притом свой, наследственный, а чужие блестящие песчинки почитать золотом? Все чужое перенимать, значит своего не понимать. Вникнем только в свое собственное и найдем, чем пленяться, найдем даже и то, чем удивить самих иностранцев” (цит. по: Ожегов, 1974: 110). В области языка, как и в области культуры, Плавильщиков был последователен: надо оставаться на почве народного языка, не выходить из его круга, но поднимать народный язык на новую ступень в соответствии с новыми культурными потребностями. Ведь одно дело —

творческое *понимание*, “проникающее мыслями во внутренность дела”, и совсем другое — слепое *перенимание*, рабское подражание, засоряющее живую мысль и принижающее самобытную русскую культуру.

По существу, в этой замечательной статье С.И.Ожегов заново открыл для современного читателя одно из славных русских имен — Петра Алексеевича Плавильщикова, писателя-драматурга, патриота, просветителя, деятеля русской культуры, ревностного сторонника ее самостоятельного национального развития.

Интересным начинанием, активное участие в котором принял Сергей Иванович, был подготовленный в 1948 г. во Всероссийском театральном обществе “Словарь к пьесам А.Н.Островского”. По причинам чисто внешнего и идеологического порядка (проходившая в то время кампания борьбы с “космополитизмом” и закручивания идеологических гаек) он, к сожалению, не был опубликован, хотя и был набран и сверстан. Репринтное издание этого словаря вышло в свет в издательстве “Веста” (Москва) лишь в 1993 г.

Этот любопытный в различных отношениях словарь был задуман и выполнен как справочник для актеров, режиссеров и переводчиков. По составу и характеру он не полный, а дифференцированный: в него включена не вся лексика пьес Островского, а лишь то из нее, что необходимо для понимания языка драматургии Островского, стилистического и семантического ее богатства и своеобразия. Составной частью словаря стали историко-бытовые комментарии (энциклопедического характера) — пояснения и справки к соответствующим терминам, собственным именам, географическим названиям и т.п.

Историко-бытовая часть в словаре была подготовлена Н.С. и М.Г. Ашукиными (авторами известного словаря “Крылатые слова”). Историко-театроведческий раздел обеспечивал театральным критик и видный историк русского театра В.А.Филиппов (он же должен был стать общим редактором книги). Наконец, очень важная и ответственная филологическая часть словаря, связанная с собственно лексикографической обработкой всех текстов, взятых из пьес Островского, была поручена С.И.Ожегову. В сущности, он составил краткий словарь языка Островского.

В словаре объясняются старинные областные или вышедшие из употребления слова и выражения, малопонятные или вовсе непонятные для современного читателя, зрителя, актера, режиссера-постановщика и т.п. Значительный слой лексики, помещенной в словаре, принадлежит старому русскому просторечию, т.е. обиходной речи старомосковского

населения или жителей других русских городов — полукультурного купечества, мещанства, мелкого чиновничества, а также связанных с ними иных социальных слоев. Важным является то, что в “Словаре к пьесам А.Н.Островского” приведены слова и формы слов, которые отличаются от современного литературного языка по употреблению, семантике, произношению и ударению. Ведь именно они нуждаются больше всего в историко-лингвистическом комментарии — во избежание возможных искажений художественного замысла А.Н.Островского при постановке его пьес на сцене в наши дни.

В аспекте проблематики истории и диалектологии славянских языков выполнена работа Сергея Ивановича “Об одной форме долженствования в русском языке” (1947). В ней автор анализирует грамматическую специфику и сферы распространения сочетаний, состоящих из двух инфинитивов, типа *быть перестать*, *быть помириться*, *быть терпеть* и т.п. На основе изученных материалов С.И.Ожегов пришел к выводу, что в русском языке такие сочетания пережиточны, причем они входили как одно из синонимических средств в более широкий круг разных способов выражения категории долженствования (см. сочетания типа *быть убиту*, *быть грому* и т.п.). В связи с этим высказывается интересное предположение, что во всех подобных сочетаниях инфинитив *быть* имел когда-то одинаковое значение, сохраняя форму имени дат. падежа.

Большое место в научном наследии С.И.Ожегова занимают вопросы культуры речи, проблемы кодификации норм современного русского литературного языка в области произношения, формо- и словоупотребления, синтаксиса и стилистики. Из публикаций по этой проблематике глубоким содержанием выделяется статья “Очередные вопросы культуры речи” (1955). В ней дается обзор основных процессов, связанных с формированием национально-языковых норм начиная с пушкинской эпохи до современности, а также определяются лингвистические задачи по сознательному научному регулированию постоянно изменяющихся, динамичных отношений между литературно-нормативными и ненормативными средствами языка. Автор подчеркивает, что любая нормализация языковых средств должна опираться на глубокое теоретическое знание специфики каждого национального языка и закономерностей его развития. В понимании языковой нормы недопустим субъективизм, а также антиисторизм. “Языковая норма, — подчеркивает Сергей Иванович, — не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка. ... Языко-

вая норма есть исторически обусловленный факт, проявление исторических закономерностей развития языка и типических для каждой эпохи тенденций развития, поддержанное и одобряемое обществом в его языковой практике. Отсюда следует, что норма — это совокупность наиболее пригодных (“правильных”, “предпочитаемых”) для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов” (Ожегов, 1974: 259–260).

В конце статьи говорится о том, что забота о культуре речи не является уделом только специалистов-филологов. Разработка проблем культуры речи интересует всех говорящих, независимо от их специальности, и должна вестись с учетом мнений, оценок и пожеланий самих носителей языка — нашей общественности. При этом автор делает весьма важную оговорку: “Но для того, чтобы эти пожелания имели конструктивный характер, необходима широкая научная пропаганда принципов разумной нормализации литературной речи, пропаганда научных методов этой нормализации, а также самих норм, разъяснение подчас ошибочных, но имеющих хождение представлений о развитии языка и о факторах, влияющих на установление норм” (Ожегов, 1974: 276). По глубокому убеждению С.И.Ожегова, вопросы повышения культуры речи должны решаться не с позиций субъективной оценки, а на основе исследования исторических закономерностей и тенденций развития литературного языка.

До конца жизни Сергей Иванович возглавлял созданный им Сектор культуры русской речи (сначала в рамках Института языкознания АН СССР, а затем — в Институте русского языка АН СССР). Он был инициатором создания и главным редактором серийного академического сборника “Вопросы культуры речи” (1955–1967, вып. 1–8). Материалы этого издания, труды сотрудников сектора и приглашенных специалистов сыграли заметную роль в развитии теории русской речевой культуры нашего времени.

С.И.Ожегов был уверен в том, что высокая культура речи является одним из важнейших условий повышения общей культуры широких народных масс, и прилагал много усилий для создания обширной научно-теоретической базы для нормализаторской практической деятельности. Активное участие принимал он в деятельности Комиссии по орфографии

(1948, 1962). Он был сторонником планомерной, настойчивой и длительной работы в области культуры речи, неустанно и терпеливо разъяснял Сергей Иванович вред как пуристического стремления законсервировать живой язык, закрепив его в некоторых застывших формах, так и попыток антинормализаторов объявить весь язык нормативным, передав его во власть речевой стихии. Мягкий и доброжелательный по природе, он был тверд и непримирим, когда дело касалось научной принципиальности, добросовестности и объективности, когда речь шла о судьбах родного языка, о судьбе русской культуры.

Без преувеличения можно сказать, что С.И.Ожегов заложил фундамент культуры русской речи как самостоятельной лингвистической дисциплины. При этом он не жалел времени и сил для пропаганды научных лингвистических знаний, для просветительской деятельности. Его содержательные статьи и заметки в газетах и журналах, доклады и беседы в широких аудиториях всегда находили живой отклик благодарных читателей и слушателей. С ним постоянно советовались, у него консультировались люди самых разных профессий. В области литературных норм, языковой правильности, в вопросах лексики, грамматики, орфоэпии или орфографии научное мнение С.И.Ожегова всегда было одним из самых авторитетных.

Горячий и верный поклонник научного таланта С.И.Ожегова писатель К.И.Чуковский в скорбной заметке-прощании отмечал важную особенность Ожегова-нормализатора: “Испытывая сильнейший напор и со стороны защитников штампованной, засоренной речи, и со стороны упрямых ретроградов-пуристов, Сергей Иванович Ожегов не уступил никому. и это вполне закономерно, ибо главное свойство его обаятельной личности — мудрая уравновешенность, спокойная, светлая вера в науку и в русский народ, который отметет от своего языка все фальшивое, наносное, уродливое. Эмоциям испуганных пуристов он противопоставлял спокойное, трезвое, строго научное понимание внутренних законов языкового развития. Этому пониманию учил он и нас, писателей, в своих статьях, публичных выступлениях, — и, прощаясь с ним, мы все, болеющие о родном языке, не можем не выразить ему своей благодарности” (Чуковский, 1964).

Проведенные С.И.Ожеговым глубокие и оригинальные социолингвистические исследования нашли отражение в ряде его статей, заметок и докладов 50–60-х годов: “Основные черты развития русского языка в советскую эпоху” (1951); “Из истории слов социалистического общества” (1952); “Русский язык и советская культура” (1957); “Новый этап

исторического развития русского литературного языка” (1960); “О формах существования современного русского языка” (1962) и др.

Закономерным итогом этой большой работы явилось выдвижение С.И.Ожеговым научной социолингвистической проблемы “Русский язык и советское общество”. С конца 50-х годов она стала одной из главных тем в научно-исследовательском плане института русского языка АН СССР. Организация этой работы и начало ее проходили под руководством С.И.Ожегова, а закончена она была большим коллективом специалистов уже несколько лет спустя после его кончины (см. “Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование”. Тт. I–IV. М., 1968).

В обширном проспекте коллективной работы “Русский язык и советское общество” (1962) С.И.Ожегову принадлежит один из основных разделов — “Лексика”, где содержится ряд смелых, новаторских идей в области изучения лексической системы современного русского языка и происходящих в нем живых процессов. Здесь Сергей Иванович, в частности, выдвинул уточненную периодизацию развития русского языка в советскую эпоху, коснулся проблемы “перспективной диалектологии” (как части перспективной, или проспективной, социолингвистики, занимающейся вопросами прогнозирования языкового развития), более подробно, чем прежде, обосновал понятие “обиходно-разговорной речи” как одной из влиятельнейших форм современного национального языка, описал ее состав и структуру, проследил историю перехода ряда слов и выражений из круга социально ограниченного употребления или из территориальных говоров в общую русскую речь (*запросто, сравняться, признать, запороть, пережить, вояж, богадельня* и многие другие).

В широком круге лингвистических интересов С.И.Ожегова центральное место занимала лексикография. Словарное дело, составление и редактирование словарей — вот та сфера научной деятельности Сергея Ивановича, в которой он оставил заметный и неповторимый, чисто “ожеговский” след. Можно уверенно заявить, что не было в 50–60-е годы ни одного мало-мальски заметного лексикографического труда, в котором С.И.Ожегов не принимал бы участия — либо как редактор (или член редколлегии); либо как научный консультант и рецензент, либо как непосредственный автор-составитель.

Он был членом редколлегии “Словаря современного русского литературного языка” АН СССР в 17-ти томах (М.-Л., 1948–1965) с 6-го по 17-й том включительно. Он — автор-составитель и член редколлегии

академического “Словаря языка Пушкина” в четырех томах (М., 1956–1961).

Совместно с С.Г.Бархударовым и А.Б.Шапиро он редактировал “Орфографический словарь русского языка” АН СССР (с 1-го по 12-е издание включительно); редактировал (совместно с Р.И.Аванесовым) словарь-справочник “Русское литературное произношение и ударение” (изд. 2-е, М., 1959); был инициатором создания и редактором академического словаря-справочника “Правильность русской речи” (1-е изд. – 1962, 2-е изд. – 1965), одним из авторов-составителей которого является автор настоящей статьи.

До конца жизни Сергей Иванович был заместителем председателя Словарной комиссии Отделения литературы и языка АН СССР, а также членом редколлегии знаменитых “Лексикографических сборников”.

Деятельность С.И.Ожегова по составлению словарей началась в конце 20-х годов в Ленинграде, когда он активно включился в редактирование “Словаря русского языка” АН СССР (1895–1937, издание не было завершено). Том 5-й, вып. 1, “Д – деятельность” этого словаря полностью составлен и отредактирован им одним.

С 1927 по 1940 г., сначала в Ленинграде, а с 1936 г. – в Москве, Сергей Иванович участвовал в составлении “Толкового словаря русского языка”, первенца советской лексикографии. Этот словарь под редакцией проф. Д.Н.Ушакова (Ушаковский словарь) вышел в свет в 1935–1940 гг. в четырех томах и воплотил в себе лучшие традиции русской науки, лексикографические идеи и принципы И.А.Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), А.А.Шахматова (1864–1920), Л.В.Щербы (1880–1944). В его составлении приняли участие замечательные языковеды: В.В.Виноградов, Г.О.Винокур (1896–1947), Б.А.Ларин (1893–1964), Б.В.Томашевский (1890–1957), каждый из которых внес заметный и неповторимый вклад в это большое общекультурное, а не только чисто филологическое дело.

С.И.Ожегов был одним из основных составителей “Ушаковского словаря”, правой рукой главного редактора, фактически соредактором и научно-организационным “движителем” всей работы (по признанию самого Д.Н.Ушакова). Из общего объема словаря в 435 печатных листов Сергей Иванович подготовил более 150 листов (свыше 900 страниц книжного словарного текста!). Совместно с Д.Н.Ушаковым и Г.О.Винокуром он осуществил редактирование II, III, IV томов словаря.

Продолжая лучшие традиции отечественной академической лексикографии, “Толковый словарь русского языка” под редакцией проф.

Д.Н.Ушакова соединил идеи строгой научности академических словарей с массовой доступностью практического словаря-справочника. Детальной разработкой стилистических и грамматических помет, образцовостью и строгой нормативностью включаемого богатого лексического и фразеологического материала он утверждал опору на литературный язык “от Пушкина до Горького”.

Во вступительной статье “От редакции” подчеркивалось: “Составители старались придать словарю характер образцового, в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык, а именно, большое внимание обращено в нем на нормативную сторону: правописание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, тлеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства.; кроме того, самый анализ значений и оттенков значений слов, бывший предметом особой заботливости составителей и более детальный, чем в старых академических словарях и в словаре Даля, дает материал не только для теоретического изучения русской лексики, но, главное, для практического — с целью сознательного употребления в речи того или иного слова”.

Осуществить все эти поставленные задачи по отношению к русскому литературному языку 20–30-х годов XX в. было крайне непросто. В послереволюционную эпоху в нем произошли значительные количественные и качественные изменения: пополнился и видоизменился словарный состав, уточнились смысловые и стилистические характеристики многих слов и выражений; с появлением новой интеллигенции (из рабочих и крестьян) существенно менялся состав активных носителей литературного языка.

В результате этих объективных процессов традиционные нормы устной и письменной речи испытывали определенные колебания; описывать и закреплять их в словарном порядке было нелегко. От авторов словаря требовался огромный такт, соединенный с глубокими знаниями и тонким языковым чутьем и вкусом. Со всем этим они блестяще справились.

Выход в свет “Толкового словаря русского языка” под редакцией проф. Д.Н.Ушакова явился событием большого научного, общественного и культурно-просветительского значения. Это был первый лексикографический опыт, отразивший с достаточной полнотой русскую лексику и фразеологию 20–30-х годов XX столетия. Ушаковский словарь оказал большое влияние на всю русскую толково-нормативную лексикографию

последующих десятилетий и на становление словарного дела в национальных советских республиках.

Участие в группе авторов–составителей Словаря Ушакова было большой научной школой для С.И.Ожегова. В 1939-1940 гг. на базе этого словаря он (по поручению Д.Н.Ушакова) создает Типовой словник для русско-национальных словарей объемом в 70 печатных листов. Создание этого словника фактически было начальным этапом в истории однотомного Ожеговского словаря.

Мысль о кратком толковом словаре давно волновала Сергея Ивановича, но лишь с завершением гигантской эпопеи по составлению (и изданию) “Ушаковского словаря” этот замысел получил вполне реальную базу. Конечно, работа над однотомным словарем была облегчена наличием четырехтомного “Толкового словаря русского языка”, но вместе с тем она имела свои особенности, а подчас и совсем иные задачи. Это никак не мог быть “сокращенный Ушаков” или “краткий Ушаков”: ведь в рамках одного тома надо было с достаточной полнотой отразить основной (активный, употребляемый) состав лексики современного русского языка; включить в него наиболее важные неологизмы; выработать компактную структуру словарной статьи, определить принципы экономной подачи: иллюстративного материала. Необходимо было также учесть и новые научные достижения в области лексикологии, лексикографии, орфоэпии, грамматики, стилистики, фразеологии, словообразования и т.п.

В самом конце 30-х годов возникла инициативная группа по созданию “Малого толкового словаря русского языка”. На заседании 10 июня 1940 г. была образована редакция, в которую вошли Д.Н.Ушаков (главный редактор), С.И.Ожегов (зам. главного редактора), Г.О.Винокур и Н.Л.Мещеряков. Редакция поручила С.И.Ожегову выработать план издания, определить объем и структуру словаря, сроки подготовки и т.п. К осени 1940 г. Сергей Иванович подготовил План издания “Малого толкового словаря русского языка”, состоящий из 21 пункта (хранится в Архиве РАН, Фонд 1516). По этому Плану предполагалось, что Малый словарь “предназначается для широкого читателя и является нормативным: он должен быть пособием для изучения современной правильной литературной русской речи”. В словарь должно было войти примерно 60 тыс. слов; общий его объем планировался в пределах 120 авт. листов в одном томе. Состав словника (который предстояло еще уточнить в процессе работы) призван был отразить “основной лексический состав литературного языка с включением наиболее существенных

разновидностей устной и письменной речи”. В основу Малого словаря предполагалось положить словник “Ушаковского словаря” (с известными сокращениями), а всю работу закончить в 1942 г.

Начавшаяся война и другие обстоятельства ломают все намеченные планы и далеко отодвигают сроки завершения работы: в 1942 г. умирают Д.Н.Ушаков (в Ташкенте) и Н.Л.Мещеряков (в Казани); в 1947 г. в Москве скончался Г.О.Винокур. И лишь через четыре года после окончания войны, в самом начале 1949 г., выходит в свет 1-е издание однотомного “Словаря русского языка”, составленного С.И.Ожеговым (при участии Г.О.Винокура и В.А.Петросяна), под общей редакцией акад. С.П.Обнорского. Словарь Ожегова начинает свою замечательную жизнь.

Ожеговский словарь выдержал шесть прижизненных изданий и неоднократно переиздавался в зарубежных странах (репринтно). Популярность его начала быстро расти сразу же после выхода в свет. В 1952 г. вышло репринтное издание в Китае; вскоре последовало такое же издание в Японии. Он стал настольной книгой—справочником для многих тысяч людей во всех уголках земного шара, где изучают русский язык. За пределами России сегодня нет, в сущности, ни одного специалиста—русиста, не знакомого с именем С.И.Ожегова и с его словарем. Последней по времени данью мировой признательности ему стал “Новый русско-китайский словарь”, вышедший в Пекине в 1992 г. Его автор Ли Ша (русская по происхождению, давно живущая в Китае) скрупулезно, слово в слово перевела на китайский язык весь “Словарь русского языка” С.И.Ожегова.

В процессе составительской, авторской работы над однотомным нормативным словарем русского языка перед С.И.Ожеговым встал целый ряд вопросов, требовавших теоретического и практического разрешения.

Во-первых, это проблема стилистических помет, их критического отбора из довольно дробной системы “Ушаковского словаря” (более 30), с учетом динамического изменения экспрессивно-стилистической окраски слов и выражений. Во-вторых, проблема полисемии слов, структуры толкований (с непременным адекватным отражением живых тенденций и объективных процессов семантических изменений). В-третьих, вопросы, связанные с подбором примеров-цитат, принципом их краткости и вместе с тем представительности и убедительности. Наконец, в-четвертых, предстояло значительно обновить весь “ушаковский” словник, включив в него новые слова и словосочетания, а также новые значения или оттен-

ки значений и т.п. Эта последняя задача прямо связывалась с типом однотомию издания, призванного оперативно отражать новые явления в жизни языка.

В решении всех этих вопросов, в успешном преодолении трудностей, возникавших перед автором однотомию словаря, во всем блеске проявилось особое чувство слова, присущее Сергею Ивановичу, его тонкое восприятие живого языка, умение точно и строго объективно оценивать происходящие в языке процессы.

Следует особо отметить, что в повседневной работе Ожегова–лексикографа теория и практика шли всегда рука об руку. Теоретические принципы современной нормативной лексикографии нашли отражение во многих публикациях Сергея Ивановича: “Советские словари” (1946); “О структуре фразеологии” (1957); “О крылатых словах” (1957); предисловие “От редакции” в кн.: Правильность русской речи” (1962, 1965) и др. Среди этих работ большой теоретический интерес представляет статья “О трех типах толковых словарей современного русского языка” (1952), сохраняющая свою актуальность и в наши дни. В ней представлен очерк истории русской советской лексикографии. Автор отмечает, что в послеоктябрьский период на основе богатого опыта дореволюционной лексикографии в стране создавались новые словари русского литературного языка, отражающие изменения в лексике под влиянием как революционных событий, так и в связи с дальнейшими преобразованиями общественной жизни. Эти новые нормативно-толковые словари в зависимости от принятых составителями теоретических и практических установок, а также от объема и характера фиксируемой лексики С.И.Ожегов распределил по трем основным категориям (группам): большой словарь, охватывающий лексику современного русского литературного языка в широкой исторической перспективе, т.е. от начала XIX в. (сюда он относил 17-томный академический “Словарь современного русского литературного языка”), средний словарь, охватывающий лексику современного русского литературного языка во всем ее стилистическом многообразии, но ограничивающий разряды слов пассивного запаса (сюда он относил 4-томный “Толковый словарь русского языка” под ред. Д.Н.Ушакова); краткий словарь популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи (сюда он относил свой однотомию “Словарь русского языка”).

В первом издании Словарь Ожегова содержал чуть более 50 тыс. слов; во втором, исправленном и дополненном, издании (1952) – 52 тыс. слов; а в четвертом, также исправленном и дополненном, издании (1960)

— около 53 тыс. слов. Практически это две трети объема словника четырехтомного Словаря Ушакова (85 тыс. 289 слов). По сравнению с последним в Словаре Ожегова отсутствуют редкие термины, исключены малоупотребительные в общей речи иностранные слова, а также многие областные, просторечные и аргоические элементы.

Экономия места в однотомнике достигалась за счет компактной подачи значений, а также путем введения частичного гнездования (например, при слове *дом* приводятся в той же статье — *домик, домок, домишко, домина, домище*, прилагательное *домовитый* и т.п.). В отличие от “Ушаковского словаря”, в котором толкования слов иллюстрируются примерами из русской художественной литературы и публицистики (около 400 авторов), в Ожеговском словаре приводятся так называемые *речения* — составленные самим автором короткие фразы, типичные сочетания слов, а также образные выражения, пословицы и поговорки. Сокращение объема словника “Ушаковского словаря” сочеталось в однотомнике с большой работой автора по учету новых слов и значений, вошедших в активный речевой обиход как в военные годы, так и в послевоенное время, с уточнением их стилистических характеристик.

От издания к изданию Сергей Иванович перерабатывал свой словарь, стремясь как можно лучше отразить в его рамках современное актуальное литературное словоупотребление, сделать более строгой нормативную сторону подачи материала и тем самым усовершенствовать его как универсальное пособие по культуре русской речи. Уточнялась система грамматических и стилистических помет, обновлялся и пополнялся словник. Однако при всех этих необходимых изменениях (отражавших кроме всего прочего новые достижения лексикографической науки и теории общего языкознания) по своей структуре, составу, ха и творческую мысль автора—составителя.

До последних дней жизни Сергей Иванович неустанно работал над совершенствованием своего детища. В марте 1964 г., будучи уже тяжело больным, он подготовил официальное письмо—обращение в издательство “Советская энциклопедия”, в котором заявлял: “В 1964 году вышло новое, стереотипное издание моего однотомного “Словаря русского языка”... Я нахожу нецелесообразным дальнейшее издание Словаря стереотипным способом. Я считаю необходимым подготовить новое, переработанное издание. Предполагаю внести ряд усовершенствований в Словарь, включить (в него) новую лексику, вошедшую за последние годы в русский язык, расширить фразеологию, пересмотреть определения слов,

получивших новые оттенки значения, усилить нормативную сторону Словаря”.

Осуществить этот замысел Сергей Иванович не успел: в декабре того же 1964 г. его не стало...

В 1968 и 1970 гг. вышли 7-е и 8-е стереотипные издания Словаря Ожегова. А начиная с 9-го издания (1972) он выходил под редакцией Н.Ю.Шведовой (в подготовке этого первого посмертного издания, исправленного и дополненного, принял участие автор этих строк). От издания к изданию словник его увеличивался к достиг в 21-м издании 70 тыс. слов. В 1990 г. АН СССР присудила “Словарю русского языка” С.И.Ожегова премию имени А.С.Пушкина.

В 1991 г. вышло 23-е издание Ожеговского словаря, которому едва ли не суждено было стать последним: как книга одного автора—составителя он прекратил свое существование. В 1992 г. под грифами Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН и Российского фонда культуры выходит с измененным названием книга уже двух авторов—составителей: С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. “Толковый словарь русского языка”. (К настоящему времени вышло пять или шесть изданий этой книги.)

Следует со всей определенностью сказать, что издаваемый ныне однотомный словарь Ожегова-Шведовой (в научной печати его называют СОШ), вопреки заверениям автора “Предисловия” Н.Ю.Шведовой, во многом отстает от принципов, сформулированных самим Сергеем Ивановичем Ожеговым в статье “О трех типах толковых словарей современного русского языка” в отношении краткого словаря. Это относится и к составу словника (с обилием неоправданных специальных терминов и архаизмов), и к характеру толкования однотипного материала (см. разноречивую подачу общественно-политической лексики, этнонимов, названий религиозных течений и т.п.), и к явно ненормативной (почти обценной) лексике, включаемой в корпус словаря, в явном противоречии с п. 2 §2 “Сведений, необходимых для пользующихся словарем” (составленных, заметим, в свое время самим С.И.Ожеговым).

В настоящем своем виде Ожеговско—Шведовский словарь, в сущности, перестал отвечать требованиям массового пособия по культуре речи, нормативному словоупотреблению. Составитель—соавтор (бывший редактор) нарушает волю и замысел С.И.Ожегова, отказываясь от решения задач, четко сформулированных им в предисловии “От автора” в последнем прижизненном издании Словаря Ожегова: “Автор стоит на той точке зрения, что современный русский язык (...) представляет со-

бой, по сравнению с языком XIX и начала XX века, новый этап в историческом развитии русского литературного языка. Это позволяет в настоящем издании сделать более строгой нормативную сторону словаря, усовершенствовать его как пособие по повышению культуры речи” (изд. 4-е, испр. и доп., 1960). Этого предисловия “От автора” в Ожеговско-Шведовском словаре, конечно же, нет.

И, наконец, в словаре Ожегова—Шведовой нарушается принцип краткости и компактности однотомного словаря. По объему словника, количеству всех включенных в него слов и выражений (80 тыс.) он приближается, скорее, к среднему типу, по классификации самого Сергея Ивановича. Он сопоставим в этом отношении с “Ушаковским словарем” или с академическим “Словарем русского языка в четырех томах. В сущности, это какой-то новый, промежуточный тип словаря — между кратким однотомным и средним четырехтомным. Условно его можно было бы назвать “двухтомником в одном томе”.

И уж, конечно, крайне неудачно новое название. “Толковый словарь русского языка” дает повод для возрождения застарелых мифов и ярлыков типа “сокращенный Ушаковский словарь”, “Ожегов — это краткий Ушаков” и т.п. Почему не хватило такта и фантазии назвать как-то иначе?

Вообще есть какая-то мистика в том, что разного рода личные невзгоды преследовали Сергея Ивановича при жизни и продолжают, как мы видим, и после смерти. Кое-кто из современников—завистников отказывал ему в подлинной учености: что это за наука “культура речи”? И какой, мол, это ученый, если у него нет монографий? (Появившаяся через десять лет после его смерти книга “Лексикология. Лексикография. Культура речи”. М., “Высшая школа”, 1974 г., оказалась на деле “томом премногих тяжелей” и надежно служит вузовским пособи ‘4амилию (“Как Даль! Нескромно!”).

На подобные несправедливые и вздорные упреки Сергей Иванович никогда не отвечал, следуя пушкинскому принципу “не оспаривать глупца”. Заметим, однако, что с такого рода наветами выступали, как правило, те “специалисты” и “исследователи”, у кого за душой не было и намека на какой-либо научный труд, хотя бы в чем-то сравнимый с фундаментальным Ожеговским словарем. А сам Сергей Иванович спасался от этого “своей удивительной простотой и добротой, окрашенной мягким юмором” (Реформатский, 1965: 192).

Незабываем сам облик этого обаятельного человека, интереснейшего собеседника, остроумного рассказчика, внимательного и заинтересованного слушателя, острого к умелого полемиста.

Я помню, как, желая похвалить нас, молодых сотрудников, он всегда говорил: “Замечательно!” или “Прекрасно!” — немного нараспев и слегка (“по-петербуржски”) грассируя. Надо сказать, что на подобного рода похвалы он был необыкновенно щедр.

Интеллигентная мягкость, которая, как уже отмечалось, при необходимости сочеталась с принципиальной твердостью (особенно в вопросах науки), составляла душевную основу Сергея Ивановича и находила выражение в манерах поведения, в всегда стремительной и легкой походке. Юношеский азарт, пыл души и увлеченность работой, притягательную силу “электрического” взгляда глубоких карих глаз он пронес через всю жизнь. Он никогда не отрывался от “злобы дня”, всегда был в гуще событий (в том числе общественно-политических и международных), остро ощущал актуальные потребности современной филологической науки, направленные на непосредственное служение обществу, и прививал это чувство своим ученикам и единомышленникам.

Имя Сергея Ивановича Ожегова давно вписано отдельной и важной строкой в историю русской (и мировой) лексикографии, в русскую национальную культуру и русское просветительство XX в. А Словарь Ожегова останется надежным свидетелем языка советской эпохи и послужит (и уже служит!) источником для многих интереснейших лингвистических исследований.

Видимо, начавшееся столетие должно ознаменоваться появлением нового однотомного словаря русского языка, по возможности зеркально отображающего в целостном многообразии языковой дух новой эпохи, нового — внешнего и внутреннего — состояния народа, носителя языка, новых представлений народа, нации о себе и окружающем мире (с соответствующими оценками этих представлений), обновленного общественного вкуса, уровня национального самосознания, наконец. Кто будет этим новым Ожеговым и каким будет однотомный словарь XXI в. (“новый Ожегов”) — покажет время.

Что касается судьбы однотомного “Словаря русского языка” Сергея Ивановича Ожегова, то эта великая книга навсегда останется рукотворным памятником ее создателю — словарнику от Бога, талантливому лексикологу, историку русского литературного языка, тонкому и прозорливому стилисту—нормализатору, умелому и плодотворному организатору отечественной филологической науки.

Литература

- Реформатский А.А.* Сергей Иванович Ожегов (Некролог) // ИАН СЛЯ. – М., 1965. – № 2. – С. 192–193.
- Чуковский К.И.* Памяти С.И.Ожегова // Лит. газета, 22 дек. 1964 г.
- Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // ИАН СЛЯ. – М., 1940. – № 43. – С. 89–117.

Основные работы С.И.Ожегова

- Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Изд 1. – М., 1949. – 968 с., Изд. 23. – М., 1991. – 916 с.
- Ожегов С.И.* Материалы для истории русского литературного произношения XVIII – нач. XIX в. // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М., 1949. – Т. I. – С. 51–68.
- Ожегов С.И.* О языке купеческой комедии П.А.Плавильщикова // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М., 1951. – Т. 2. – С. 55–93.
- Ожегов С.И.* Основные черты развития русского языка в советскую эпоху // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – М., 1951. – Т. 10, Вып. 1. – С. 22–36.
- Ожегов С.И.* Из истории слов социалистического общества // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. – М., 1952. – Т. 1. – С. 67–76.
- Ожегов С.И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопр. языкознания. – М., 1952. – № 2. – С. 85–104.
- Ожегов С.И.* Вопросы культуры речи // Вестн. Акад. наук СССР. – М., 1953. – № 10. – С. 11–22.
- Ожегов С.И.* Вопросы лексикологии и лексикографии // Труды Ин-та яз. и лит. Латв. ССР. – Рига, 1953. – Т. 2. – С. 107–122.
- Ожегов С.И.* Об упорядочении русской орфографии // Рус. яз. в шк. – М., – 1954. – № 5. – С. 41–43.
- Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Вопр. культуры речи. – М., 1955. – Вып. 1. – С. 5–33.
- Ожегов С.И.* О структуре фразеологии: (В связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикографический сборник. – М., 1957. – Вып. 2. – С. 31–53.

- Ожегов С.И.* Лексика // Русский язык и советское общество. Проспект: (Материалы Всесоюз. конф., посвящ. закономерностям развития лит. яз. народов СССР в сов. эпоху). – Алма-Ата, 1962. – С. 5–22.
- Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи: Учеб. пособие для вузов / Вступ. статья и коммент. Л.И.Скворцова. – М., 1974. – 352 с. [важнейшие работы С.И.Ожегова].
- Библиографию трудов С.И.Ожегова:(1946–2001)* см. Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рожд. С.И.Ожегова. – М., 2001. – С. 555–557.

Основные работы о С.И.Ожегове

- Бельчиков Ю.А.* Сергей Иванович Ожегов: (К столетию со дня рождения) // шк. – Рус. яз. в шк. – М., – 2000. – № 5. – С. 92–96.
- Булахов М.Г.* Ожегов Сергей Иванович // Булахов М.Г. Восточно-славянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. – Минск, 1977. – Т. 3. – С. 111–118.
- Никитин О.В.* Сергей Иванович Ожегов // Моск. журнал. – М., 1999. – № 8. – С. 26–35.
- Ожегов С.С.* Отец // Дружба народов. – М., 1999. – № 1. – С. 205–217.
- Реформатский А.А.* Памяти Сергея Ивановича Ожегова (1900–1964) // Вопр. культуры речи. – М., 1965. – Вып. 6. – С. 3–5.
- Скворцов Л.И.* С.И.Ожегов – М., 1982. – 112 с.
- Скворцов Л.И.* Сергей Иванович Ожегов (1900–1964) // Отечественные лексикографы XVII–XX вв. – М., 2000. – С. 315–332.
- Скворцов Л.И.* Сергей Иванович Ожегов – человек и словарь // Вопр. языкознания – М., 2000. – № 5. – С. 81–92.
- Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рожд. С.И.Ожегова. (Сб. статей).* – М., 2001 – 550 с.

В.А.Кочергина

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ПЕТЕРСОН

Выдающийся русский языковед Михаил Николаевич Петерсон (4.10.1885 — 22.11.1962) является лингвистом строгой Московской (фортунаатовской) школы. Знаток древних и современных языков, прежде всего — русского, он последовательно придерживался сравнительно-исторического направления в исследовании индоевропейских языков.

Многие лингвисты старшего и среднего поколения, работающие в области общего и сравнительно-исторического языкознания на базе славянских, германских, классических, индоиранских и финно-угорских языков, учились у этого замечательного языковеда и педагога.

Михаил Николаевич родился в семье юриста, затем судьи Николая Павловича Петерсона. В молодости Н.П.Петерсон по приглашению Л.Н.Толстого был учителем народной школы в Ясной Поляне. Он был близок семье Толстых и в последующие годы, переписывался с Львом Николаевичем. Вел он переписку и с Ф.М.Достоевским, был другом и

последователем философа Н.Ф.Федорова, труды которого позже готовил вместе с сыном к изданию.

Жизнь многочисленной семьи, в которой рос Михаил Николаевич, была богатой духовно и освященной дружбой детей и родителей. Дружбу с отцом и глубокое уважение к нему и к матери, Юлии Владимировне Огаревой, пронес Михаил Николаевич через всю жизнь.

В связи с частыми переездами семьи за отцом Михаил Николаевич поступил в гимназию в Ашхабаде несколько позже и в 1905 г. окончил гимназию в г. Верный (ныне — Алма-Ата). Учился всегда блестяще и поехал поступать в Московский университет. Однако в период Первой русской революции в связи с большими волнениями среди студентов занятия в университете были прерваны. По возвращении в г. Верный Михаил Николаевич поступает в войска верненского гарнизона для отбытия воинской повинности. “В университет удалось попасть только в 1909 г.” — писал позже Михаил Николаевич в автобиографии. Он начинает учиться на историко-филологическом факультете, на вновь организованном отделении сравнительно-исторического языкознания.

Одновременно с М.Н.Петерсоном на это отделение переходит и Н.С.Трубецкой (1890—1938). Непосредственным учителем Михаила Николаевич на все годы учебы становится любимый ученик академика Ф.Ф.Фортунатова (1848—1914) профессор Виктор Карлович Поржезинский (1870—1929). Под его руководством М.Н.Петерсон знакомится с санскритом и литовским языком. Семинары на отделении ведет Дмитрий Николаевич Ушаков (1873—1942), которому Михаил Николаевич подает свое первое сочинение “Состав Остромирова Евангелия”. Эта чисто филологическая работа стала для Михаила Николаевича хорошей школой овладения старославянским языком и приемам работы над языком рукописей. В 1912 г. он предлагает оригинальное исследование на спорную тогда тему — “Долгота в польском языке”. К концу 1912 г. Михаил Николаевич представляет исследование по сравнительному языкознанию — “Аорист в индоевропейских языках”, высоко оцененное В.К.Поржезинским и профессором Ф.Брандтом (1853—1920), а М.Н.Петерсона предполагают оставить при Университете. В октябре 1914 г. Михаил Николаевич представляет сочинение “История и современное положение вопроса о двусловных базах”, отмеченное золотой медалью Московского университета.

К январю 1915 г. Михаил Николаевич выдержал магистерские экзамены и прочитал две пробные лекции. Одна — по назначению факультета — лекция “Ведийское наречие и санскрит”, другая — по собствен-

ному выбору — “Объем, задачи и метод синтаксиса”. С осени того же года М.Н.Петерсон был допущен в качестве приват-доцента к преподаванию на кафедре сравнительного языкознания и санскрита Московского университета. Первым лекционным курсом, прочитанным в 1916/17 учебном году, был курс “Сравнительный синтаксис индоевропейских языков”. Профессор В.К.Поржезинский привлек Михаила Николаевича к ведению практических занятий по своим лекционным курсам, в том числе и по курсу “Введение в языковедение” на Высших женских курсах, и предложил подготовить курс литовского языка к 1917/18 учебному году. Далее появляется курс “Санскрит” — 1918/19 учебный год, “Семасиология” — 1919/20 учебный год и, наконец, “Синтаксис русского языка” — 1920/21 учебный год. Еще ранее, с августа 1918 г. М.Н.Петерсон избирается преподавателем в Народный университет Шанявского и на Педагогические курсы новых языков, а в 1920 г. читает курс “Синтаксис русского языка” в Военно-педагогической академии.

“В 1919 г. мне было присвоено ученое звание профессора, что получило утверждение в 1925 г., — вспоминал позже Михаил Николаевич. — Только с этого времени я стал читать общие курсы: “Введение в языковедение” (1921/22 учебный год), “Сравнительная грамматика индоевропейских языков” (1922/23 учебный год), “Общее учение о строении языка” (1922/23 учебный год), “Современный русский язык” (1922/23 учебный год)”” (Кочергина, 1996: 41–42). В эти же годы вышли в свет две книги — “Синтаксис русского языка” (1923) и “Современный русский язык” (1929), курс “Введение в языковедение” (1929) и три учебных пособия по этому курсу (Изд. Бюро заочного обучения). М.Н.Петерсон публикует статьи в журналах “Печать и революция”, “Родной язык в школе”, пишет статьи для Большой Советской Энциклопедии.

С 1920 г. М.Н.Петерсон — бессменный секретарь Московского Лингвистического Общества, вплоть до его ликвидации в 1923 г. Он — постоянный участник комиссий Наркомпроса и Государственного ученого совета (ГУС’а), призванных обновить обучение, организовать издание учебников для школы и обеспечить подготовку квалифицированных учителей. На одной из конференций Наркомпроса Михаил Николаевич выступил с докладом “К реформе преподавания иностранных языков”. В 20-х годах он — член Секции методики преподавания иностранных языков при II МГУ. Позже (1944) он был награжден значком “Отличник народного просвещения”.

В 1925 г. М.Н.Петерсона как действительного члена Научного института языка посылают на три месяца в научную командировку во Францию. Там он работает в библиотеках Парижа и Сорбонны, знакомится с А.Мейе (1866–1936), убеждается в недостаточном знании за рубежом научного наследия Ф.Ф.Фортунатова.

В 1931 г. М.Н.Петерсон был командирован в Швейцарию, в Женеву для участия во II Международном лингвистическом конгрессе. Он смог установить научные контакты с рядом зарубежных коллег — с Л.Ельмслевом (1899–1965), известным русистом Б.Унбегауном (1898–1973), слушал доклады А.Дебруннера (1884–1958), О.Есперсена (1860–1943).

В связи с реорганизациями в области гуманитарного образования в России в 20–30-е годы Михаил Николаевич переходит в Московский государственный педагогический институт (бывший II МГУ), где преподает до осени 1937 г., когда начинает работать в Научно-исследовательском институте начальной школы (до ликвидации его в 1938 г.). С октября 1938 г. до осени 1941 г. он заведовал кафедрой в Государственном педагогическом институте, работая там по совместительству до 1945 г. С октября 1938 г. до осени 1941 г. Михаил Николаевич был профессором Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ). В 1942 г. он возвращается в Московский университет, где в декабре 1941 г. был воссоздан (на базе МИФЛИ) филологический факультет. С 1944 г. Михаил Николаевич приступает к работе по совместительству в Институте языкознания в АН СССР в качестве старшего научного сотрудника. В конце 40-х — начале 50-х годов заниматься сравнительно-историческим языкознанием становится все труднее. Давление сторонников марровского учения о языке профессор М.Н.Петерсон испытал в полной мере. Как принципиальный противник учения Марра, Михаил Николаевич лишился возможности публиковать свои работы, читать любимые теоретические курсы. После дискуссии 1950 г. он смог возобновить чтение лекций по “Введению в языкознание”, но критика его работы продолжалась, и уже через год руководство кафедры передало курс другому лектору. Михаил Николаевич тяжело заболел и девять лет был прикован к постели. Он умер 22 ноября 1962 г.

Творческое наследие профессора М.Н.Петерсона в большей своей части не было опубликовано. Однако и то, что увидело свет, поражает разнообразием тематики и свежим подходом к решению поставленных вопросов. Уже студенческие работы Михаила Николаевича, упоминав-

шиеся выше, были направлены на исследование индоевропейских языков. Работа над курсами “Санскрит”, “Литовский язык”, а позже — “Древнегреческий язык”, “Латинский язык”, при владении основными современными индоевропейскими языками позволили накопить большой и свежий фактический материал по основным “опорным” языкам компаративистики. Михаил Николаевич мог опереться на курс Ф.Ф.Фортунатова (в изложении В.К.Поржезинского) “Сравнительное языковедение”. Он был хорошо знаком с работами младограмматиков, в частности К.Бругмана (1849—1919). Однако Михаил Николаевич пошел дальше, он отлично понимал роль сравнительно-исторического языкознания в научной подготовке отечественных языковедов. Он писал: “Индоевропейское языкознание имеет значение не только само по себе, но и как методологическая основа при изучении неиндоевропейских языков. В этой последней роли оно дало блестящие результаты при изучении финно-угорских языков (в Финляндии и в Венгрии), африканских языков и др. Как раз эта сторона особенно важна у нас, где в настоящее время получают письменность множество бесписьменных народов, изучаются совсем еще не изученные или плохо изученные языки” (Петерсон, 1928: 1).

Признавая еще в 1928 г. “безотрадную картину состояния индоевропейской лингвистики” (Петерсон, 1928:2) в нашей стране, профессор М.Н.Петерсон продолжал работать над курсом по сравнительной грамматике в течение всей жизни, будучи глубоко убежденным в его необходимости. Михаил Николаевич готовит монографию “Современные индоевропейские языки как материал для сравнительной грамматики индоевропейских языков” (Петерсон, 1952). К этому времени учебник “Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков” был полностью подготовлен к печати, но так и остался неопубликованным (Петерсон 1950: 1—331) (Кочергина, 1996: 61).

М.Н.Петерсон как лингвист первых послереволюционных десятилетий откликнулся на социологические увлечения в науке о языке 20-х — 30-х годов статьей “Язык как социальное явление”. В ней он ставил задачу — дать “обзор того, что сделано по этому поводу в лингвистике” (Петерсон, 1927: 5). Он рассматривает теории В. фон Гумбольдта (1767—1835), Ф. Де Соссюра (1857—1923), анализирует идеи А.Мейе. Он выделяет четыре основные функции языка — коммуникативную, экспрессивную, номинативную и эстетическую. Именно в понятии “функция” видит М.Н.Петерсон главное при социологическом подходе к языку. Профессор М.Н.Петерсон “со всей определенностью показал естественный поступательный процесс в развитии социологических теорий,

касающихся языка, их непреходящее историческое значение, их неразрывность с внутрисистемным анализом языковой структуры, согласно каким бы взглядам ни был осуществлен последний” (Винокур, 1997: 18).

Большое внимание уделял профессор М.Н.Петерсон вопросам системного характера языка (Петерсон, 1946а) проблеме методов лингвистического исследования (Петерсон, 1946б), вопросам истории науки о языке. Идеи этих работ находили отражение в его теоретических курсах и прежде всего в курсе “Введение в языковедение”, который он читал на протяжении всей своей педагогической деятельности. В лекциях по “Введению в языковедение” профессор М.Н.Петерсон проводил идею разграничения синхронии и диахронии. Свой курс “Введение в языковедение” он строил на синхронном описании систем русского, французского, немецкого и английского языков. “Этот курс представляет большой интерес и во многом отличается от прежних курсов введения в языковедение, — писал ученик Михаила Николаевича профессор Петр Саввич Кузнецов. — В нем уделено большое внимание принципам типологической классификации языков по их грамматической (прежде всего морфологической) структуре, причем разобраны различные классификационные системы, кончая системой Сэпира” (Кузнецов, 1963: 93). Курс завершался изложением основных этапов истории индоевропейского языковедения.

Воспитанный в духе идей Ф.Ф.Фортунатова, М.Н.Петерсон принимал основные положения его учения о грамматической форме и форме слов, его учение о словосочетаниях. Для своих исследований он еще в студенческие годы избирает область, оставшуюся наименее разработанной в трудах Ф.Ф.Фортунатова — область синтаксиса.

Основы синтаксической теории М.Н.Петерсона заложила его книга “Очерк синтаксиса русского языка” (1923). Весь пафос книги был направлен против логической теории предложения, на борьбу с традиционными взглядами в области синтаксиса, нивелирующими отличие в синтаксических системах разных языков. “Борьба М.Н.Петерсона с традиционными теориями предложения имела глубокое положительное историческое значение”, — отмечал академик В.В.Виноградов (Виноградов, 1975: 528). С годами теоретические взгляды М.Н.Петерсона по вопросам синтаксиса претерпели определенное изменение. Он стал определять предложение как “слово или сочетание слов, представляющее законченное смысловое и интонационное единство” и стал разграничивать простое и сложное предложение. Михаил Николаевич вводит новый, ранее никем не применявшийся критерий различения главных и придаточных

предложений — соотношение абсолютных (в главном предложении) и относительных (в придаточных предложениях) глагольных времен. При исследовании синтаксиса Михаил Николаевич впервые начинает применять статистический метод, в чем заключается своеобразие и новаторство его синтаксической теории.

“Очерк синтаксиса русского языка” “представляет попытку решения вопроса о предмете и методе синтаксиса на конкретном материале, — писал позже М.Н.Петерсон. — В “Очерке” я стремился зафиксировать по возможности все явления русского синтаксиса и сопровождал их историческими справками о их происхождении. Хотя изучен был большой фактический материал и довольно обширная литература, но получилась только программа дальнейшей исследовательской работы по синтаксису русского языка. Исполняя эту программу, я принялся за изучение синтаксиса Лермонтова. Этюд первый “Словосочетание типа *птица летит*” был написан в 1923 г. (напечатан в 1927 г.). Другой этюд — “Конструкция с предлогом *из*” написан в 1926 г. (напечатан в сокращенном виде в 1930 г.). Другие этюды — в рукописи. При исследовании синтаксиса мной впервые употреблен статистический метод. Однако в таком виде он меня мало удовлетворил. Мне хотелось сделать цельное описание синтаксической системы какого-нибудь памятника. Для этой цели я выбрал “Слово о полку Игореве”. Работа была закончена в 1932 г., а напечатана в 1937 г. Эта работа представляет следующий этап в развитии моих синтаксических взглядов. Последний этап моих взглядов нашел себе выражение в “Синтаксисе французского языка”, написанном вместе с К.А.Ганшиной в 1934 г. и в настоящее время сданный в печать”. (Петерсон, Научные работы, 1938). Проблемам синтаксиса были посвящены и работы профессора М.Н.Петерсона 40–50-х годов.

Не только в работах по синтаксису, но и по морфологии, словообразованию и лексике Михаил Николаевич стремился дать представление о целостной картине определенного участка языковой системы на основе исследования конкретного языкового материала точными статистическими методами.

Большое место в многогранной деятельности профессора М.Н.Петерсона занимали проблемы научно обоснованного и методически правильного преподавания русского и иностранных языков в средней школе.

М.Н.Петерсон, крупный ученый-теоретик, являлся автором учебников для начальной школы (Петерсон, 1947). Он пользовался широкой известностью среди учителей, много сделал для организации преподава-

ния иностранных и особенно русского языка в школе. Каждый преподаватель русского и иностранного языков должен быть прежде всего специалистом-языковедом, считал Михаил Николаевич. Он читал лекции для преподавателей, приглашал их на свои семинары в Университет.

Большую роль сыграла книга Михаила Николаевича “Система русского правописания” (1955). Изучение правописания в школе можно значительно рационализировать, основываясь на его свойствах, — считал М.Н.Петерсон. На основе полученных статистических данных Михаил Николаевич пришел к практическому выводу: написания, соответствующие произношению, составляют 77%, не соответствуют произношению 23% написания слов. Русское написание основано на едином принципе — однообразии написания морфологических частей слова — основ, приставок, суффиксов, окончаний. Написания согласных чаще соответствуют произношению (67%), чем написания гласных (33%). Было установлено, на что надо опираться при изучении написания слов. Система русского правописания предстает в книге Михаила Николаевича как достаточно простая — в 3/4 случаев мы пишем так, как произносим. В этой системе все взаимообусловлено, обосновано и понятно. Михаил Николаевич показал, что “русское правописание — стройная система, в которой царит один принцип — единообразное написание морфологических элементов слова” (Петерсон, 1955: 4). Знание системы русского правописания должно “помочь составителям букварей и учебников русского языка, а также методистам” (Петерсон, 1955: 4).

Разработанная М.Н.Петерсоном система русского правописания помогала также и в работе по преподаванию русского языка иностранным учащимся. Сам Михаил Николаевич еще в 1938 г. составил программу по русскому языку для испанских детей, затем — для корейской средней школы. В 1947 г. выходит его обобщающая работа — “Учебник русского языка для нерусских школ”. При обучении русскому языку иностранных учащихся Михаил Николаевич опирался на незыблемые для него дидактические принципы — идти от простого к сложному и от знакомого к незнакомому, обучение должно быть осознанным (отвергал имитативную методику), и, наконец, необходима специфика обучения для каждой национальной аудитории. Профессор М.Н.Петерсон воспитал на основе своих педагогических принципов первое поколение преподавателей русского языка как иностранного.

Большое значение придавал Михаил Николаевич знанию истории языковедения. Свои работы в этой области он начал с истории зарубежной лингвистики, но затем основное внимание направил на изучение дея-

тельности отечественных языковедов XIX и XX в. Статьи о русских ученых писались регулярно с 1918 по 1952 г. Профессор М.Н.Петерсон пишет об И.А.Бодуэне-де-Куртенэ, далее о своем учителе В.К.Поржезинском, А.А.Шахматове, Е.Ф.Корше, А.А.Потебне и Ф.И.Буслаеве. Об этой стороне деятельности М.Н.Петерсона можно узнать только по архивным материалам: ни одна статья не была опубликована. Далее появляются его статьи об ученых-педагогах — К.Д.Ушинском, А.М.Селищеве, Г.О.Винокуре. Последняя и ряд других статей об отечественных языковедах тоже не были напечатаны. Михаил Николаевич посвятил две статьи академику Ф.Ф.Фортунатову (Петерсон, 1939, Петерсон 1946) и подготовил первое издание его трудов в двух томах со вступительной статьей в первом томе.

Особую линию исследований составляют чисто филологические работы профессора М.Н.Петерсона, посвященные изучению языка и стиля. Таковы, например, работы “Язык Слова о полку Игореве” (Петерсон, 1937), “Древнейшие памятники литовского языка” (Петерсон, 1948), рукопись 1949 г. “О языке романа Фадеева “Молодая гвардия””, рукопись “О языке Суворова” и др. К работам этого же характера примыкают “Лингвистические требования к переводу” (Петерсон, 1951) и “К вопросу о методе анализа языка художественного произведения” (Петерсон, 1954).

Научное творчество профессора М.Н.Петерсона было исключительно многогранно. Его работы обнаруживают живую связь с современными проблемами исследования языка — с поисками в области теории синтаксиса, с выработкой строгих, объективных методов исследования языка, с обращением к вопросам социолингвистики.

М.Н.Петерсон явился инициатором создания экспериментально-фонетической лаборатории при Московском университете.

В 50-х годах Михаил Николаевич обратился к освоению математических методов анализа языка, стал серьезно заниматься повышением своего математического образования.

Он всегда оказывался в центре научной жизни, откликаясь на все новое и практически необходимое. С этим связана и еще одна сторона деятельности профессора М.Н.Петерсона — его деятельность как рецензента — знающего, строгого, доброжелательного. Многочисленные его отзывы и рецензии на работы учеников и коллег, которые писались им вплоть до последних лет жизни. Отзывы нередко писались по поручению Института языкознания и Института русского языка РАН.

Огромной непреходящей заслугой профессора М.Н.Петерсона явилось воспитание нескольких поколений отечественных языковедов.

Михаил Николаевич был прекрасным педагогом. Его приемы преподавания древних языков, методика проведения практических занятий по “Введению в языковедение”, манера чтения лекций были оригинальны и увлекательны. Михаил Николаевич много требовал от своих учеников, потому что искренне уважал их и верил в них. Он никогда не навязывал своих взглядов, а заботливо и доброжелательно воспитывал в своих учениках любовь к науке, самостоятельность мышления, научную добросовестность и честность. Как бы отражая многогранность научных интересов своего учителя, ученики профессора М.Н.Петерсона становились учеными различных ориентаций, избирали собственные пути в науке. И все они хранят благодарную память о своем Учителе.

Литература

- Виноградов В.В.* Синтаксическая система М.Н.Петерсона в ее развитии // Избранные труды: Исслед. по рус. грамматике. — М., 1975. — С. 517–532.
- Винокур Т.Г.* Взгляды М.Н.Петерсона на социальную природу языка в современном освещении // Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков: Сб. памяти проф. М.Н.Петерсона. — М., 1997. — С. 14–23.
- Кочергина В.А.* Профессор М.Н.Петерсон. — М., 1996. — 136 с.
- Кузнецов П.С.* Памяти М.Н.Петерсона // Вестн. МГУ. Сер. 7, Филология, журналистика. — М., 1963. — № 2. — С. 91–94.
- Петерсон М.Н.* 1928 — Индоевропейское языковедение в СССР. Архив РАН, Фонд 696. Опись 1. Ед. хр. 24. — С. 1.
- Петерсон М.Н.* 1928 — Там же. — С. 2.
- Петерсон М.Н.* Язык как социальное явление // Учен. зап. РАНИОН. Ин-т. яз. и лит. Лингв. секция. — 1927. — Т. 1. — С. 5–21.
- Петерсон М.Н.* 1926 — К вопросу о применении сравнительно-исторического метода в области синтаксиса. — Архив РАН. Фонд 696. Опись 1. Ед. хр. 47.
- Петерсон М.Н.* 1938 — Научные работы. Рукопись от 9 июня 1938 года. Архив автора.
- Петерсон М.Н.* Академик Ф.Ф.Фортунатов // Рус. яз. в шк. — М., 1939. — № 3. — С. 79–84.

- Петерсон М.Н.* Проблемы метода в языкознании / Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. — М., 1946а. — Вып. 1. — С. 3–7.
- Петерсон М.Н.* Система языка // Изв. АН СССР. ОЛЯ. — М., 1946б. — Вып. 2. — С. 149–155.
- Петерсон М.Н.* Фортунатов и Московская лингвистическая школа // Учен. зап. Моск. ун-та. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. — М., 1946. — Кн. 2. Вып. 107. — С. 25–35.
- Петерсон М.Н.* Учебник русского языка для I класса начальной школы. — М., 1947. — 88 с.; Учебник русского языка для II класса. — М., 1947. — 119 с. (Обе работы — совместно с Н.С.Поздняковым и Е.Я.Фортунатовой).
- Петерсон М.Н.* Лингвистические требования к переводу. Архив РАН. Фонд 696. Описание 1. Ед. хр. 83 (1951).
- Петерсон М.Н.* 1952 — Современные индоевропейские языки как материал для сравнительной грамматики индоевропейских языков. 197 с. — Архив РАН. Фонд 696. Описание 1. Ед. хр. 88 (1952).
- Петерсон М.Н.* К вопросу о методе анализа языка художественного произведения // Вестн. Моск. ун-та. Серия Обществ. Наук. — М., 1954. — № 4. Вып. 2. — С. 85–90.
- Петерсон М.Н.* Система русского правописания. — М., 1955. — С. 3–107.

Основные работы М.Н.Петерсона

- Петерсон М.Н.* Очерк синтаксиса русского языка. — М.; СПб., 1923. — 130 с.
- Петерсон М.Н.* Русский язык: Пособие для преподавателей. — М.; Л., 1925. — 123 с.
- Петерсон М.Н.* Язык как социальное явление // Учен. зап. РАНИОН. Ин-т. яз. и лит-ры. Лингв. секция. — М., 1927. — Т. 1. — С. 5–21.
- Петерсон М.Н.* Проблемы индоевропейского языкознания за 10 лет: (С 1917 до 1927 года) в СССР // Учен. зап. РАНИОН. Ин-т. яз. и лит-ры. Лингв. секция. — 1929. — Т. 3. — С. 10–19.
- Петерсон М.Н.* Современный русский язык. — М., 1929. — 77 с.
- Петерсон М.Н.* Синтаксис русского языка. — М., 1930. — 106 с.
- Петерсон М.Н.* Введение в языковедение: Задания 1–16. — М., 1928–1929. — 320 с.; Изд. 2-ое: М., 1929–1931. — 276 с.
- Петерсон М.Н.* Синтаксис “Слова о полку Игореве” // Slavia. — Пг., 1937. — Роѣ 14, сеѣ. 4. — S. 547–592.
- Петерсон М.Н.* Лекции по современному русскому литературному языку: Пособие для студентов пединститутов. — М., 1941. — 172 с.
- Петерсон М.Н.* Фортунатов и Московская лингвистическая школа // Учен. Зап. Моск. ун-та. — 1946. — Кн. 2, вып. 107. — С. 25–35.

- Петерсон М.Н.* Современный французский язык. — М., 1947. — 208 с. (совместно с К.А.Ганшиной).
- Петерсон М.Н.* Древнейший памятник литовского языка: (“Простые слова катехизиса” М.Мажвидаса) // Вестн. Моск. ун-та. — М., 1948. — № 3. — С. 9–11.
- Петерсон М.Н.* О составлении этимологического словаря русского языка // *Вопр. языкознания*. — М., 1952. — № 5. — С. 70–78.
- Петерсон М.Н.* Введение в языкознание. — М., 1952. — 274 с. (изд. стеклогр.).
- Петерсон М.Н.* Система русского правописания. — М., 1955. — 108 с.
- Петерсон М.Н.* Очерк литовского языка. — М., 1955. — 160 с.
- Петерсон М.Н.* Академик Ф.Ф.Фортунатов // *Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды*. — М., 1956. — Т. 1. — С. 5–20.

Основные труды о М.Н.Петерсоне

- Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматич. учение о слове). — М., 1947. — 442 с. Изд. 2-е, 1972 (по указателю имен).
- Виноградов В.В.* Синтаксическая система М.Н.Петерсона в ее развитии // *Рус. яз. в шк.* — М., 1964. — Т 5. — С. 96–105.
- Петрянкина Л.М.* Теоретические основы методики орфографии в трудах Е.Ф.Будде и М.Н.Петерсона // *Учен. зап. Куйбышев. пед. ин-та*. — Куйбышев, 1960. — Вып. 32. — С. 239–271.
- Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию: Библиогр. указатель / Под ред. Бернштейна С.Б. и Нерсесовой Э.А.* — М., 1960. — С. 215–222.
- Бальчионис Й.* Профессор М.Н.Петерсон (Некролог) // *Вопр. лит. языкознания*. — Вильнюс, 1963. — Т. 6. — С. 335–336 (на лит. яз.).
- Кузнецов П.С.* Памяти М.Н.Петерсона // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. филология, журналистика*. — М., 1963. — № 2. — С. 91–94.
- Кочергина В.А.* Из истории советской санскритологии // *Там же*. — 1970. — № 2. — С. 89–91.
- Кочергина В.А.* Михаил Николаевич Петерсон // *Науч. докл. высш. шк. Филол. науки*. — М., 1970. — № 6. — С. 135–137.
- Прокопович Н.Н.* Профессор Михаил Николаевич Петерсон (1885–1962) // *Рус. яз. в шк.* — М., 1970. — № 4. — С. 106–111.
- Кочергина В.А.* Профессор М.Н.Петерсон // *Филология XX века в биографиях*. — М., 1996. — С. 4–136.
- Кочергина В.А.* Профессор Московского университета М.Н.Петерсон: (1885–1962) // *Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков: Сб. памяти проф. М.Н.Петерсона*. — М., 1997. — С. 8–13.

- Винокур Т.Г.* Взгляды М.Н.Петерсона на социальную природу языка в современном освящении // Там же. — С. 14–23.
- Нецецкая М.Г.* Литуанистическое наследие М.Н.Петерсона // Там же. — С. 24–85.
- Рапова Г.И.* Учение М.Н.Петерсона о частях речи в его отношении к предшествующей грамматической традиции. — Там же. — С. 36–45.
- Боровская М.Г.* М.Н.Петерсон и преподавание иностранных языков // Там же. — С. 46–53.

О.К.Клименко

АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ ПЕШКОВСКИЙ

Александр Матвеевич Пешковский (23.VIII.1878 — 27.III.1933, Москва) известен как крупный русский советский языковед и педагог-методист.

Юность А.М.Пешковского прошла в Крыму, куда в 1889 г. переехали его родители. В 1897 г. он закончил с золотой медалью Феодосийскую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, откуда в 1899 г. был исключен за участие в студенческих волнениях. Два года А.М.Пешковский учился на естественном факультете Берлинского университета. Вернувшись в Россию, он в 1901 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, однако весной 1902 г. за участие в студенческом движении опять был исключен из университета и на шесть месяцев заключен в тюрьму. Осенью 1902 г. был восстановлен в Московском университете, который закончил в 1900 г. В последующие годы преподавал русский и латинский языки в частных гимназиях Москвы. С 1914 по 1918 г. преподавал различные дисциплины на Высших педагогических курсах Д.И.Тихомирова. В 1918 г. получил должность профессора на кафедре сравнительного языковедения во вновь открытом Днепропетровском (б. Екатеринославском) гос. университете. Одновременно работал в Высшем институте народного образования и других учебных заведениях. В 1921 г. А.М.Пешковский вернулся в Москву и стал профессором Первого Московского госуниверситета, а также Высшего лит.-художественного института им. В.Я.Брюсова. С 1926 г. преподавал филологические предметы на педагогическом факультете Второго Московского госуниверситета, в Московском пед. институте им. В.И.Ленина и в Редакционно-издательском институте. По-

сле 1917 г. ученый вел также большую научно-организационную и методическую работу, являясь председателем Московской постоянной комиссии преподавателей русского языка, членом специальных ученых комиссий при Наркомпросе и Главнауке, лектором Московского и Центрального институтов повышения квалификации учителей-русистов. А.М.Пешковский активно участвовал в различных совещаниях и конференциях по народному просвещению и научным проблемам языкознания. А.М.Пешковский являлся также одним из редакторов журнала “Родной язык и литература в трудовой школе”. Он зарекомендовал себя как талантливый педагог-лингвист и методист. А.М.Пешковский много работал не только в области методики преподавания русского языка в школе, опубликовав ряд статей по специальным вопросам школьной практики, но также вел большую работу по составлению орфографического словаря для начальной и средней школы по заданию Учпедгиза. А.М.Пешковский предполагал согласовать правописание слов в этом словаре с большим орфографическо-грамматическим справочником, подготовлявшимся под его же редакцией к изданию в издательстве “Советская энциклопедия”. Но редакция большого справочника не была доведена им до конца, и не была проведена предполагавшаяся унификация противоречивых написаний. Только в 1956 г. идея унификации правил орфографии и пунктуации получила, наконец, практическое осуществление.

После смерти А.М.Пешковского словарно-орфографическую работу завершил Д.Н.Ушаков, орфографический словарь которого вышел в свет уже в 1934 г. Смерть А.М.Пешковского 27 марта 1933 г. была воспринята советской общественностью как неожиданная и тяжелая утрата.

Перу А.М.Пешковского принадлежит более 20 книг (научных, методических, педагогических, учебных) и более 40 статей по вопросам лингвистики и методики русского языка.

В научном наследии А.М.Пешковского имеется значительное число исследований по общим вопросам языкознания и русскому языку. Почти во всех его работах тесно переплетаются теоретические и методические вопросы. По всеобщему признанию, главным научным трудом А.М.Пешковского был “Русский синтаксис в научном освещении”, появившийся как раз в тот период, когда в русском языкознании четко обозначились методологические и методические расхождения между лингвистическими школами Ф.И.Буслаева, Ф.Ф.Фортунатова и А.А.Потебни. Критика грамматических взглядов Буслаева, содержащаяся в трудах русских лингвистов конца XIX и начала XX в. (Потебни,

Фортунова, Овсяннико-Куликовского и др.) слабо проникала в среду учительства. В то время грамматическая теория развивалась большей частью на материале памятников древнерусского языка, мало привлекался материал современного русского языка. Появление в свет к 1914 г. трудов А.М.Пешковского, и, в первую очередь, “Русского синтаксиса в научном освещении”, как нельзя более отвечало исторически назревшей потребности внести новизну в область науки и школы. Весь пафос этой книги А.М.Пешковского был направлен против формального подхода к явлениям грамматики. В предисловии к первому изданию “Русского синтаксиса...” автор прямо писал, что его задача сводится к тому, чтобы “дать представление возможно более широким слоям читающей публики о языковедении как особой науке и, в частности, о ее ветви — грамматике с дальнейшим подразделением на морфологию и синтаксис; обнаружить несостоятельность тех мнимых знаний, которые получены читателем в школе и в которые он обычно тем тверже верует, чем менее сознательно он их в свое время воспринял; отделить грамматическую сущность речи от ее логико-психологического содержания, показав, что у всех этих скучных падежей, наклонений, залогов и т.д. есть свое содержание, в школе игнорируемое и замещаемое логическим; наконец, устранить вопиющее смешение науки о языке с практическими применениями ее в области чтения, письма и изучения чужих языков — вот как определяются эти цели” (Пешковский, 1914: 4). Конечно, А.М.Пешковскому не удалось полностью избежать указанных недостатков, свойственных прежней учебной литературе по русскому языку. Поэтому в последующих изданиях книги он стремился по возможности усовершенствовать свою грамматическую концепцию, делая упор на то, чтобы привить учащимся научное отношение к явлениям языка и выработать в их сознании тонкую лингвистическую наблюдательность. Естественно, что научный подход невозможно сформировать без систематического изучения грамматики. Отсюда одно из важнейших требований А.М.Пешковского — изложить грамматические правила не только общедоступно, но и достаточно полно для понимания строя языка. Эта работа во многом предопределила современные направления в исследовании синтаксиса русского языка и методы практического изучения грамматики в широком понимании этого термина. Несмотря на известную непоследовательность в осуществлении своих теоретических принципов, А.М.Пешковский наряду с другими выдающимися грамматистами конца XIX — первой половины XX в. (А.А.Шахматовым, Л.В.Щербой, Д.И.Овсяннико-Куликовским, П.К.Грунским, Л.А.Булаховским, М.Н.Петерсоном) раз-

рабатывал фундаментальные проблемы построения русской речи и, бесспорно, сыграл важную роль в развитии современной лингвистической мысли. О том, какое большое влияние оказывали идеи А.М.Пешковского на его современников, можно судить хотя бы по высказыванию блестящего знатока русского языка Л.В.Щербы, который однажды заметил: “Из новой литературы я более всего обязан книге А.М.Пешковского “Русский синтаксис в научном освещении”, которая является сокровищницей тончайших наблюдений над русским языком” (Щерба, 1928: 5). Несколько раньше столь же высокую научную оценку этой книге А.М.Пешковского дал акад. А.А.Шахматов в своих разработках лекционного курса по синтаксису русского языка: “Совершенно особое место среди исследований по русскому синтаксису принадлежит замечательной книге А.М.Пешковского “Русский синтаксис в научном освещении”... Автор назвал свой труд популярным очерком, но я обращаю на него ваше внимание как на ценнейшее научное пособие; автор с удивительным талантом развил основные положения, добытые предшествовавшими исследователями, а прежде всего Потемной, но вместе с тем он внес в науку много нового и самостоятельного” (Шахматов, 1941: 7–8).

Чрезвычайно много оригинальных суждений о грамматическом строе и стилистических особенностях речевых средств русского языка содержится в учебных пособиях под общим названием “Наш язык” и в методических разработках к ним. Здесь подчеркивается, что научные сведения о языке необходимо давать с самого начала преподавания грамматики. Например, по мнению А.М.Пешковского, “понятие о разделении речи на предложения (в фонетическом смысле) и слова должно даваться как введение к обучению чтению, а звуковой анализ речи при этом обучении отнюдь не должен быть непременно фальшивым, как многие думают. Здесь же излагаются исходные понятия о речевых единицах. Согласно концепции А.М.Пешковского, в едином фонетическом потоке народное сознание выделяет не отдельные слова, а более крупные речевые отрезки (вслед за Д.Н.Овсянко-Куликовским и В.Гиппиусом он называет их “синтаксическим целым” и “фразой”, которые имеют одну из трех интонаций — законченноповествовательную, вопросительную, восклицательную — и соответствующий тройкий ритм. “По грамматическому составу своему такой кусок может быть и сочетанием предложений..., доходящий иной раз по объему и степени членения до целого периода..., и неполным предложением..., усеченным иной раз до пределов одного слова” (там же, с. 5). Эту ритмико-мелодическую единицу

А.М.Пешковский определяет как сказ, причем он предупреждает о недопустимости ее смешения с чисто грамматическими единицами — словосочетаниями и предложениями, которые должны изучаться на более поздних этапах школьного обучения языку. Характерно, что в таком именно плане А.М.Пешковский подготовил и книгу “Первые уроки русского языка” (1929), содержание которой составляют следующие вопросы: сказ и слово; слог и ударение в слове; звук и буква. Несомненно, книги “Наш язык” сыграли важную роль в перестройке преподавания русского языка в начальной и средней школе на научных основах. С этих же позиций автор подготовил ряд работ, вошедших в сборник “Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики” (1930). Во всех этих работах А.М.Пешковский последовательно проводил мысль, что учащимся необходимо приучать к сознательному пониманию употребляемой речи, к самостоятельному анализу наблюдаемых фактов и явлений.

Исключительный интерес представляют наблюдения А.М.Пешковского в области грамматической стилистики. В одной из своих работ он писал, что грамматические средства, кроме основной цели — сообщения мысли — могут выполнять дополнительную роль — воздействовать на воображение слушателя и возбуждать в нем эстетические переживания, оказывать влияние на волю слушателя, способствовать более легкому усвоению и восприятию содержания речи и т.д. Использование обычных средств языка, в том числе грамматических форм и конструкций, в особых целях А.М.Пешковский называл речевым стилем. На ярких примерах ученый показывает, как настоящие художники слова наделяют обычные грамматические средства дополнительными, стилистическими функциями, чтобы сделать речь более действенной и эмоционально выразительной (употребление глагольных времен, наклонений, категории лица).

А.М.Пешковский четко различал грамматические значения и стилистические функции грамматических средств. Он подчеркивал, что в стилистике должны изучаться и сравниваться не грамматические значения вообще, а лишь грамматические синонимы, к которым он относил “значения слов и словосочетаний, близкие друг к другу по их грамматическому смыслу”. Среди грамматических форм и категорий А.М.Пешковский особо выделял синтаксис, поскольку стилистические возможности в синтаксисе гораздо многообразнее и значительнее, чем в морфологии. Главной сокровищницей синтаксической синонимии русского языка А.М.Пешковский считал свободный порядок слов, допус-

кающий огромное количество перестановок, частично изменяющих значение всей фразы.

При рассмотрении лексической стороны А.М.Пешковский обращает внимание на то, что в художественном произведении каждое слово включено в систему образных средств, поэтому нельзя ограничиваться анализом только тропов (слов с переносным значением) или фигур (особых лексико-синтаксических приемов построения речи). Словарь произведения надо изучать в плане общей образности, но с обязательным учетом пропорционального размещения выразительных средств.

Не утратили научного значения работы А.М.Пешковского, в которых анализируются вопросы интонации, ударения и ритмики, при этом важно то, что А.М.Пешковский эти элементы речи рассматривает в зависимости от выполняемых ими функций и в связи с другими явлениями. Например, в статье “Интонация и грамматика”, напечатанной в сборнике “Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики” (1930), автор указывает три функции интонаций: выражение эмоциональной, словарной и грамматической стороны речи и замечает, что в последнем случае важную роль играют и реальные условия речи, при которых невозможно понимать слово в прямом смысле. Основное внимание в указанной статье уделено вопросу взаимоотношений интонации и грамматических явлений. В этой связи А.М.Пешковский различал две разновидности интонации — интонацию мелких речевых единиц, т.е. слога и такта, и интонацию крупных единиц, называемых простыми и сложными фразами. Как установил А.М.Пешковский, первый вид интонации менее существен в русском языке, а второй вид, т.е. фразовая интонация (у А.М.Пешковского — “фразная интонация”), выполняет очень важную роль, поскольку все без исключения фразы определенным образом интонированы для выражения того или иного значения.

Однако А.М.Пешковскому вначале не удалось преодолеть двойственность и противоречивость, которые были обусловлены влиянием двух далеко не родственных систем — системы Потебни и системы Фортунатова. Второе издание “Русского синтаксиса” (1920) мало что изменило в его внутреннем содержании (изменения и дополнения носили частный характер). Годы 1920—1928 были периодом наиболее энергичной и плодотворной научной и методической деятельности А.М.Пешковского.

А.М.Пешковский одним из первых начал борьбу с так называемым “ультраформализмом” в грамматике; он писал статьи, составлял школьные пособия по языку. Завершением этой деятельности ученого и явилось третье издание “Русского синтаксиса в научном освещении”

(1928), коренным образом переработанного и отразившего новую грамматическую концепцию А.М.Пешковского. В этом труде автор сделал плодотворные попытки дать материалистическое объяснение языковых фактов, стремился рассматривать грамматическую форму в неразрывной связи со значением (реальным и грамматическим).

Подобные научные искания автора и его методические устремления нашли новое выражение в его трехтомном учебном руководстве “Наш язык” (первое, издание первой части относится к 1922 г., последняя, третья часть — к 1927 г.), в четырехтомном учебном руководстве “Первые уроки русского языка” (изд. 1928–1931 гг.) и в многочисленных лингвистических и методических статьях в период 1917–1933 гг.

Главным предметом научной деятельности А.М.Пешковского были вопросы русского языкознания, в частности проблемы русского синтаксиса. Последнему и посвящен основной научный труд А.М. Пешковского “Русский синтаксис в научном освещении”. Первое издание названного труда было встречено весьма сочувственно как русскими, так и западноевропейскими лингвистами. Оно было премировано Академией наук в 1915 г. Ряд многочисленных отзывов и рецензий на эту книгу (профессоров Е.Ф.Будде, Л.А.Булаховского, Д.Н.Ушакова, позднее академиков А.А.Шахматова, Л.В.Щербы и др.) свидетельствует о том, что книга А.М.Пешковского — явление, действительно, необыкновенно крупное, решающее большие научные проблемы, хотя и не лишенное ряда ошибок формалистического порядка.

“Русский синтаксис в научном освещении”, значительно переработанный в 1928 г. и выражающий собой новую, более совершенную научную концепцию автора, явился ценным вкладом в советскую науку о русском языке. Названный труд определяет собой не только лингвистические, но и методические устремления автора. Большинство его статей является лишь детализацией этой его грамматической концепции, которую он активно пропагандировал и в целом ряде своих устных выступлений: на совещаниях, съездах и конференциях по специальным вопросам.

Значительное место в истории грамматики русского языка занимает и вторая книга А.М.Пешковского “Школьная и научная грамматика” (1914). Она в сущности является приложением к основному труду автора — “Русскому синтаксису”. Так, например, пространное введение этой книги (Пешковский, 1914б: 5–43) — не только самостоятельный очерк основных понятий синтаксиса, но в то же время и конспект “Русского синтаксиса”. В “Школьной и научной грамматике” А.М.Пешковский поднял ряд новых проблем (грамматика и интонация,

интонация и пунктуация и др.). Названная книга в последующих переизданиях перерабатывалась. К 1925 и 1930 гг. относится появление в свет его известных сборников по вопросам методики, лингвистики и стилистики.

Чтобы определить своеобразие лингвистического и методического наследия А.М.Пешковского и найти наиболее объективные критерии оценки его научно-педагогической деятельности, представляется целесообразным привести отзывы о А.М.Пешковском представителей современной науки о языке — лингвистов и методистов.

а) Ряд критиков (Л.В.Щерба, А.А.Шахматов, В.В.Виноградов, С.И.Бернштейн, Л.А.Булаховский, С.И.Абакумов, в последнее время и А.Б.Шапиро) считают, что труды А.М.Пешковского — большое научное явление; они вносят ценный вклад в науку о русском языке, являются базой и точкой отправления современных грамматических исследований;

б) вместе с тем некоторые из этих критиков (В.В.Виноградов, А.Б.Шапиро и др.) утверждают, что труды А.М.Пешковского — это неудачный синтез учений Потебни, Фортунатова, Шахматова, Ф. де Соссюра и других лингвистов. Эти труды, по их мнению, не имеют самостоятельного значения и во многом эклектичны;

в) своеобразную позицию занимают критики, оценивающие А.М.Пешковского как продолжателя логицизма, путающего грамматику с логикой (Е.Ф.Будде, частью М.Н.Петерсон, Д.Н.Ушаков);

г) крайним нигилизмом пронизаны высказывания критиков (Е.Н.Петровой и др.), утверждающих, что А.М.Пешковский — формалист, идеалист, лингвист буржуазного толка и по своим устремлениям чужд советской школе и советскому языкознанию и как лингвист, и как методист.

Так, в статье “Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М.Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия” (1950) В.В.Виноградов, правильно подвергая критике ряд ошибочных положений А.М.Пешковского, очень мало говорит о положительных сторонах его деятельности и в результате приходит к выводу, что, несмотря на множество конкретных тонких синтаксических наблюдений в области современного русского литературного языка, содержащихся в “Синтаксисе” А.М.Пешковского и в отдельных его статьях, несмотря на большой талант и глубокое языковое чутье этого ученого, лингвистические труды А.М.Пешковского не только не соответствуют, но и существенно противоречат методологическим установкам и требованиям советского языкознания. С.И.Бернштейн, подводя итоги рассмотрения прин-

ципов грамматической системы А.М.Пешковского и эволюции его взглядов, говорит об эклектизме А.М.Пешковского, но отмечает неуклонное движение его к преодолению формализма. “Путь, пройденный А.М.Пешковским, глубоко поучителен: из тупика “формальной грамматики” извилистыми тропами он вел в просторную область лингвистических построений на почве диалектического единства языка и мышления. Преждевременная смерть помешала А.М.Пешковскому дойти до цели, которая раскрывалась ему в последние годы со все возрастающей отчетливостью” (Бернштейн, 1938). Нельзя не отметить, что позднее в своем последнем труде “Русский язык” (1947) В.В.Виноградов при разрешении важнейших проблем грамматического изучения о слове обращается к А.М.Пешковскому как к одному из крупнейших авторитетов-лингвистов, упоминая его имя более чем на 80 страницах. Однако первоначальный свой тезис о двойственности и эклектичности системы А.М.Пешковского, как неудавшемся синтезе учений Фортунатова, Поттебни и Шахматова, В.В.Виноградов не снял и не опроверг своего утверждения о том, что “на всем творчестве А.М.Пешковского лежит неизгладимая печать фортунатовской концепции”. Во всяком случае остается спорным вопрос о степени эклектизма А.М.Пешковского в его последних трудах, в том числе и в “Русском синтаксисе”.

Многообразие и сложность поставленных А.М.Пешковским проблем и трудность их решения обусловили собой известную неустойчивость первоначальной концепции А.М.Пешковского и необходимость дальнейшего пересмотра им своих позиций. Поэтому неудивительно, что в истории критики грамматической системы А.М.Пешковского последняя всегда рассматривалась как двойственная в своих исходных позициях и разноречивая в своем дальнейшем развитии.

С точки зрения А.И.Белова (Белов, 1958), существует больше оснований говорить не об одной, а о двух системах А.М.Пешковского. В самом деле, третье издание “Русского синтаксиса” (Пешковский, 1928), которое он начал готовить с 1923 г., внося мелкие поправки в предыдущие издания, вышло в свет в 1928 г. в совершенно новом, переработанном варианте. Но так как тема, объем, общелингвистические принципы, методы и основные устремления книги (не только научные, но и популяризационные) остались те же, то это побудило автора сохранить за книгой прежнее название. Таким образом, система синтаксиса изложена А.М.Пешковским дважды; и, несмотря на общность его устремлений, это по существу две системы, две существенно различные концепции. Если в первоначальной

своей редакции система А.М.Пешковского, завершая длительный путь поисков примирения между школьной и научной грамматикой, отражает период умеренного развития формальной грамматики и формально-морфологическую концепцию Фортунатова, то в новой концепции А.М.Пешковского совершенно отчетливо обозначена в качестве господствующей синтаксическая точка зрения Потебни; в новой концепции значительно сказались также и влияние Шахматова, углубившего и обогатившего напряженные синтаксические искания А.М.Пешковского. Шахматовская концепция, сближающаяся по общей своей синтаксической направленности с концепцией Потебни, в то же время выступает и в известном противоречии с системой Потебни; это касается в первую очередь учения о частях речи; существенным коррективом подверглось у Шахматова и учение о слове и грамматической форме и т.д. Все это в значительной мере сказались на новой концепции А.М.Пешковского. Шахматовская концепция побуждала А.М.Пешковского к борьбе против морфологизма Фортунатова. Так, полемизируя по вопросу о разграничении двух целостных отделов грамматики (морфологии и синтаксиса), А.М.Пешковский замечает, что “если уж непременно “вливать” один отдел грамматики в другой, то все же лучше морфологию в синтаксис, чем синтаксис в морфологию” (Пешковский, 1929: 51). Но А.М.Пешковский против механического слияния отделов грамматики, как и против механического их разграничения. Для него, как и для Потебни и Шахматова, синтаксис является решающим отделом грамматики потому, что всякая грамматическая форма (в том числе и форма отдельного слова) познается лишь в синтаксисе, т.е. в структурной связи слов — в предложении. И хотя А.М.Пешковский в своей новой концепции терминологически отстаивает, что для него предметом синтаксиса является не предложение, а “форма словосочетания”, тем не менее это понимается им не в формальном фортунатовском смысле: заполняя брешь между словом и предложением при помощи “формы словосочетания”, А.М.Пешковский вводит в определение частей речи синтаксический момент и тем самым разрушает призрачную цельность фортунатовского построения. В статье “Еще к вопросу о предмете синтаксиса” он прямо заявляет, что позиция Фортунатова в “сущности игнорирует собственно синтаксическую точку зрения на язык”, что “синтаксис при таком взгляде делается почти исключительно достоянием корневых языков” (Пешковский, 1929: 50). Все это свидетельствовало не только о глубочайшем кризисе “формализма”, но и о способности автора “Русского синтаксиса в научном освещении” выйти за пределы формальной

грамматики и идти к лингвистическим построениям на почве диалектического единства языка и мышления.

Новая концепция А.М.Пешковского, выраженная в третьем издании “Русского синтаксиса” и в сборнике его статей “Вопросы методики русского языка, лингвистики и стилистики” (1930), свидетельствует о глубоком стремлении ее автора привести свою систему в соответствие с научными достижениями его времени. Но обе эти концепции, как указывает С.И.Бернштейн, “в истории русского языковедения сыграли одинаково важную, хотя и различную по содержанию роль” (Бернштейн, 1938: 14). Если первая более чем на десятилетие утвердила в преподавании грамматики “формальное направление”, то в дальнейшем оказалось, что в системе этой много неустойчивости и противоречивости, и сам А.М.Пешковский занялся пересмотром своей прежней системы, хотя внешне положение формальной грамматики в то время казалось устойчивым и прочным. Этот пересмотр был в значительной степени обусловлен влиянием грамматической системы А.А.Шахматова. Шахматовская концепция и послужила А.М.Пешковскому отправной точкой для пересмотра построенной им системы, о чем говорит и сам А.М.Пешковский в предисловии к третьему изданию “Русского синтаксиса” (Пешковский, 1938). По мнению А.И.Белова (Белов, 1958: 35), влияние Шахматова на А.М.Пешковского нельзя преувеличить и считать его непосредственным; влияние это было прежде всего в принципах, в самой методологии синтаксического исследования.

Две грамматические системы — система Потевни и система Фортунатова — представлялись тогда А.М.Пешковскому не как полярно противоположные системы, а воспринимались им в одном и том же плане — как “новое грамматическое направление”, “психологическое направление”, как различные оттенки оппозиции “логической грамматике”. “Скудные сходства между ними были в то время заметнее, чем разделяющая их пропасть, — замечает С.И.Бернштейн. — Эти расхождения стали актуальны лишь после появления книги А.М.Пешковского и в значительной мере благодаря ее появлению, когда развернулась дискуссия по вопросу о “формальной грамматике” (Бернштейн, 1938: 13–14).

А.М.Пешковский же, настаивая на отделении синтаксиса от логики, в то же время говорил, что школьные определения подлежащего и сказуемого (т.е. логические определения) “выражают, по правде говоря, самую суть дела, в том смысле, что перебрасывают необходимый мост между грамматикой, с одной стороны, и психологией и логикой — с другой” (Пешковский, 1914: 385). Эволюция взглядов А.М.Пешковского

имела прогрессивный характер. И совершенно естественно, что в его трудах обнаруживается “смена веж”, смена исходных ориентиров и принципов в его грамматической системе. Это особенно сказалось в третьем издании его основного научного труда — “Русского синтаксиса” — и в последующих его статьях, где с еще большей категоричностью утверждается ведущая роль синтаксиса в грамматике; синтаксис в системе А.М.Пешковского все больше выступает как организационный центр грамматики. Изменение лингвистических взглядов А.М.Пешковского предопределило и новую методологию его исследований: части речи, например, выступают теперь как “главные категории мысли”, а грамматический строй языка — как живая и подвижная система, в которой слова и формы слов функционируют как подвижные звенья значимых рядов, образуемых грамматическими категориями. В выборе же отправной точки языкового исследования А.М.Пешковский приходит к признанию шахматовской “системы двойных соответствий”, акцентируя вторую часть формулы “от значения к звуку” (при первой “от звука к значению”) и своеобразно переключая идею единства языка и мышления в формулу о “звукозначениях”.

Автор рассматривает свою книгу как “педагогическую обработку” системы Потребни (и тесно примыкающей к ней популяризации Овсянко-Куликовского) и основных положений Фортунатова. А.М.Пешковский признает неизбежность “некоторой насильственности в классификации языковых явлений”, но “в последнем сказался опять-таки педагог-автор”. Поэтому по педагогическим мотивам он считает неизбежным, что в школе все области знания “принимают более или менее угловатые догматические очертания”. “Но мост между наукой и школой, давно созданный для других наук веками практики, — говорит А.М.Пешковский, — для языковедения, как науки исключительно молодой, *только что начал строиться*. Вложить свой скромный камень в эту постройку и было одной из целей автора”.

Однако автор своей книгой преследует не только эти чисто педагогические цели. Главные его цели были и остались значительно шире. В частности, автор намечает “отделить грамматическую сущность речи от ее логико-психологического содержания, показать, что у всех этих скучных падежей, наклонений, залогов и т.д. есть *свое* содержание, в школе игнорируемое и замещаемое логическим” (Пешковский, 1914а).

Говоря о двух отделах грамматики (морфологии и синтаксисе), А.М.Пешковский всюду подчеркивал приоритет синтаксического начала. “На первый взгляд можно подумать, что в синтаксисе изучается то

же самое, что и в морфологии, только в другом порядке; ведь всякое сочетание состоит из отдельных форм, так что то, что изучается в морфологии порознь, то самое как будто бы изучается в синтаксисе в связи... Но дело в том, что форма сочетания слов зависит не только от той или иной комбинации отдельных слов, но и 1) от слов, не имеющих формы, но входящих в те же сочетания, 2) от порядка слов, 3) от интонации и ритма” (Пешковский, 1956: 78). Мысль А.М.Пешковского о приоритете синтаксического начала в своих теоретических основаниях резко отличается от тезиса Марра и его “учеников” о синтаксисе как самой существенной части звуковой речи; Марр и его “ученики” совсем выбрасывали морфологию за борт грамматики, А.М.Пешковский же, наоборот, морфологию ценил очень высоко. В лингвистической литературе часто отмечалось, что А.М.Пешковскому не удалось правильно понять взаимоотношения двух отделов грамматики (морфологии и синтаксиса); правильно понимая их взаимосвязь, он-де преувеличивал роль синтаксиса в грамматике. Но для А.М.Пешковского морфология и синтаксис — это не две различные области грамматики; он считает, что лексико-морфологическая сторона речи (слова в их значениях и формах) выполняет функцию синтаксического назначения. Сравнивая нашу речь с цветным окном готического собора, А.М.Пешковский так определяет общее значение синтаксических форм: “Синтаксические элементы — это те толстые свинцовые спайки, которые скрепляют все стекла в одну прозрачную картину” (Пешковский, 1914: 357). Таким образом, и синтаксис и морфология, по А.М.Пешковскому, имеют дело в сущности с одним и тем же предметом исследования, но трактуют его неодинаково. В последующем своем развитии А.М.Пешковский все больше подчеркивал роль синтаксического начала в грамматике и пришел к убеждению, что абсолютно несинтаксических категорий в языке не существует, что только приоритет синтаксических категорий над морфологическими обеспечивает нам связность речи и возможность говорения и понимания. Известно, что после смерти Н.Я.Марра усиливалось тяготение рассматривать синтаксис в качестве квинтэссенции языка как надстройки. Выдвигалось требование: свести морфологию к синтаксису (она, по Марру, “лишь техника для синтаксиса”), фонетика и морфология объявлялись “языковой техникой”; заператься ими — удел несчастных формалистов. В синтаксисе, в совокупности синтаксических отношений марристы искали идеологию, “лингвистическую стадию” классовых взаимоотношений. А.М.Пешковский не имел никакого отношения к этой вульгарно-социологической концепции в языкознании. Однако упорное подчерки-

вание А.М.Пешковским синтаксического начала как ведущего иногда было чрезмерным, что не могло не вести в методике преподавания русского языка к излишнему преувеличению роли синтаксиса. Учение А.М.Пешковского об отсутствии “абсолютно несинтаксических категорий” восходит к учению Фортунатова о формах словообразования и формах словоизменения, а также к учению Потевни, отрицающего грамматическую и лексическую реальность отдельного слова (она познается, по мысли Потевни, только в предложении). Положительное значение системы синтаксиса у А.М.Пешковского заключается в том, что он, нарушив фортунатовское понимание синтаксиса как учения о формах словосочетания, по существу под видом словосочетаний представил синтаксис как учение о предложении, тем самым устанавливая естественную связь грамматики с логикой и психологией, ибо предложение является ведущей, организующей единицей нашей речи, грамматически оформленной и выражающей относительно законченную мысль в акте общения между людьми.

Переходя к вопросу об учении А.М.Пешковского о грамматической форме, необходимо отметить, что формы слова и формы словосочетания А.М.Пешковский считал основными и в то же время труднейшими понятиями грамматики. Если в ранней своей концепции А.М.Пешковский безоговорочно принимает фортунатовское определение формы слова, как способности отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова, то в дальнейшем он все более решительно критикует учение Фортунатова о формах слова и отказывается от механического разрыва “формы” и “значения”; точка зрения Потевни, утверждавшего, что “форма” есть функция “значения”, становится для А.М.Пешковского господствующей, хотя он и не отождествляет понятия “значение” и “форма”, как это звучит у Потевни. И если А.М.Пешковский, вводя понятие “формальная категория”, не устранил некоторой сбивчивости в употреблении термина “форма”, то нельзя не видеть, что уже в промежуток между вторым и третьим изданием “Русского синтаксиса” А.М.Пешковский обнаружил в формулировке Фортунатова “неприглядность определения грамматики к определению формы”. “Я думаю, — пишет он, — что в определении грамматики Фортунатов сдвигал понятие формы несколько в другую сторону... приближая к понятию “слова, имеющего форму”... Думаю, что грамматика, как и другие отделы языковедения, не есть наука о “способностях” слов, а есть наука об определенных языковых фактах. Такими фактами являются формальные принадлежности слов в их отношениях

друг к другу и к материальным принадлежностям. А факты эти, конечно, суть проявления соответствующей общей *способности* слов, вернее, нашей способности сознавать их” (Пешковский, 1925: 17). И далее в этой же статье А.М.Пешковский, рассматривая вопрос о формах слов и словосочетаний, говорит, что “ультраформалисты” не видят синтаксических значений в языке, т.е. они понимают значения лишь в пределах отдельного слова. “Этот великий разрыв звуковой и смысловой стороны речи, недостаточно еще до сих пор подчеркнутый в литературе, делает чрезвычайно трудным разграничение понятий формы слова и формы словосочетаний, а с ними и разделение грамматики на морфологию и синтаксис”, — пишет А.М.Пешковский. В результате редакционной обработки фортунаатовской формулы А.М.Пешковский приходит в третьем издании “Русского синтаксиса” к следующему определению: “Форма слова есть особое свойство его, в силу которого оно распадается по звукам и по значению на основу и формальную часть, причем по звукам формальная часть может быть и нулевой” (Пешковский, 1958: 16).

На примере анализа слова разговорчивый А.М.Пешковский подводит читателя к понятию основных элементов слова: основной значащей части — корня и формальных частей слова — аффиксов, которые разделяются в свою очередь на префиксы и суффиксы. В анализе слова *разговорчивый* представляет интерес сама идея выяснения скрытых в словах формальных значений. Эта идея была выражена А.М.Пешковским еще в первом издании его “Русского синтаксиса”: “Таким образом, в каждом слове, имеющем форму, — писал он, — заключено, с грамматической точки зрения, не одно значение, а по меньшей мере два: вещественное и формальное, причем формальных значений в словах обыкновенно несколько (Пешковский, 1914: 12). А.М.Пешковский отчетливо осознавал невозможность механического отсечения формы отдельного слова от форм словоизменения в связной речи, отчетливо понимал тесную связь и взаимодействие синтаксических и словообразовательных элементов речи. Это сказалось потом на третьем издании “Русского синтаксиса” в учении о частях речи, где он отказался от своей первоначальной классификации слов на “форменные” и “бесформенные”. Растущее во славу синтаксиса пренебрежение к чисто морфологическим особенностям разных классов слов побуждает А.М.Пешковского признать приоритет форм словосочетания над формами отдельного слова. Поэтому в дальнейшем А.М.Пешковский включает в понятие форм (форм словосочетаний) и порядок слов, и интонацию, и ритм, и характер связей между словами (Пешковский, 1938: 66).

Грамматическая форма понимается им теперь гораздо шире, чем прежде; в нее включается вся совокупность грамматических средств языка для обнаружения того или иного значения, грамматическую роль порядка слов, интонации и др.

Преодоление А.М.Пешковским узкого морфологизма фортуна-товского учения о форме было обусловлено не только влиянием взглядов Потемби и Шахматова, но и тем обстоятельством, что уже в самой первоначальной грамматической системе А.М.Пешковского были заложены такие синтаксические элементы, которые разрушали цельность фортуна-товской концепции. И дальнейшее углубление синтаксической точки зрения А.М.Пешковского нельзя рассматривать только как более или менее удачные “поправки и уточнения” к учению Фортунатова о форме слова, имеющие лишь некую относительную ценность; между тем именно к этому сводится смысл утверждения С.И.Бернштейна, когда он говорит, что у А.М.Пешковского “как бы ни были удачны сами по себе эти поправки и уточнения, ценность их все же очень относительна: они не затрагивают основной ошибки Фортунатова — произвольного сужения понятия грамматической формы” (Бернштейн, 1938: 16–17).

По-иному оценивает концепцию А.М.Пешковского Е.М.Га-лина-Федорук в статье “Понятие формы слова” (1941). Характеризуя школу Фортунатова и понимание ею формы слова, автор статьи при переходе к анализу взглядов А.М.Пешковского по этому вопросу говорит: “Несколько особняком стоит А.М.Пешковский, также один из последователей Фортунатова. В первые годы своей деятельности А.М.Пешковский сохранял в трактовке языковых фактов те же формалистические позиции”. Затем Е.М.Галкина-Федорук выявляет то отличное, что ставит А.М.Пешковского на особое место. Это прежде всего понимание А.М.Пешковским единства между значением слова в целом и его составными формальными частями. По А.М.Пешковскому, одинаковые по звукам формальные части могут иметь совершенно разные грамматические значения в зависимости от лексического значения слова; например, в слове *зател* приставка *за* выражает начало действия; в слове *записал* — *за* выражает законченность действия, потому что дело не только в формальных частях слова, но и во всем значении слова. Однако на пути преодоления Пешковским концепции Фортунатова морфологизм Фортунатова ощущается у А.М.Пешковского в очень сильной степени. Это особенно проявилось в его статье “В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?” (1925).

Убедившись, что в свете фортунаговского учения о форме отдельных слов нельзя раскрыть и уяснить системы грамматических отношений между словами и группами слов в русском языке, А.М.Пешковский выдвинул понятие грамматической (формальной) категории как центральное грамматическое понятие своей системы. Это понятие категории отвечало его пониманию форм слова и форм словосочетания в их органической спаянности. А.М.Пешковский делает общее определение: “Формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную характеристику” (Пешковский, 1938: 57).

Уже в самом этом определении заключено нечто противоположное фортунаговскому понятию формы. Теперь с точки зрения соотношения моментов значения и звука А.М.Пешковский глубоко расходится с Фортунатовым. В этом определении важно не только то, что в основе понятия формальной категории лежит значение составляющих категорию форм, но и то, что наличие собственной звуковой характеристики считается для понятия грамматической категории необязательным. Таким образом, идея формальной категории, заимствованной А.М.Пешковским у Потебни и Шахматова, лишь по возможности приспособлена к фортунаговскому понятию формы, но это фортунаговское понятие формы фактически в системе синтаксиса А.М.Пешковского не реализовано.

Преодоление А.М.Пешковским фортунаговской концепции в понимании грамматической категории отметил В.В.Виноградов, который писал, что хотя “определение грамматической категории, включенное А.М.Пешковским в третье (последнее прижизненное) издание “Русского синтаксиса в научном освещении”, еще не освобождено от отражений и осколков фортунаговского учения о форме”, но “само это фортунаговское учение решительно преобразовано” (Виноградов, 1938: 78).

Новое понимание А.М.Пешковским грамматической формы и грамматической категории, иное понимание им соотношений между значением и звуком позволяет ему позднее осознать свои собственные ошибки и ошибки формалистов. А.М.Пешковский теперь по-новому понимает и самую методологию языкового исследования. А.М.Пешковским излагается путь исследования: от общего к частному, от смыслового к формальному.

Пешковский, рассматривая двойную систему соответствий на частных примерах (значение и формы повелительного наклонения и др.), приходит к выводу о невозможности разрыва значения и звуковой формы слова: и то и другое даны нам в единстве, и потому “первичным, основ-

ным методом, на котором жидутся все другие, является выделение звукозначений и отыскание всевозможнейших отношений между ними” (Пешковский, 1930: 90). Этот методологический принцип языкового исследования использует автор и в своем “Русском синтаксисе в научном освещении” (1928), и в учебных книгах “Наш язык”, и в ряде других.

Слово и словосочетание являются у А.М.Пешковского двумя первичными и основными единицами грамматики, причем словосочетание понимается им (вслед за Фортунатовым) излишне широко: понятие предложения у него объявляется вторичным, выводным и рассматривается как одна из разновидностей словосочетания. Отсюда и самый синтаксис определяется им как тот отдел грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний.

В этом заключается основная ошибка А.М.Пешковского; он теоретически неверно определяет предмет синтаксиса, объединяет в одно целое качественно разнородные понятия и, более того, растворяет понятие предложения в понятии словосочетания. Расширенное истолкование словосочетания как единственного объекта синтаксиса создавало для А.М.Пешковского огромные затруднения, так как сужало круг синтаксического исследования. А между тем А.М.Пешковский хорошо понимал, что только в предложении и через предложение осуществляется в языке социальная функция общения. Поэтому он в своем “Русском синтаксисе” разрабатывает главным образом понятие предложения, уделяя анализу типов предложения почти две трети своего труда по синтаксису.

Пешковский пытается выйти за пределы чисто внешнего (формального) определения словосочетания, найти в нем единство внешне-внутреннее. “Словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли” (Пешковский, 1938: 64). Важно отметить, что в форме слов и в форме словосочетаний А.М.Пешковский видит не только внешнюю, звуковую связь, когда при помощи форм слова образуются ряды слов (ср. *подарок отца и подарок отцу, пойду выброшу и пойду выбросить* и т.д.), но и значение, т.е. то реальное содержание (факты и явления действительности), которое закрепляется в словах и в словосочетаниях как лексико-грамматических категориях нашей мысли. А.М.Пешковскому не удалось разграничить понятия “формы слова” и “формы словосочетания”, хотя он и высказал весьма плодотворную мысль о необходимости видеть в форме словосочетания внешнее и внутреннее строение помимо комбинации форм слов в составе словосочетания. А.М.Пешковский обращает внимание на взаимодействие ряда других факторов в создании формы словосочетания, а именно: 1) на роль

слов, не имеющих формы, не входящих в то же сочетание; 2) на порядок слов; 3) на интонацию и ритм и 4) на характер связи между словами. Весьма плодотворной является мысль А.М.Пешковского о том, что комбинация форм слов в словосочетаниях тесно связана с вещественным значением слов, и, следовательно, сфера применения каждой формы словосочетания ограничена словарными условиями. Однако в языке существует немало форм словосочетаний более общего характера, не зависящих в своем применении от словарной стороны. Так, в словосочетании типа: именительный падеж существительного — согласуемый с ним глагол (*стол стоит, рыба плавает* и т.д.) могут быть употреблены любой глагол и любое существительное. Таким образом, по А.М.Пешковскому, следует различать общие и частные формы словосочетаний, причем степень “общности” и “частности” может быть различна.

Необходимо подчеркнуть, что А.М.Пешковский, раскрывая взаимодействие различных средств выражения значений в составе словосочетания, стремится выявить диалектическое единство формы и содержания. Все компоненты словосочетания: материя и форма, содержание и внешние признаки его выражения — это не механическая сумма слагаемых, а нечто цельное, фактически неделимое. “Ведь ясно, что ни комбинацию форм, образующих данное словосочетание, ни синтаксическую сторону значения бесформенных слов, ни интонацию, ни характер связей между словами мы не можем вынуть из словосочетания и отложить, положим, направо, а весь остаток налево. Дело идет не о частях словосочетания (частями его являются только отдельные слова), а именно о его разных сторонах как в звучании, так и в значении”, — пишет А.М.Пешковский (Пешковский, 1938: 72).

В.В.Виноградов при анализе учения А.М.Пешковского о словосочетаниях в соответствии с общей своей концепцией в отношении к А.М.Пешковскому делает следующее резюме: “А.М.Пешковскому было важно не внутреннее диалектическое единство формы и содержания, а внешнее проявление грамматического значения, нередко механически отождествляемое им с формой” (Виноградов, 1950: 40). Между тем А.М.Пешковский неоднократно подчеркивал теоретическую несостоятельность механического сопоставления формы и содержания, истолкования внешнего и внутреннего в языке как простого сосуществования формы и значения. В этом плане характерно его рассуждение о природе грамматической формы: “Всякая форма, — пишет он, — помещается, так сказать, на стыке своей внешней и внутренней стороны” (Пешковский, 1931: 3–5). Более того, когда А.М.Пешковский стремится выяс-

нить специфику грамматической природы словосочетания (внешнеграмматические связи слов в составе словосочетания — предложения), он подчеркивает взаимодействие и взаимообусловленность форм отдельных слов, входящих в единство, непрерывность грамматических связей между словами; с этой точки зрения, словосочетание представляется законченным “грамматическим рядом слов”, где формы отдельных слов не только ассоциируются с определенными грамматическими значениями, но и “связаны между собою согласованием, управлением и примыканием”. А.М.Пешковский правильно полагает, что “признак непрерывности связей, естественно характеризующий ту или иную синтаксическую величину как единство, признак, довольно слабо намеченный в литературе, здесь приобретает должный вес и место” (Пешковский, 1931: 10).

Следует особо выделить вопрос о принципах классификации словосочетаний по значению и о роли словосочетаний в предложении; одни из них выступают как предикативные, другие — как непредикативные. А.М.Пешковский считает возможным проводить классификацию словосочетаний кроме признаков по количеству слов (двусловные, трехсловные и т. п., в том числе и однословные), по формам (аффиксы, служебные слова, интонация, порядок слов) и по их значению и роли в предложении (имеется в виду главным образом употребление слова в роли сказуемого). По наличию или отсутствию сказуемого А.М.Пешковский устанавливает следующие разряды словосочетаний: 1) словосочетания, имеющие в своем составе сказуемое (или указание на опущенное сказуемое) или состоящее из одного сказуемого. Здесь рассматриваются глагольные, именные и инфинитивные сочетания (простые предложения); 2) словосочетания, имеющие в своем составе два или несколько сказуемых (сложные предложения). Легко заметить, эта классификация есть не что иное, как классификация предложений, о чем говорит и сам А.М.Пешковский (Пешковский, 1938: 185). А.М.Пешковский и предикативные словосочетания (т.е. предложения) рассматривает как разновидность словосочетаний в целом, растворяя учение о предложении в учении о словосочетании. Считая главными интонационными средствами в организации предложения и в выражении его содержания мелодику и ударение, А.М.Пешковский указывал, что различием интонаций определяются основные функциональные и вместе с тем модальные типы предложения — повествовательные, вопросительные и побудительные. Считая интонацию важным средством формирования и словосочетания, и предложения, А.М.Пешковский не проводил необходимого разграничения роли интонации в той и другой структуре. Остановимся теперь на

другой классификации словосочетаний, построенной А.М.Пешковским на иных принципах — на характере грамматической связи и отношений в парных словосочетаниях. А.М.Пешковский намечает два вида таких отношений: 1) отношения взаимно не совпадающие и (необратимые) подчинительные, например, *ножка стола*, но нельзя сказать *стол ножки*; отношения между учителем и братом в сочетании *учитель брата* не те же, что в сочетании *брат учителя*; 2) отношения взаимно совпадающие, или обратимые, сочинительные, например, в словосочетаниях *гражданин Иванов*, *красавица Зорька*, *брат-учитель* и т.д. Двойственность отношений в словосочетании восходит, по А.М.Пешковскому, к двойственности выражения этих отношений: “Там, где звуковой показатель отношения имеется лишь в одном из соотносящихся, отношения получаются взаимно не совпадающие и не обратимые; там же, где этот показатель имеется в обоих соотношениях, — взаимно совпадающие и обратимые” (Пешковский, 1938: 80). В.П.Сухотин отмечает, что данное подразделение, если иметь в виду его признаки (наличие звуковых показателей), не охватывает всех видов словосочетаний; например, в сочетаниях с наречиями, деепричастиями и инфинитивом звуковые показатели отсутствуют, отношения подчинительные, хотя перестановка (обратимость) оказывается возможной. Ср.: *хорошо читает — читает хорошо*, *поехал учиться — учиться поехал* и т.п. (Сухотин, 1950: 139). Более того, если эти понятия распространить на предложения (а они А.М.Пешковским понимаются как разновидность словосочетания), то различие сочинения и подчинения становится еще более шатким; часто характер отношений между частями сложносочиненного предложения даже с союзом и не допускает обратимости (перестановки). Однако, с точки зрения А.И.Белова, отрицание теории А.М.Пешковского об обратимости и необратимости словосочетаний как универсального средства их различения не может заслонить его исключительную наблюдательность в отношении характера связей между словами — разграничения им сочинительных словосочетаний и подчинительных (Белов, 1958: 112).

Однако теоретически неправильно решая вопрос о взаимоотношении словосочетания и предложения, А.М.Пешковский практически верно построил свой “Русский синтаксис” как учение о предложении. Но, видя в простых нераспространенных предложениях словосочетания и включая их в обычный раздел словосочетаний, А.М.Пешковский стирает грань между этими логико-семантическими и грамматическими разрядами речи. Вместе с тем следует отметить, что А.М.Пешковский никогда не подходил к определению предложения лишь с точки зрения его внеш-

неграмматических, структурных признаков, как того требовали формалисты (Будде и др.). Для А.М.Пешковского предложение — это выражение мысли. “Предложение есть слово или сочетание слов, выражающее мысль”, — формулирует он в первом издании “Русского синтаксиса” (Пешковский, 1914: 3). В этом определении само понятие предложения связывается с логическими категориями, находящими в предложении свое словесное выражение. И всякие попытки формалистов оторвать грамматические формы от мысли А.М.Пешковский всегда расценивал как шаг назад по сравнению с системой Потебни. Вместе с тем для А.М.Пешковского “мысль” — синоним термина “психологическое суждение”, т.е. такое соединение представлений, при котором мы сознаем соотношение между ними. Первое из них является психологическим подлежащим, второе — психологическим сказуемым. Сомнения А.М.Пешковского в методологической правильности учения о предложении на основе психологического суждения приводят его к все большему подчеркиванию “языковых признаков”. “Порядок слов, интонация и чисто психологический и логический анализ, — пишет он в шестом издании своей книги, — будут интересовать нас преимущественно со стороны тех противоречий, в которые они могут становиться с грамматическим анализом. Потому что цель наша — найти грамматическое подлежащее и грамматический предикативный член” (Пешковский, 1938: 232). Таким образом, в своей новой концепции А.М.Пешковский основывает определение предложения на грамматических признаках, отражающих категорию мысли. Такой главной категорией, по А.М.Пешковскому, является сказуемость. Но теперь уже у А.М.Пешковского понятие сказуемости зиждется не на общепсихологической базе, а на специально языковых наблюдениях, а интонационная сторона синтаксических явлений выделена, противопоставлена и до некоторой степени подчинена собственно формальной стороне. Отсюда и предложение теперь определяется как словосочетание, имеющее в своем составе сказуемое, или указывающее своим формальным составом на опущенное сказуемое, или, наконец, состоящее из одного сказуемого. Отказ от “психологического суждения” как исходной опоры в определении предложения и утверждение понятия “сказуемости” как фактора, образующего предложение, сближает А.М.Пешковского с концепцией Потебни. Однако подчеркивание формальных признаков отнюдь не значит, что А.М.Пешковский отказался от понимания предложения как выражения мысли. Развивая тезис Потебни о предложении “речи” как единственной языковой реальности и имея в виду социальную функцию предложения (как средство общения

между людьми), А.М.Пешковский подчеркивает “признак значения форм словосочетаний” и считает, что “среди этих значений на первое место должно быть поставлено то значение, для выражения которого вообще и существуют-то самые формы словосочетаний, да и весь язык вообще — значение выражения мысли, или сказуемость” (Пешковский, 1938: 184—185). Сказуемость, по А.М.Пешковскому, — важнейшая грамматическая категория, в которой тесно сцепляется речь с мыслью и которая выражается разными способами (морфологическими, синтаксическими, интонационными). Для А.М.Пешковского типы сказуемости — это “способы выражать человеческую мысль”. А.М.Пешковский отводил сказуемости непомерно большую роль, хотя не отрицал, что и подлежащее может выражать мысль. У А.М.Пешковского учение о предикативности глагола становится исходным в понимании грамматической и семантической сущности предложения. Предложение как бы произвольно вырастает из формы отдельного слова (и прежде всего из глагола), из формы словосочетания, из “формы сказуемости”. А.М.Пешковский иногда идет не от определения целого к его членам, а, наоборот, от частей к целому, стремясь узнать предложение по одной из его примет; такой главной приметой (компонентом), по А.М.Пешковскому, является сказуемость (глагольность).

Касаясь учения А.М.Пешковского о частях речи, следует отметить, что это учение в соответствии с общей эволюцией грамматических взглядов А.М.Пешковского также изменялось. Но изменения больше всего касались системы частей речи (группировки слов по грамматическим разрядам), общие же понятия частей речи (связи их с грамматическими категориями, связи с членами предложения и общая зависимость частей речи от данных морфологии и синтаксиса) изменялись во взглядах ученого менее значительно. Для А.М.Пешковского части речи — это категории (формы) грамматического мышления и, следовательно, категории мысли вообще. “Части речи, — говорит он, — есть не что иное, как основные категории мышления в их примитивной общенародной стадии развития” (Пешковский, 1938: 95). А.М.Пешковский считал, что самое понятие частей речи тесно связано с понятием грамматической категории, а последняя, по А.М.Пешковскому, создается всеми формами синтаксического окружения. При отнесении слова к той или иной части речи А.М.Пешковский исходил также из наличия у данного слова единства грамматического значения с определенной группой слов и с этой точки зрения критиковал ультраформалистов, которые понятие части речи связывали лишь с чисто внешними звуковыми показателями. Таким обра-

зом, общее понятие частей речи у А.М.Пешковского основывается на признании единства лексико-семантических и грамматических признаков слова, причем синтаксисом определяются и морфологические особенности слова, и отнесение слова к той или иной грамматической категории (части речи), как категории мышления. Преодолевая узкий морфологизм Фортунатова, А.М.Пешковский значительно способствовал более углубленному изучению грамматической природы частей речи, рассматривая смысловую (лексическую) и формально-грамматическую стороны частей речи в их единстве. А.М.Пешковский всегда подчеркивал взаимосвязь морфологии и синтаксиса, но в то же время он никогда не исключал специфики того и другого, что морфология и синтаксис — это во многих отношениях и самостоятельные области грамматики, и потому для него совершенно правомерно строгое разграничение морфологической (при частях речи) и синтаксической (при членах предложения) классификации. Исходя из понимания частей речи как основных категорий языковой мысли, А.М.Пешковский пытается найти те из них, которые являются наиболее типичными и от-кристаллизовавшимися в нашем сознании. Если в первой своей концепции (1914) он называл семь частей речи (глагол, существительное, прилагательное, причастие, наречие, деепричастие, инфинитив), то в новом варианте своей грамматической системы (с 1928 г.) он говорит лишь о четырех (существительное, прилагательное, глагол, наречие). Это изменение было обусловлено значительным смещением его общей лингвистической концепции, отказом от формально-морфологических принципов Фортунатова и углубленным развитием синтаксической точки зрения Потебни и Шахматова, новой методологией грамматического исследования, исходящей из единства вещественного и формального значений слова, из единства семантики слова и его грамматической формы. Вместо фортунатовского критерия деления слова на “форменные” и “бесформенные” теперь А.М.Пешковский пытается найти другую опору деления слов по разрядам. Уже в 1925 г. он говорит, что эти разряды не только особые основные словообразовательные формы языка, но и разряды слов со стороны значения. Именно поэтому он в третьем издании “Русского синтаксиса” отказался от категорического выделения инфинитива в особый разряд, рассматривая инфинитив как одну из основных форм каждого глагола и усматривая грамматическое и семантическое родство между инфинитивом и глаголом: инфинитив “можно образовать от каждого глагола, у него есть все видовые и все залоговые значения глагола во всех их мельчайших разветвлениях. Вот эта-то связь с глаголом при отсутствии связи

с другими частями речи и делает инфинитив глаголом, так как части речи являются основными категориями нашей языковой мысли”. Причастия и деепричастия он считает теперь смешанными категориями, тяготеющими прежде всего к глаголу.

При оценке наследия А.М.Пешковского А.В.Белов подчеркивает, что он своеобразно сочетал в себе качества лингвиста и методиста. “Он был теоретиком-новатором именно потому, что внимательно, глубоко наблюдал языковые явления, он честно пытался разрешить ряд сложных проблем грамматики, не уклоняясь от самых сложных и еще не решенных вопросов. Поэтому даже ошибки его поучительны, преодоление их в последующем развитии науки способствовало более правильному решению многих важных теоретических проблем современного русского литературного языка” (Белов, 1958: 224).

Литература

- Белов А.И.* А.М.Пешковский как лингвист и методист. — М., 1958. — 234 с.
- Бернштейн С.И.* Основные понятия грамматики в освещении А.М.Пешковского // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1938. — С. 7–42.
- Виноградов В.В.* Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М.Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия // Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С. 441–487.
- Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., 1947. — 452 с.
- Галкина-Федорук Е.М.* Понятие формы слова // Тр. Моск. гос. ин-та истории, филологии и литературы им. Чернышевского. — М., 1941. — Т. 9. — С. 94–132.
- Пешковский А.М.* В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? // Знамя рабфаковцев. — М., 1924. — № 1–2. — С. 30–43.
- Пешковский А.М.* Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики: Сб. статей. — М.; Л., 1930. — 176 с.
- Пешковский А.М.* Еще к вопросу о предмете синтаксиса // Рус. яз. в сов. шк. — М., 1929. — № 2. — С. 32–78.
- Пешковский А.М.* Интонация и грамматика // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. — М., 1930. — С. 34–78.
- Пешковский А.М.* Научные достижения учебной литературы в области общих вопросов синтаксиса. — Прага, 1931. — 271 с.
- Пешковский А.М.* Наш язык: В 3-х т. — М., 1922–1926.
- Пешковский А.М.* Первые уроки русского языка: В 4-х т. — М., 1922–1931.

- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении: Изд. 1-е. — М., 1914; изд. 3-е. — М., 1928, изд. 6-е. — М., 1938. — 452 с., изд. 7-е. — М., 1956. — 511 с.
- Пешковский А.М.* Школьная и научная грамматика: 1-е изд. — М., 1914. — 115 с.
- Сухотин В.П.* Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса. — М., 1950. — С. 132–178.

Основные работы А.М.Пешковского

- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении: Изд. 1-е. — М., 1914; изд. 2-е. — М., 1920; изд. 3-е. — М., 1928; изд. 4-е — М., 1934; изд. 5-е — М., 1935; изд. 6-е. — М., 1938. — 452 с.; изд. 7-е. — М., 1956. — 511 с.
- Пешковский А.М.* Наш язык: В 3-х т. — М., 1922–1926.
- Пешковский А.М.* Первые уроки русского языка: В 4-х т. — М., 1922–1931.
- Пешковский А.М.* Школьная и научная грамматика. — М., 1914–1927.
- Пешковский А.М.* Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики: Сб. статей. — М.; Л., 1930. — 176 с.
- Сухотин В.П.* Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса. — М., 1950. — С. 132–178.

Основные работы о А.М.Пешковском

- Белов А.И.* А.М.Пешковский как лингвист и методист. — М., 1958. — 234 с.
- Березин Ф.М.* История русского языкознания. — М., 1979. — 222 с.
- Бернштейн А.М.* Основные понятия грамматики в освещении А.М.Пешковского // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1938. — С. 7–42.
- Будагов Р.А.* Постановка эксперимента в “Русском синтаксисе” А.М.Пешковского // Человек и его языка. — М., 1974. — С. 203–210.
- Виноградов В.В.* Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М.Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950. — С. 36–74.
- Олонцева И.В.* Грамматические взгляды А.М.Пешковского // Русские языковеды. — Тамбов, 1975. — С. 26–33.

В.М.Алпатов

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛИВАНОВ

Евгений Дмитриевич Поливанов (28.2.(12.3.)1891—25.1.1938) был лингвистом исключительно широких интересов, внесшим вклад во многие области общего и частного языкознания.

Недолгая жизнь ученого была богата событиями, его интересы далеко не исчерпывались лингвистикой. Евгений Дмитриевич родился в Смоленске в дворянской семье, окончил гимназию в Риге. В 1908 г. он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета и окончил его в 1912 г., его главным учителем там был Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845—1929). Одновременно он в 1909—1911 гг. прошел курс японского разряда Практической восточной академии. Японский язык тогда почти не был известен в России, а после поражения России в русско-японской войне общественный интерес к Японии резко повысился. Евгений Дмитриевич наряду с учившимся вместе с ним в Практической восточной академии Николаем Иосифовичем Конрадом (1891—1970) стал основателем научного изучения японского языка в нашей стране.

По окончании университета Поливанов был оставлен там для приготовления к профессорскому званию. В 1913 г. он был приглашен Николаем Яковлевичем Марром (1864—1934), тогда деканом восточного факультета Петербургского университета, занять вакантную кафедру японского языка; 22-летний ученый был утвержден в звании приват-доцента. Трижды, в 1914, 1915 и 1916 гг., он совершил научные экспедиции в Японию, где изучал различные диалекты японского языка в полевых условиях, работал в фонетической лаборатории Императорского университета в Токио, общался с японскими лингвистами, которые впоследствии отмечали его влияние на их научные взгляды. Ряд японских

диалектов был описан Евгением Дмитриевичем впервые, ему также удалось первым в мировой японистике разобраться в характере музыкального японского ударения. Большинство публикаций Поливанова этого времени посвящены японскому языку, однако печатался он и по вопросам общего языкознания и индоевропеистики. В эти же годы вместе с Виктором Борисовичем Шкловским (1893—1984), Львом Петровичем Якубинским (1892—1945) и Романом Осиповичем Якобсоном (1896—1982) стал основателем ОПОЯЗ (Общества по изучению поэтического языка), вокруг которого сложилась известная формальная школа литературоведов.

В 1917 г. Евгений Дмитриевич, всегда интересовавшийся политикой, не прерывая занятий наукой, начинает активно участвовать в общественной жизни. После Февраля он стал членом Всероссийского совета крестьянских депутатов, от него был прикомандирован к Министерству иностранных дел Временного правительства, где некоторое время заведовал отделом печати. Первоначально он примыкал к левому крылу меньшевиков, а после Октября перешел к большевикам. В ноябре 1917 г. он стал одним из двух заместителей наркома иностранных дел Л.Д.Троцкого, в наркомате он ведал восточными делами и отношениями с Германией, готовил первоначальный вариант Брестского мира, возглавлял работу по подготовке к печати секретных договоров царского правительства.

В январе 1918 г. Поливанову пришлось уйти из Наркомата иностранных дел из-за конфликта с Троцким. Его деятельность в 1918—1921 гг. была активной: он заведовал Восточным отделом Информационного бюро Северной области, организатором китайской коммунистической секции при Петроградском комитете РКП(б), с отрядами красных китайцев участвовал в гражданской войне. При этом он не прекращал преподавания в Петроградском университете, несмотря на конфликты с большинством профессуры, не принимавшим революцию. В 1919 г. в возрасте 28 лет Евгений Дмитриевич получил звание профессора. В этом же году он был принят в РКП(б) (выбыл в 1926 г. в связи с прогрессирующей наркоманией).

В 1921 г. Евгений Дмитриевич навсегда уехал из Петрограда. Несколько месяцев он работал в Москве в должности заместителя начальника Дальневосточного отдела Коминтерна, одновременно преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). В том же году он был командирован в Ташкент для подготовки восстания в Синьцзяне, организовать которое не удалось. В Ташкенте Поливанов оставался до 1926 г. (в 1924 г. приезжал в Москву и читал курс японского

языка в Военной академии). Постепенно он отходил от административной деятельности, хотя некоторое время возглавлял Главлит Узбекистана. Основное место в его деятельности теперь занимали наука и преподавание, а также участие в языковом строительстве. Он был профессором первого в регионе Среднеазиатского государственного университета, активно выступал по вопросам формирования новой литературной нормы для узбекского и других тюркских языков, создания алфавитов для этих языков. Большинство публикаций Поливанова тех лет посвящено тюркским языкам, однако он печатал и работы по японскому, китайскому, грузинскому и др. языкам, по теории лингвистики.

В 1926 г. Евгений Дмитриевич несколько месяцев преподавал во Владивостоке, по некоторым данным, в это время еще раз посетил Японию. Из Владивостока он переехал в Москву, куда был приглашен в качестве “красного профессора”, способного вести борьбу с традиционной наукой. Московский период (1926–1929) стал самым плодотворным в жизни ученого. Он в это время возглавлял лингвистическую секцию Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), заведовал кафедрой национальных языков КУТВ, был профессором Московского института востоковедения. За эти годы он подготовил большое количество книг и статей по разнообразным проблемам общего и частного языкознания, активно участвовал в языковом строительстве.

Удачно складывавшаяся научная карьера рухнула в 1929 г. в связи с принципиальностью Евгения Дмитриевича. Он активно не принимал ненаучные положения “нового учения о языке” Н.Я.Марра (долгое время покровительствовавшего Поливанову) и решил открыто против него выступить. В феврале 1929 г. по инициативе Евгения Дмитриевича в Коммунистической академии состоялась “поливановская дискуссия”, на которой значительный численный перевес имели сторонники Н.Я.Марра. В заключительном слове Поливанов сказал: “Имею дело здесь с верующими — это прежде всего. Было бы смешно мне ставить своей задачей переубедить верующих” (Поливанов, 1991: 547).

Началась борьба с “поливановщиной” и травля ученого в печати. Не дожидаясь административных мер, Евгений Дмитриевич решил вернуться в Среднюю Азию, где, как ему тогда казалось, к нему хорошо относились местные руководители. С конца 1929 г. он начал работать в Самарканде в Узбекском государственном научно-исследовательском институте культурного строительства, в 1931 г. вместе с институтом переехал в Ташкент.

В 1929—1931 гг. в Москве еще продолжали выходить работы Поливанова, однако после выхода в 1931 г. книги “За марксистское языкознание”, где он повторил резкие оценки марризма, ученый потерял возможность печататься в Москве и Ленинграде. После этого до 1937 г. он мог публиковаться лишь в малоизвестных среднеазиатских изданиях или за рубежом, в том числе в “Трудах Пражского лингвистического кружка”, куда он посылал свои рукописи через Р.Якобсона. Однако и здесь большинство отправленных работ остались неопубликованными. Ташкентские публикации Поливанова в основном посвящены узбекскому и бухарско-еврейскому языкам.

Надежды Евгения Дмитриевича на спокойную работу в Узбекистане не оправдались: господство марризма распространилось и сюда. Ему не разрешили преподавать в Среднеазиатском университете, а из института, где он работал, ему в 1933 г. пришлось уйти под давлением марристов. Некоторое время он был без постоянной работы, но в 1934 г. киргизский тюрколог Касым Тыныстанов (1901—1938) пригласил его во Фрунзе (ныне Бишкек), где он стал работать в Киргизском институте культурного строительства, затем переименованном в Киргизский институт языка и письменности, и преподавать в педагогическом институте. Во Фрунзе его положение на некоторое время улучшилось. Двумя основными направлениями его научной деятельности в 1934—1937 гг. были изучение дунганского языка и киргизского эпоса “Манас”. Совместно с дунганским ученым Юсупом Яншансином он создает дунганскую письменность на латинской основе, участвует в нескольких дунганских экспедициях. В это же время он пишет последнюю работу по теории языка — “Словарь лингвистических терминов”. Он делает попытку вернуться в большую науку, послав рукопись словаря в Ленинград, однако последователи Н.Я.Масра ее отвергли, словарь опубликован лишь в 1991 г.

1 августа 1937 г. ученый был арестован во Фрунзе на основании присланной из Москвы шифротелеграммы, а затем этапирован в Москву. Основанием для ареста были прежние, давно прервавшиеся связи с Л.Д.Троцким, однако затем дело было переориентировано на “шпионаж в пользу Японии”. В заявлении Евгения Дмитриевича от 1 октября 1937 г. говорилось: “Прошу о прекращении тяжелых приемов допроса (физическим насилием), так как эти приемы заставляют меня лгать и приведут только к запутыванию следствия. Добавлю, что я близок к сумасшествию”; (цит. по Ашнин, Алпатов, 1997: 128), сохраняется текст оригинала. На суде 25 января 1938 г. Поливанов отказался от признания вины, что не имело никакого значения. В тот же день он был расстрелян

(Ашнин, Алпатов, 1997: 137). Реабилитирован Поливанов был лишь 3 апреля 1963 г.

Лингвистическая концепция Поливанова отразила многие черты новой, структуралистской лингвистической парадигмы, сложившейся в эпоху, когда работал ученый: понимание языка как системы, стремление рассматривать явления языка в их взаимосвязи, точность и четкость формулировок, признание правомерности синхронного подхода к языку, специальный интерес к фонологии. Вместе с тем он был продолжателем традиции, заложенной его учителем И.А.Бодуэном де Куртенэ. Поливанов писал: “Относительно прошумевшей посмертной книги де Соссюра можно уверенно утверждать, что в ней нет никаких новых положений, которые не были бы нам уже известны из учения Бодуэна де Куртенэ” (Поливанов, 1968: 185). Если перечисленные выше черты структуралистской парадигмы объединяли концепции Соссюра и Бодуэна де Куртенэ, то там, где эти концепции расходились, Евгений Дмитриевич последовательно продолжал и развивал идеи учителя. Вместо соссюровского понимания синхронии и диахронии как двух осей, не имеющих связи между собой, два выдающихся ученых рассматривали языковую статику как предельный случай динамики. Статическое исследование языка правомерно и необходимо, но оно неполно без изучения динамики, развития языка. Не принимал Поливанов вслед за своим учителем и тезис о несистемности диахронии, стремясь выявить системный характер языковых изменений, обусловленность одних изменений другими; классический пример — статья о “цепочечных” изменениях фонологической системы северных японских диалектов (Поливанов, 1924). Отличался Евгений Дмитриевич от большинства соссюрианцев и отказом ограничиваться рассмотрением “языка в самом себе и для себя”; для него всегда были характерны как интерес к проблемам социального функционирования языка, так и учет психологии носителей языков.

Наряду с развитием идей И.А.Бодуэна де Куртенэ Евгений Дмитриевич стремился к построению марксистской теории языка. Реально влияние марксизма проявилось прежде всего в двух пунктах: в подробном анализе социальных характеристик языка и в стремлении найти в закономерностях истории языков отражение законов диалектики. В частности, изменения фонологической системы путем скачка, ставшего результатом постоянно накапливавшихся изменений, он оценивал как проявление закона перехода количества в качество. Пытался он применить к лингвистике и другие теории, разработанные за ее пределами, в том чис-

ле концепцию исторического развития (историологии) видного историка Н.И.Кареева.

И под влиянием идей своего учителя, и под влиянием марксизма Евгений Дмитриевич отстаивал активный подход лингвиста к языку, тесную связь науки о языке с практикой; закономерным было его многолетнее участие в языковом строительстве. Он писал в книге “За марксистское языкознание”: “Лингвист... слагается: 1) из реального строителя (и эксперта в строительстве) современных языковых (и графических) культур, для чего требуется изучение языковой современной действительности, самодовлеющий интерес к ней и — скажу более — любовь к ней; 2) из языкового политика, владеющего (хоть и в ограниченных, пусть, размерах) прогнозом языкового будущего опять-таки в интересах утилитарного языкового строительства (одной из разновидностей “социальной инженерии” будущего); 3) из “общего лингвиста”, и в частности лингвистического историолога (здесь, в “общей лингвистике”, и лежит философское значение нашей науки); 4) из историка культуры и конкретных этнических культур” (Поливанов, 1960: 271). Особо здесь отметим специфический интерес бодуэновской школы к прогнозированию будущего развития языков. Последователи Ф. де Соссюра из этих четырех задач вторую и четвертую отбрасывали совсем, а две другие сужали, отрывая, в частности, “изучение языковой современной действительности” от решения практических задач.

В области фонологии Поливанов устойчиво сохранял подход, предложенный И.А.Бодуэном де Куртенэ, сохраняя, в частности, психологическое понимание фонемы, от которого в итоге отказался другой крупнейший представитель бодуэновской школы Л.В.Щерба. До конца жизни Евгений Дмитриевич сохранял термины “психофонетика” как синоним термина “фонология” и “звукопредставление”. Одной из наиболее известных за рубежом его работ стала статья, посвященная психологическому восприятию звуков чужого языка в связи с фонологической системой своего языка (Polivanov, 1931); русский вариант статьи включен в (Поливанов, 1968). Занимался он и вопросами структуры слога в языках разных типов.

Одной из оригинальных черт научного творчества Поливанова стал значительный интерес к изучению просодических явлений, прежде всего ударения и интонации. Начав с детального анализа японского ударения, он затем много занимался сопоставлением акцентуационных характеристик языков разного строя, заложив основы просодической ти-

пологии; особенно много об этом сказано в опубликованном томе “Введения в языкознание для востоковедных вузов” (Поливанов, 1928–1991).

Помимо синхронных исследований фонологии и акцентуации ученых много занимался вопросами исторической фонологии, прежде всего в связи с общей проблемой причин языковых изменений, исследовавшейся им преимущественно на фонологическом материале. Он указывал, что эти изменения происходят не в индивидуальной психической деятельности людей, а имеют коллективный характер. Однако он спорил с марристами, предлагавшими непосредственно объяснять всякие языковые изменения экономическими и политическими причинами. Он указывал, что такие причины влияют на изменения в языке лишь косвенно, влияя на “социальный субстрат” носителей того или иного языка, заставляя тех или иных людей менять язык, притом что на новый язык могут переноситься прежние привычки, а также способствуя или препятствуя языковым контактам. Основную же роль в языковом развитии играют внутриязыковые причины.

Среди этих причин Поливанов особо выделял (и тут следуя за И.А.Бодуэном де Куртене) “стремление уменьшить (сэкономить) расход трудовой энергии”; “это общая черта для всевозможнейших видов продуктивно-трудовой деятельности человечества” (Поливанов, 1968: 81). Однако “экономия трудовой энергии склонна осуществляться (и фактически осуществляется) именно лишь до тех пор, пока сокращение энергии не угрожает бесплодностью всего данного трудового процесса (т.е. недостижением той цели, для которой данный труд вообще предпринимается)” (Поливанов, 1968: 81). Если экономия превышает некоторый предел, мы уже не можем “быть услышанными и понятыми” (Поливанов, 1968: 82). То есть стремление говорящего к экономии произносительной (или письменной) работы ограничивается противоположным стремлением слушающего к максимальной разборчивости. Такая концепция повлияла, в частности, на Р.Якобсона и (видимо, через его посредство) стала основой известных идей Андре Мартине (1908–1999), проявившихся в его книге “Принцип экономии в фонетических изменениях”.

Другим вкладом Евгения Дмитриевича в диахроническую фонологию была теория конвергенций и дивергенций. Эта теория была им кратко изложена в статье (Поливанов, 1928) и более подробно в статье “Мутационные изменения в истории языка”, не изданной при жизни и включенной в посмертное издание (Поливанов, 1968). Здесь изменения фоно-

логических систем рассматриваются как дискретные (мутационные), этот процесс может приводить к разным результатам. Наряду с изменениями, влияющими лишь на качество отдельных фонем и не затрагивающими системы, могут происходить “изменения в самом составе фонологической системы, обуславливающие изменение числа элементов этой системы: 1) дивергенции, т.е. изменения, ведущие к увеличению числа элементов системы; 2) конвергенции, т.е. изменения, ведущие к уменьшению числа элементов системы... Наиболее крупными (по своим результатам) изменениями следует считать, разумеется, не процессы внутрифонемного порядка, а дивергенции и конвергенции” (Поливанов, 1968: 98–99). При этом именно конвергенции — “наиболее важный класс историко-фонетических изменений”, тогда как весьма часто “сопровождающие их дивергенции являются зависимыми от них” (Поливанов, 1968: 99).

Именно конвергенции являются результатом действия экономии трудовых процессов: они “есть не что иное, как неосознание (младшим поколением) того различия..., которое еще существовало (т.е. сознавалось) у старшего поколения” (Поливанов, 1968: 99). Ученый исследовал разнообразные примеры конвергенций в истории разных языков, более всего японского. Отметим, что во многих случаях у него речь идет об исторических процессах, не отразившихся в исторических памятниках и восстановленных методом внутренней реконструкции. Концепция развития фонологических систем через процессы конвергенций и сопровождающих их дивергенций также нашла развитие в лингвистике.

Помимо исследований общих процессов развития языков Поливанов много занимался и сравнительно-историческими исследованиями. Наряду с работами по индоевропеистике у него были и работы, посвященные выявлению родственных связей языков иных семей, в частности японского и корейского. Впервые им были отмечены сходства между японским языком и малайско-полинезийскими (в современной терминологии, австронезийскими). Корейский же язык он относил к алтайским.

И в области компаративистики Евгений Дмитриевич постоянное поднимал общетеоретические проблемы, высказывая нетрадиционные точки зрения по вопросам языкового родства. В развитие идей И.А.Бодуэна де Куртене он выдвинул положение о существовании гибридных по происхождению языков: “Японский язык гибридный по происхождению, амальгама южных, островных, австронезийских и, с другой стороны, западных континентальных, общих и корейскому (и другим восточноазиатским континентальным “алтайским языкам”) элементов”

(Поливанов, 1968: 151–152). Современная компаративистика, однако, как правило, не принимает такой подход: каждый язык относят лишь к одной семье. Японский же язык теперь относят к алтайской семье, хотя ряд древних австронезийских заимствований там существует (Старостин, 1991).

Нетривиальную точку зрения Поливанов выдвигал и в отношении связи языкового родства со структурными характеристиками языков. Здесь, разумеется, нет взаимно однозначного соответствия, однако “сходство в общей фонетико-морфологической характеристике (так называемом строе) языков уже может служить компасом для их генетического сближения” (Поливанов, 1968: 152). Впервые им также выдвинута идея о возможности построения сравнительной грамматики неродственных языков, естественно, не любых, а таких, где имеются массовые заимствования из одного в другой; он предлагал, в частности, построить сравнительную грамматику китайского языка и китайской подсистемы японского языка (Поливанов, 1928–1991: 51). И в исторических, и в компаративных исследованиях ученый широко пользовался двумя новыми для того времени методами: методом внутренней реконструкции и методом типологической верификации путем сопоставления с процессами, проходившими в истории других языков; оба метода сейчас широко используются.

Сравнительно мало среди сохранившихся трудов Евгения Дмитриевича тех, которые были бы посвящены вопросам теории грамматики. Однако в его грамматиках конкретных языков затрагиваются и общетеоретические проблемы, в том числе проблемы слова и частей речи. Поливанов стремился найти четкие критерии для членения текста на слова. В ранних работах он предлагал выделять слова на основе акцентуационных признаков (Поливанов, 1917: 64), позже он дополнял этот критерий критерием синтаксической самостоятельности (Плетнер, Поливанов, 1930: 144–146). Для японского языка он выделял части речи последовательно на основе морфологических критериев (Плетнер, Поливанов, 1930: XIX–XXII), однако в (Иванов, Поливанов, 1930) для лишнего словоизменения китайского языка предлагалось выделять части речи по синтаксическим критериям. К сожалению, грамматическая часть “Введения в языкознание для востоковедных вузов” до нас не дошла.

Евгений Дмитриевич также был одним из основателей изучения жестов, онематопэтических слов (“звуковых жестов”) и использования просодических характеристик для выражения эмоций. Этому была специально посвящена одна из ранних его статей (Поливанов, 1916), пере-

печатанная в (Поливанов, 1968); именно эта работа связывала его с ОПОЗом. Позже он писал: “Значение слов дополняется разнообразными видоизменениями звуковой стороны, куда входит главным образом мелодия голосового тона (а кроме нее, еще темп речи, различные степени силы звука, разные оттенки в звукопроизводных работах отдельных органов, например вялая или энергичная их деятельность и пр. и пр.), и, наконец, жестами. Не надо думать, что эти стороны речевого процесса есть нечто не подлежащее ведению лингвистики, т.е. науки о языке. Только, разумеется, рассмотрение этих фактов... составляет особый самостоятельный раздел лингвистики” (цит. по Ларцев, 1988: 22).

Большой вклад Евгений Дмитриевич внес и в изучение конкретных языков. Особенно надо отметить его грамматики китайского (Иванов, Поливанов, 1930) и японского (Плетнер, Поливанов, 1930) языков (первая фактически состоит из двух грамматик разных авторов под одной обложкой, вторая основана на единой концепции, разработанной Поливановым). Большой вклад он внес и в изучение узбекского языка (Поливанов, 1926; Поливанов, 1933). К сожалению, ряд грамматик Евгения Дмитриевича не был издан и до нас не дошел.

Наконец, важное значение имеют работы ученого по социальному функционированию языка. Он фактически стал одним из основоположников социолингвистики. Ряд его работ посвящен социальной дифференциации языка, см. особенно включенные в книгу “За марксистское языкознание” и перепечатанные в (Поливанов, 1968) работы “О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка” и “Фонетика интеллигентского языка”.

Важны и идеи ученого о теоретических основах языковой политики. Он писал: “Фонетику и морфологию декретировать нельзя..., ибо они усваиваются в таком возрасте, для которого не существует декретов” (Поливанов, 1927: 227). Однако возможны и необходимы сознательное конструирование письменности и до определенной степени лексики, а также рациональный выбор той или иной основы для формирования литературного языка. В собственно лингвистическом плане литературный язык и диалекты равноправны (он описывал в одном ряду японский литературный язык и диалекты), однако социально разновидности языка не равноправны: “Никогда, в борьбе за роль литературного диалекта, язык деревни или вообще экономически менее развитого коллектива не выходит победителем над языком города или вообще более развитого в экономическом отношении района” (Поливанов, 1928: 324). Также и кириллический алфавит сам по себе не хуже и не лучше латинского (Полива-

нов, 1928: 321–322), но латиница для языков народов СССР предпочтительнее по социальным причинам: она интернациональна и рассчитана на “сближение приемов графического общения в международном масштабе” (Поливанов, 1928: 315).

Оценивая изменения в русском языке после революции, Поливанов подчеркивал, что в самом языке не произошло никакой революции (как утверждали марристы), но произошло “крупнейшее изменение контингента носителей (т.е. социального субстрата) нашего стандартного (или так называемого литературного) общерусского языка.., бывшего до сих пор классовым или кастовым языком узкого круга интеллигенции.., а ныне становящегося языком широчайших — и в территориальном, и в классовом, и в национальном смысле — масс” (Поливанов, 1968: 189). В то же время он фиксировал и частные изменения: появление новой лексики, широкое использование аббревиатур.

Евгений Дмитриевич Поливанов был человеком исключительного таланта. Как отмечено в его показаниях на следствии, он владел 18 языками (Ашнин, Алпатов, 1997: 128). Ему ничего не стоило, например, переводить с листа Гёте с немецкого на узбекский (Ларцев, 1988: 24). Хорошо знавший его В.Б.Шкловский писал в 1984 г.: “Поливанов был обычным гениальным человеком. Самым обычным гениальным человеком” (Ларцев, 1988: 189). А ученый более позднего поколения, Михаил Викторович Панов (1920–2001), никогда не видевший Поливанова, писал: “Гениальный языковед, замечательный полиглот и филолог-энциклопедист” (Панов, 1967: 381). Но жизнь его была насильственно прервана столь рано, а очень многие его труды не дошли до нас; составленный Л.Р.Концевичем их список (Ларцев, 1988: 313–324) содержит более 200 названий.

Литература

- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Из следственного дела Е.Д.Поливанова // Восток. — М., 1997. — № 5. — С. 124-142.
- Иванов А.И., Поливанов Е.Д.* Грамматика современного китайского языка // Труды Московского института востоковедения им. Н.Нариманова. — М., 1930. — Т. 15. — 304 с.
- Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. — М., 1988. — 328 с.
- Панов М.В.* Русская фонетика. — М., 1967. — 436 с.

- Плетнер О.В., Поливанов Е.Д.* Грамматика японского разговорного языка // Труды Московского института востоковедения им. Н.Нариманова. — М., 1930. — 189, XXXV с.
- Поливанов Е.Д.* По поводу “звуковых жестов” японского языка // Сборники по теории поэтического языка. — Пг., 1916. — Вып. 1. — С. 31–41.
- Поливанов Е.Д.* Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. — Пг., 1917. — 113 с.
- Поливанов Е.Д.* Вокализм северо-восточных японских говоров // Докл. АН СССР, Сер. В.-Л., 1924. — С. 106–108.
- Поливанов Е.Д.* Краткая грамматика узбекского языка. —Ташкент, 1926. — 123 с.
- Поливанов Е.Д.* О литературном (стандартном) языке современности // Родной язык в школе. — М., 1927. — Кн. 1. — С. 225–235.
- Поливанов Е.Д.* Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР // Новый Восток. — Баку, 1928. — Кн. 23/24. — С. 314–330.
- Поливанов Е.Д.* Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса. 1. Оозор процессов, характерных для языкового развития в эпохи натурального хозяйства // Учен. зап. Ин-та яз. и лит. РАНИОН. — М., 1928. — Т. 3. — С. 20–42.
- Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. — Л., 1928. — VI, 220 с.; Перепечатано в книге: Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — 624 с.
- Поливанов Е.Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. — Ташкент, 1933. — 182 с.
- Поливанов Е.Д.* Историческое языкознание и языковая политика // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1960. — Ч. 2. — С. 263–278.
- Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. — М., 1968. — 376 с.
- Поливанов Е.Д.* Заключительное слово: Из стенограммы 25 февр. 1929 г. // Поливанов Е.Д. Труды по общему и восточному языкознанию. — М., 1991. — 624 с.
- Старостин С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М., 1991. — 399 с.
- Polivanov E.* La perception des sons d’une langue étrangère // Travaux du Cercle linguistique de Prague. — Prague, 1931. — 4. — P. 79–96.

Основные работы Е.Д.Поливанова

- Поливанов Е.Д.* Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. — Пг., 1917. — 113 с.
- Поливанов Е.Д.* О русской транскрипции японских слов // Труды японского отдела Императорского общества востоковедения. — Пг., 1917. — Вып. 1. — С. 15–36.

- Поливанов Е.Д.* Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. — Берлин, 1923. — 96 с.
- Поливанов Е.Д.* Введение в изучение узбекского языка: (Пособие для самообучения). — Ташкент, 1925. — Вып. 1. Краткий очерк узбекской грамматики. — 97 с.; Вып. 2. Тексты для чтения. — 132 с.
- Поливанов Е.Д.* Краткая грамматика узбекского языка. — Ташкент; М., 1926. — 132 с.
- Поливанов Е.Д.* Краткая фонетическая характеристика китайского языка (пекинского говора северно-мандаринского наречия). — М., 1927. — 25 с.
- Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов — Л., 1928. — VI, 220 с.
- Поливанов Е., Попов-Татива Н.* Пособие по китайской транскрипции. — М., 1928. — 92 с.
- Иванов А.И., Поливанов Е.Д.* Грамматика современного китайского языка // Труды Моск. ин-та им. Н.Нариманова — М., 1930. — Т. 15. — 304 с.
- Плетнер О.В., Поливанов Е.Д.* Грамматика японского разговорного языка // Труды Моск. ин-та им. Н.Нариманова. — М., 1930. — Т. 14. — 189, XXXV с.
- Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. — М., 1931. — 184 с.
- Поливанов Е.Д.* Историко-фонетический очерк японского консонантизма // Учен. зап. Ин-та яз. и лит. РАНИОН, Лингв. секция. — М., 1931. — Т. 4. — С. 147–188.
- Поливанов Е.Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. — Ташкент, 1933. — 182 с.
- Поливанов Е.Д.* Материалы по грамматике узбекского языка. — Ташкент, 1935. — Вып. 1. Введение. — 48 с.
- Поливанов Е.Д.* Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. — Ташкент; Самарканд, 1935. — Ч. 1. — 91 с. Изд. 2-е: — Ташкент, 1961. — 112 с.
- Поливанов Е.Д.* Дополнительные предложения к проекту дунганской орфографии. Музыкальное словоударение, или “тоны” дунганского языка. Фонологическая система ганьсуйского наречия дунганского языка: О трех принципах построения орфографии // Вопросы орфографии дунганского языка. — Фрунзе, 1937. — С. 25–71.
- Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. — М., 1968. — 376 с.
- Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов // Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — С. 9–235.
- Поливанов Е.Д.* Лекции по введению в языкознание и общей фонетике // Там же. — С. 238–270.
- Поливанов Е.Д.* Словарь лингвистических и литературоведческих терминов (1935–1937) // Там же. — С. 318–473.
- Из материалов “поливановской” дискуссии в Коммунистической академии, февр., 1929 г. // Там же. — С. 508–561.

Основные работы о Е.Д.Поливанове

- Алпатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. — М., 1988. — С. 35–66.
- Алпатов В.М.* История лингвистических учений. — М., 2001. — С.245–253.
- Апшин Ф.Д., Алпатов В.М.* Из следственного дела Е.Д.Поливанова // Восток. — М., 1997. — № 5. — С. 124–142.
- Иванов Вяч.Вс.* Лингвистические взгляды Е.Д.Поливанова // Вопр. Языкознания. — М., 1957. — № 3. — С. 55–76.
- Ларцев В.* Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. — М., 1988. — 328 с.
- Леонтьев А.А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. — М., 1983. — 74 с.
- Леонтьев А.А., Ройзензон Л.И., Хаютин А.Д.* Жизнь и деятельность Е.Д.Поливанова // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. — М., 1968. — С. 7–30.

В.А.Виноградов, С.Е.Никитина

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ РЕФОРМАТСКИЙ

Выдающийся советский лингвист Александр Александрович Реформатский [16 (28).11.1900, Москва — 3.5.1978, Москва], доктор филологических наук, профессор, принадлежит к числу ученых, внесших огромный вклад в развитие отечественного языкознания, — вклад, получивший мировое признание. Сфера его научных интересов была необычайно широка, но центральное место занимают фонология, проблемы общей теории языка и русистики.

Формирование А.А.Реформатского как ученого протекало в 20-е годы, но задатки, а может быть, и побудительные внешние условия к выбору пути ученого складывались гораздо раньше, ибо важнейшую роль в этом сыграло семейное окружение.

А.А.Реформатский родился в семье ученого. Его отец Александр Николаевич Реформатский был известным профессором-химиком, автором учебников, талантливым лектором, неутомимым организатором и пропагандистом науки, удостоенным звания заслуженного деятеля науки РСФСР. У отца было двое братьев, также избравших научное поприще: старший, Н.Н.Реформатский, стал авторитетным психиатром, был близок к Л.Н.Толстому; младший, С.Н.Реформатский — специалист в области органической химии, впоследствии член-корреспондент АН СССР. Таким образом, наука была как бы «семейным делом» Реформатских, атмосфера дома была пронизана почтением к науке и к людям науки, и это не могло не сказаться на формировании жизненных взглядов А.А.Реформатского. Еще одна линия духовного воздействия на ребенка шла от матери — Екатерины Адриановны (урожд. Головачевой). Женщина одаренная и пишущая, получившая гуманитарное образование и

преподававшая русский язык и литературу, мать стала источником эстетического воспитания сына.

После необходимого по тем временам домашнего образования под руководством опытных педагогов, в том числе родителей (русский, французский, немецкий, химия, физика, математика, антропология, анатомия, ручной труд — столярное дело, металлопластика, выжигание по дереву — и, конечно, музыка), А.А.Реформатский в 1910 г. поступает в гимназию (вначале — Е.П.Залесской, а после ее закрытия — в гимназию А.Е.Флерова).

В 1918 г., окончив гимназию, А.А.Реформатский поступает в Московский университет на историко-филологический факультет, где слушает лекции П.Н.Сакулина, Михаила Александровича Петровского, Михаила Николаевича Петерсона (1885–1962), Афанасия Матвеевича Селищева (1886–1942), Александра Матвеевича Пешковского (1878–1933); руководителем его дипломной (выпускной) работы был Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942). В 1923 г. А.А.Реформатский закончил университет и поступил в аспирантуру РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) к Д.Н.Ушакову, прослушал два семинара Густава Густавовича Шпета (1879–1937), но через год с небольшим вынужден был оставить учебу из-за необходимости содержать семью. С этого времени начинается его разнообразная трудовая деятельность, связанная в течение девяти лет главным образом с издательско-полиграфической сферой в различных учреждениях печати, а также в НИИ ОГИЗ'а в должности старшего научного сотрудника, где итогом его работы (1931–1933) стала книга, принесшая ему широкую известность — «Техническая редакция книги» (1933) — и ставшая важным шагом на пути его последующих семиотических разысканий.

Параллельно с издательской работой А.А.Реформатский поддерживает тесные связи с различными научными организациями — ГАХН (Государственная академия художественных наук) и особенно НИЯЗ (Научно-исследовательский институт языкознания), где работали А.М.Селищев, Николай Феофанович Яковлев (1892–1974), Лев Иванович Жирков (1885–1963), Алексей Михайлович Сухотин (1888–1942), Рубен Иванович Аванесов (1902–1982), Владимир Николаевич Сидоров (1903–1968), Петр Саввич Кузнецов (1899–1968). Трое последних стали для А.А. не только друзьями на всю жизнь, но и соратниками в разработке теории Московской фонологической школы.

В те же 30-е годы А.А.Реформатский принимал участие в деятельности ВЦК НА (Всесоюзный Центральный Комитет Нового алфавита), на заседаниях которого сотрудничал с Н.Ф.Яковлевым, Л.И.Жирковым, А.М.Сухотиным, Николаем Владимировичем Юшмановым (1896—1946), Константином Кузьмичом Юдахиным (1890—1975); в работе ВЦК НА принимали участие также Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938), Иван Иванович Мещанинов (1883—1967), Александр Николаевич Самойлович (1880—1938). В задачи этого научного центра входила не только разработка письменностей для народов СССР, но и составление описательных грамматик и словарей, выработка терминологии и другие вопросы, что в совокупности послужило серьезной практической базой для выработки теоретических основ языкознания нового времени.

С 1934 г. А.А.Реформатский полностью отдается преподавательской деятельности и лингвистической науке в Московском городском пединституте, где он проработал в общей сложности 20 лет на кафедре русского языка, время от времени совмещая эту работу с преподаванием в Институте философии, литературы и истории (ИФЛИ) — 1939—1940 гг., в Московском университете — 1942—1943 гг., во 2-м Московском пединституте иностранных языков — 1938—1941 гг., в 1-м Московском пединституте иностранных языков — 1942—1947 гг., в ГИТИСе — 1940—1942 гг., в Литературном институте — 1942—1951 гг. Свою преподавательскую деятельность А.А.Реформатский закончил в период 1954—1959 гг. в МГУ (где он одновременно заведовал фонетической лабораторией), после чего по службе он был связан только с Институтом языкознания АН СССР, в котором с 1958 по 1970 г. заведовал сектором структурной и прикладной лингвистики. В 1960 г. ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук *honoris causa*.

Преподавательская деятельность всегда была для А.А.Реформатского важнейшим и серьезнейшим делом, и студенты это чувствовали. О его лекциях шла молва по Москве, а иногородние ученики разносили славу о них по всей стране. Он стал легендарным лектором благодаря умению пленять слушателей отточенностью формулировки, логической ясностью аргументации, неизбежностью языка, неожиданностью ассоциаций, огромной общей эрудицией. Он был любимцем и грозой студентов, на его лекции шли, как в театр, — настолько блистательно, артистично умел он излагать самые трудные вопросы, настолько насыщены были его лекции сведениями из областей, на первый взгляд далеких от лингвистики, но так много дающих общему культурному развитию студента — зато на экзамен к нему шли, замирая от ужаса, ибо был

он столь же беспристрастен и дотошен, сколько демократичен, столь же строг, сколько справедлив. Безусловно, не последнюю роль играл в успехе лекций его природный артистизм, отшлифованный в молодые годы занятиями в студии В.Э.Мейерхольда и бесконечными хождениями по обожаемому театрам.

Из многолетних лекций родилась уникальная книга — «Введение в языковедение» (1947), и неудивительно, что учебник прославленного лектора был нарасхват и популярность его не уменьшалась, а скорее возрастала в результате разнузданной «критики», развернувшейся после выхода книги. Это было в духе того времени, в ход шли привычные ярлыки — «политическая неграмотность», «низкопоклонство перед реакционной буржуазной наукой», «сознательная фальсификация» и т. п. В те годы подобная травля легко могла поставить точку не только в научной карьере, но и в самой жизни человека. К счастью, времена меняются, беда обошла и учебник, и его автора.

Педагогическая значимость этой книги состояла в том, что она являла собой первый учебник нового типа, содержавший современное изложение одного из важнейших филологических курсов и полностью соответствующий нормативной программе. Но это было не то новое слово, которое строится на отрицании предшествующей традиции; для А.А.Реформатского преемственность развития научной мысли была не риторической абстракцией, а живо ощущавшейся им духовной связанностью ученых разных поколений.

А затем последовали еще три издания (1955, 1960, 1967), объем книги увеличивался, и в последнем издании она уже втрое превосходила учебник 1947 г. По учебнику Реформатского учились несколько поколений филологов, многие среди них сами стали известными учеными. Вышедшее в 1967 г. четвертое издание «Введения в языковедение» стало самым полным и последовательным изложением основ лингвистических знаний, поистине образцовым в этом жанре научно-учебных изданий. И на всех вариантах учебника лежит яркий отпечаток личности автора — глубокого ученого и мастера научной прозы.

Именно то обстоятельство, что книга написана не просто блистательным педагогом, но одним из виднейших отечественных языковедов, сразу сделало ее чем-то большим, чем просто учебником для начинающих филологов. К ней часто и охотно обращались вполне зрелые ученые разных лингвистических (и не только) специальностей, когда им требовалась ссылка на авторитетное мнение общего языковеда, особенно в

области фонологии, в развитии которой А.А.Реформатский сыграл выдающуюся роль.

Путь А.А.Реформатского к лингвистике и, в частности, к фонологии не был прямым. Его первое глубокое научное пристрастие проявилось в студенческие годы — это была поэтика, в те годы, несомненно, привлекавшая наибольшее внимание талантливой филологической молодежи и знаменовавшая собой поиск новых путей в художественном творчестве и в науке о нем. Из этих поисков выросла так называемая «русская формальная школа» в литературоведении, сыгравшая важную роль в развитии мировой семиотики и структурной поэтики. А в те годы в центре «вордворота поэтики» стоял ОПОЯЗ (Общество изучения теории поэтического языка), созданный в 1916 г. в Петербурге, а в 1920 г. — стараниями О.М.Брика и в Москве, где уже существовал (с 1915 г.) Московский лингвистический кружок (МЛК), круг исследований которого включал также вопросы поэтики. Вначале А.А.Реформатский сблизился с ОПОЯЗ'ом, и произошло это на драматических курсах при Первом театре РСФСР (организованном В.Э.Мейерхольдом), куда А.А.Реформатский поступил (тайком от домашних!) в начале 1920 г. Он уже давно следил за работами «формалистов», и когда на курсах он столкнулся с читавшими там лекции О.М.Бриком, Романом Осиповичем Якобсоном (1896—1982), Виктором Борисовичем Шкловским (1895—1984), его интерес к поэтике еще больше окреп, чему способствовало и установление личных отношений с О.М.Бриком, вовлекшим А.А.Реформатского в деятельность только что созданного ОПОЯЗ'а, а знакомство с Якобсоном и Шкловским положило начало добрым приятельским отношениям с ними, продолжавшимся всю его жизнь.

Новый учебный год, начавшийся осенью 1920 г., был переломным в судьбе А.А.Реформатского: с этого года надо вести отчет его научной биографии. Он целиком захвачен поэтикой. За стенами университета удовлетворение и одновременно подогревание этого интереса он находит на заседаниях ОПОЯЗ'а. В университетской среде горячо участвует в работе литературоведческого семинара, руководимого П.Н.Сакулиным («Сакулинский кружок»). Именно здесь в ноябре 1921 г. А.А.Реформатский прочел свой первый научный доклад — о композиции романа Достоевского «Игрок» (впервые опубликовано в Reformatskij, 1988).

Сакулинский кружок был полезной школой лекторского мастерства и научной дискуссии, но гораздо больше дал А.А.Реформатскому семинар М.А.Петровского по анализу новеллы Мопассана, который он

стал посещать в 1921/22 уч. году. Идеи по теории поэтики, высказанные Петровским (Петровский, 1922), были особенно близки А.А.Реформатскому, и он по совету Петровского взялся за анализ композиции новеллы «Un coq chanta» («Петух пропел»), одновременно размышляя в русле идей учителя над общими проблемами морфологии новеллы. Эти размышления вылились в теоретический доклад, оглашенный на Сакулинском семинаре, а конкретный анализ указанной новеллы был доложен на семинаре Петровского и в ОПОЯЗ'е. При содействии О.М.Брика оба доклада, объединенные названием «Опыт анализа новеллистической композиции», были изданы в виде брошюры как первая публикация Московского ОПОЯЗ'а (Реформатский, 1922). Это была и для самого А.А.Реформатского первая печатная работа, он ею дорожил и на склоне лет, имея за плечами уже многие десятки серьезных трудов.

Небольшая работа 22-летнего студента оказалась одной из вех в развитии русской формальной поэтики, соединяя в себе идеи нового подхода к композиции как к динамической целостности с определенными реминисценциями из поэтики Александра Афанасьевича Потебни (1835—1891) и Александра Николаевича Веселовского (1828—1906). Автор пытается дать строгое определение основных элементов композиционной структуры, последовательно разграничивая тему как простейшую статическую единицу сюжетосложения и мотив как простейшую динамическую единицу, соединение которых дает сюжетные темы. Для определения последних важно учитывать иерархию персонажей: а) персонажи-темы, б) служебные персонажи, двигающие сценарий, в) средние персонажи — и темы, и служебные одновременно, и группировку тем и мотивов: а) отношение сопутствующее или параллельное, частный вид — ступенчатое, б) контрастирующее отношение. В целом анализ художественного произведения складывался из двух этапов: 1) систематическое описание структуры в указанных выше терминах; 2) функциональное исследование: «Вся установленная структура может квалифицироваться телеологически, когда компоненты расцениваются по их функциональной значимости, относительно некоего ядра, развернутого в данное построение» (Реформатский, 1922: 9).

В этой работе в достаточной мере проявился принцип научного мышления А.А.Реформатского: видеть целое как систему функционально значимых элементов и отдельные элементы системы в их иерархической, структурной взаимосвязи. Наметился здесь и другой характерный для него принцип — вскрывать сходное в различном, стремиться к целостному интегративному подходу, применимому к явлениям разного порядка и

разной природы. А это есть не что иное, как семиотический подход, и не случайно данная работа А.А.Реформатского отмечается среди трудов, подготовивших становление современной семиотики (Степанов, 1983: 12–13). В этом этюде стремление к интегративности проявилось в семиологических параллелях, к которым А.А.Реформатский охотно прибегал и в последующих трудах. В данном случае для сравнения привлекаются его излюбленные шахматы и музыка. Поясняя суть основных понятий, используемых в работе, А.А.Реформатский приводит следующую аналогию из области шахмат: фигуры — темы, функции фигур (например, ход коня) — мотив; игра (например, какой-нибудь гамбит) — сюжетная тема; игра, развернутая в партию, — сюжет. А общая характеристика сюжетных тем новеллы дается под знаком музыкальной аналогии: «Конституция новеллы во многих отношениях близка конструкции сонатной формы. Тематически для сонаты каноничны две темы (главная и побочная), иногда эта схема усложняется введением третьей, четвертой темы. Для новеллы также канонично двучленное строение тематики, при этом — в самой разнообразной мотивировке» (Реформатский, 1922: 7). Спустя полвека эта работа появилась по-английски в томе, посвященном русскому формализму, где имя А.А.Реформатского стоит в ряду с такими именами, как В.Б.Шкловский, Б.М.Эйхенбаум, Ю.Н.Тынянов, Р.О.Якобсон (Reformatsky, 1972).

К началу 30-х годов центр филологической мысли Москвы переместился в ГАХН, вытеснивший и ОПОЯЗ, и МЛК (Московский лингвистический кружок, который А.А.Реформатский в студенческие годы также часто посещал и который заронил в нем интерес к лингвистике). И теперь А.А.Реформатский частый участник заседаний Секции теоретической поэтики ГАХН, которой заведовал М.А.Петровский. Здесь в 1928 г. А.А.Реформатский прочел два доклада: «Структура сюжета у Толстого» и «Стих и синтагма». Первый представлял собой резюме обширной работы, подготовленной в 100-летию Л.Толстого в планируемый сборник, который так и не вышел (полный текст этой работы см. Реформатский, 1987). Второй доклад (подготовленный совместно с С.М.Бонди) отражает уже новые умонастроения автора, он был стимулирован последними лингвистическими трудами, прежде всего «Повторительным курсом русского языка» Сергея Осиповича Карцевского (1884–1955), вышедшим в 1928 г.

После этого А.А.Реформатский целиком переключается на занятия лингвистикой, но вначале он создает труд, значительно опередивший свое время (Реформатский, 1933). В нем, говоря словами самого

А.А.Реформатского, он «подытоживает теоретически свой редакционно-издательский опыт в соединении с семиотическими возможностями графики» (из неопубликованных воспоминаний). Центральной темой книги является разработанная А.А.Реформатским теория «графических защит», а внешний толчок к созданию этой теории пришел из страстно любимых им шахмат.

На размышления о теории защит его натолкнули некоторые рекомендации известного шахматиста А.И.Нимцовича относительно стратегии позиционной игры. Нимцович впервые ввел в шахматную теорию принцип избыточной защиты, а под пером Реформатского понятие избыточной защиты обрело новое, более емкое содержание, и хотя внешне оно оправлено полиграфическим контекстом, его общесемиотическое звучание несомненно, особенно сейчас, когда мы уже столько знаем о семиотике и об избыточности семиотических систем, среди которых первым должен быть упомянут человеческий язык (перепечатку теоретических глав этой книги см. Реформатский, 1987).

С момента опубликования указанной книги начинается новый собственно лингвистический — этап в творчестве А.А.Реформатского. Ядром его научной концепции было учение Ф.Ф.Фортунатова, которое он воспринял от учеников основателя Московской лингвистической школы — Д.Н.Ушакова и М.Н.Петерсона. Сквозь это ядро, сквозь опыт, обретенный разысканиями в области поэтики, сквозь плодотворные идеи Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (1845—1929) предстояло оценить то важное и новое, что пришло из Европы: прежде всего нужно было осмыслить место и значение фундаментального лингвистического труда XX в. — «Курса общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра (1857—1913), чьи идеи были созвучны теоретическим и методологическим поискам московских и петербургских лингвистов младшего поколения.

Обратившись к лингвистике, А.А.Реформатский полностью отошел от поэтики и больше к ней никогда не возвращался, и дело здесь отнюдь не в охлаждении, разочаровании — просто он нашел область, захватившую его столь же властно, как прежде поэтика: этой областью стала фонология, в ней он нашел удовлетворение своему интересу к изучению структур, обостренному поэтикой, в ней и через нее он мог углублять свои семиотические идеи, навеянные полиграфической проблематикой, наконец, фонология для него стала ключом к решению вопросов более широкого порядка, касающихся разных сторон языка как динамичной системы.

Увлечение фонологией не было случайностью, «фонологизм» носился в воздухе. Уже давно существовала концепция фонемы И.А.Бодуэна де Куртенэ, уже давно была написана магистерская диссертация Л.В.Щербы, где развивалась теория фонем (Щерба 1912). В Европе расцветала фонология Пражского лингвистического кружка, появлялись работы Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938), Р.О.Якобсона, С.О.Карцевского; в полный голос заявила о себе американская фонология. Но главное, что толкало к немедленной разработке фонологической теории, — это насущные практические задачи языкового строительства, развернувшегося в советских республиках, задачи совершенствования русской орфографии, задачи разработки унифицированной фонетической транскрипции (УФТ). Еще в 1929–1931 гг. при НИИ ОГИЗа работала комиссия по УФТ под председательством А.А.Реформатского и при участии М.Н.Петерсона, Р.И.Аванесова, Г.О.Винокура (1896–1947) и др. В те же годы шла деятельная подготовка к Всероссийскому орфографическому съезду (1931), в связи с чем в НИЯЗе работала комиссия по разработке предложений о реформе русской орфографии (А.А.Реформатский, А.М.Сухотин, В.Н.Сидоров).

Именно на пересечении трех линий — традиции, идущей от Казанской школы, поисков решений прикладных задач (среди них важное место принадлежит вопросам обучения языку) и критического освоения (а в известной мере — и преодоления) теорий зарубежной фонологии — складывалась Московская фонологическая школа, одним из основателей которой был А.А.Реформатский. Если окинуть взглядом его работы, связанные с фонологией, мы заметим, что все они отражают понимание неразрывного единства теоретических и практических проблем, и в самой небольшой «прикладной» статье по «мелкому» вопросу автор остается теоретиком-фонологом, а в самой «теоретической» работе он видит практический фон развиваемой теории. И еще одно можно заметить: почти во всех своих работах А.А.Реформатский словно ведет диспут с незримыми оппонентами — то ли с теоретиками дескриптивной фонологии, то ли с пражцами и ленинградцами, то ли, наконец, с Гарвардской дихотомической фонологией в лице Р.Якобсона и М.Халле.

Согласно тонкому замечанию М.В.Панова, «трудности создания теории Московской фонологической школы были в первую очередь трудностями размежевания синтагматики и парадигматики» (Панов. 1967: 408). Решение этой задачи московские фонологи видели в разработке понятия позиции. Именно это отличает теорию МФШ от всех прочих школ, понятие позиции становится ключом к решению централь-

ной проблемы всякого фонологического исследования — к фонемной идентификации. Все основатели МФШ были воспитанниками Московского университета, а большинство из них — прямыми учениками Д.Н.Ушакова, ученика и последователя Филиппа Федоровича Фортунатова (1848—1914), чьи традиции хранила филологическая среда университета. Фортунатовская идея о примате грамматики (и прежде всего морфологии) нашла отражение в теории МФШ, соединившись с идеей Бодуэна де Куртенэ о фонеме как компоненте морфемы. Проблема тождества фонемы получает решение на базе теории позиции и формулируется под знаком морфемного тождества: фонемой признается единица, реализующаяся в виде ряда позиционно чередующихся звуков и в пределах одной и той же морфемы (точнее сказать — морфа). Тем самым был сделан смелый шаг, уводящий от «автономной фонологии» как фонетически (физически) обусловленной теории звукового строя. Фонология превратилась в глубоко функциональную дисциплину, но не в «функциональную фонетику» в буквальном смысле этого выражения, как у Мартине (ср. само название его работы: *Martinet 1949*), а в часть функциональной теории языка, трактующей иерархически уровневую структуру языка, в которой каждый нижележащий уровень функционально подчинен следующему более высокому. Тема уровневого строения языка была одной из любимых у А.А.Реформатского, и именно ему принадлежит формулировка принципа последовательного сцепления иерархически соотнесенных уровней, только он предпочитал пользоваться в этом случае термином «ярус».

Становление и развитие МФШ на фоне ее разногласий с ЛФШ — Ленинградской фонологической школой Л.В.Щербы — нашло отражение в обширном очерке А.А.Реформатского (1970). Но он был не только историографом школы, ему принадлежит разработка по крайней мере двух важных моментов в концепции МФШ — теории признаков и теории позиций. Первой его работой в области теории фонологии стала большая статья, написанная в 1938 г. и опубликованная в 1941 — «Проблема фонемы в американской лингвистике» (перепечатку см. Реформатский 1970). Здесь находим ясную формулировку трех определяющих для концепции МФШ положений: 1) содержание понятия «фонема»; 2) понятие различительного признака с разграничением дифференциальных и интегральных признаков; 3) понятие сильных и слабых позиций. Здесь же высказано глубокое положение о том, что «позиции существуют не в отношении фонем, а в отношении дифференциалов, объединяющих группы фонем (для группы звонких, для группы глухих и т. п.); так как каждая

фонема имеет в своем составе несколько дифференциалов, то данная позиция может быть в отношении одних сильной, в отношении других — слабой». Из этой мысли явствует, что понятием, симметричным понятию позиции, но соотношенным непосредственно с фонемами, есть понятие оппозиции. Иными словами, терминами фонологических оппозиций являются не признаки, как полагали позже гарвардские фонологи, а фонемы; признаки же являются терминами позиционных контрастов.

В том же томе «Ученых записок» Московского городского пединститута, где была статья «Проблема фонемы в американской лингвистике», вышла также принципиально важная для теории МФШ статья П.С.Кузнецова (Кузнецов 1941), в которой, наряду с обсуждением вопроса о сильных и слабых позициях, определяются два типа позиционных модификаций фонемы — варианты и вариации; спустя четыре года эти понятия, специфические для МФШ, найдут более развернутое толкование в книге Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова (1945). Но окончательное обоснование эти понятия получили лишь после уточнений А.А.Реформатского, давшего определение двух типов позиций; это было сделано в книге, которую он сам считает лучшим, что вышло из-под его пера, в книге, над которой он работал, в сущности, всю свою «лингвистическую жизнь» — «Введение в языковедение» (Реформатский, 1967).

А.А.Реформатский предпринял также попытку последовательного изложения целостной концепции МФШ в своем очерке истории отечественной фонологии в виде специального раздела — «Основные положения МФШ» (Реформатский, 1970: 114–120), где в тезисной форме сведены все теоретические положения в их внутренней взаимосвязанности. К теории позиций он возвращался и позже, о чем свидетельствуют публикации последующих лет.

Отличительной чертой научного творчества А.А.Реформатского была его постоянная двунаправленность — на общетеоретические аспекты проблемы и на конкретные прикладные аспекты. Это ярко проявилось в его фонологических трудах, среди которых есть серия статей, образующих лингвистическую основу преподавания русского языка нерусским (Реформатский, 1959а; 1961а; 1961б; 1962). Со свойственным ему вниманием к мельчайшим языковым фактам А.А.Реформатский наглядно показывает источники фонетических ошибок в русской речи нерусских и пути устранения этих ошибок. Из других прикладных проблем, которым он придавал большое значение, можно упомянуть транслитерацию иноязычных собственных имен и вопросы орфографии (последней

он занимался и непосредственно как член орфографической комиссии АН СССР в 1962–1964 гг.).

Особняком, казалось бы, стоит в его творчестве работа «Речь и музыка в пении» (Реформатский, 1955), но тема этой статьи, редкостная для страниц лингвистических изданий, была естественна, органична для А.А.Реформатского. Упоение оперой в юношеские годы и занятия музыкой дали свои неожиданные плоды спустя 40 лет, причем эта работа не единственная, были и другие публикации по вопросам сценической речи, речи дикторов радио — Реформатский никогда не оставался равнодушным к проблеме чистоты языка, художественной выразительности речи. В упомянутой статье А.А.Реформатский определяет различия между словом спетым и сказанным: «Между строением словесно-языковых и музыкальных “отрезков” нет прямого параллелизма, хотя и те, и другие линейны, протекают во времени, членятся последовательно на фразы, такты, звуки, и в тех, и в других отрезках имеются сильные и слабые “доли”, расставлены “дикты”, могут возникать синкопы и пр. и пр. Все это “общее” — почти омонимично (фразы, такты, звуки и т.д.), и между словесно-языковой и музыкальной “линиями” больше противоречий, и притом принципиальных, чем совпадений» (Реформатский 1955: 173). И здесь, отмечает А.А.Реформатский, композитору можно идти двумя путями: или принять противоречие как неизбежное и необходимое (стиль бельканто, особенно в колоратуре, где несовпадение слова и музыки гипертрофировано), а можно пойти путем примирения этих двух линий, что отчетливо выражено у Даргомыжского и Мусоргского.

Вопросы общей и русской фонологии, смежные прикладные вопросы, хотя в целом занимают основное место в научном творчестве А.А.Реформатского, отнюдь не исчерпывают всего тематического диапазона этого ученого. Чтобы строить серьезную фонологическую теорию, необходимо глубокое и всестороннее понимание языка вообще как целостной знаковой системы с ее специфическими структурными характеристиками. Этой общелингвистической проблематике А.А.Реформатский всегда уделял огромное внимание. В своем понимании системы языка как «горизонтального» феномена, как совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих элементов языка в пределах каждого яруса (уровня), а структуры — как «вертикального», пронизывающего весь язык иерархического межуровневого взаимоотношения языковых единиц, обеспечивающего единство всей системы, — в такой трактовке этих фундаментальных понятий лингвистики отразились идеи Г. Г.Шпета о структуре слова, ср. такое его положение: «Под структурой слова разу-

меется не морфологическое, синтаксическое или стилистическое построение, вообще не “плоскостное” его расположение, а, напротив, органическое, вглубь» (Шпет, 1923: 11) (Шпет говорил, конечно, не о слове как единице традиционной грамматики, а о Слове как интеллектуально и эстетически воздействующем феномене.)

Свое понимание системы и структуры А.А.Реформатский развивал во всех трудах и специально остановился на нем в работе о принципах синхронного описания языка, где эта идея соединяется с фортуатовским пониманием строя языка и с семиотическим подходом к его описанию. Он принадлежал к тем ученым, которые ратовали за последовательное разграничение синхронии и диахронии в исследовательской процедуре, протестуя против «гибридного» подхода. Но при этом синхрония вовсе не отождествлялась с ахронией, с отсутствием лингвистического времени; речь шла лишь о том, что «при лингвистическом анализе момент времени в ней приводится с нулевым показателем», синхрония же как таковая есть разновидность «хронии» и всегда «исторична, исторически реальна и идиоматична данному индивидуальному языку для данного места и времени» (Реформатский, 1960: 38).

А.А.Реформатский любил подчеркивать идиоматичность каждого языка, его привлекало изучение неповторимости любой языковой системы, поэтому он остался в стороне от «универсологического бума» 60–70-х годов. Поиски языковых универсалий он считал побочной задачей, решение которой необходимо прежде всего для оттенения индивидуальных характеристик данного языка. Но такая позиция вовсе не означала отказа от выяснения общих закономерностей в строении языков. Многие его работы отчетливо типологичны и по постановке проблемы, и по подходу к ее решению; это заметно, конечно, в его фонологических штудиях, но не менее ярко проступает и в трудах, посвященных грамматическим проблемам. В этом убеждают, в частности, статьи о статусе категории числа в языке (под грамматическим углом зрения) и о типологических тенденциях в морфологическом строении слова (противоборство и совмещение агглютинации и фузии) под углом зрения морфемной членимости слов.

Изучая системность языка во всех ее проявлениях, стремясь понять специфику структурирования каждой системы, А.А.Реформатский естественно и органично переходил от языка как *langue* (в сосюрловском смысле) к изменчивым, трудно уловимым явлениям живой речи, от фонологии к лексике, традиционно считающейся едва ли не противоположностью стройной, обозримой фонологической системе — ведь в лингвистике довольно долго бытовало мнение о хаотичности лексического яруса

языка, о невозможности установления для него столь же четких структур, как в фонологии и грамматике. Реформатский же, убежденный в сквозной системности языка, искал ее и в лексикологическом материале — и находил, и писал о лексических явлениях, используя некоторые категории фонологического метаязыка (Реформатский, 1972). К этому кругу исследований примыкают и его глубокие труды по теории ономастики и терминологии.

В частности, до сих пор сохраняют фундаментальность две его работы, посвященные теоретическим аспектам терминологии (Реформатский, 1959б; 1967). А.А.Реформаторский предложил свою концепцию термина — «слуги двух хозяев»: системы лексики и системы научных понятий, — выделив соответственно два его лика: лексис и логос. Классическим образцом такого подхода стал его анализ термина «речь» в концептуальных полях разных наук, позволивший указать на такие свойства идеального термина-«логоса», как парадигматичность (независимость от контекста), тенденция к моносемичности, отсутствие экспрессивной окраски, стилистическая нейтральность, системность.

Выработанный А.А.Реформатским взгляд на язык как на особого рода знаковую систему с определенными структурными характеристиками, владение четкими общелингвистическими принципами, стремление исследовать объект науки в плане «синтеза через анализ» — все это позволяло ему ставить более широкие вопросы семиологического подхода к разнообразным системам, сравнивая, например, различные виды коммуникативных систем с точки зрения их взаимных трансформаций или выясняя природу такой своеобразной семиотической системы, как географическая карта. В подобных экскурсах в смежные области семиологии, в частности, в статье «Семиотика географической карты» (Реформатский, 1964), где карта рассматривается как особая разновидность печатного текста, мы находим реминисценции его давних увлечений «семиотико-полиграфической» проблематикой. В этой статье вновь всплывает понятие избыточной защиты, но уже применительно к «тексту» карты, который, по тонкому определению автора, строится на принципе simultанности в организации его плана выражения, в отличие от обычного печатного текста, где господствует принцип сукцессивности, а факты нелинейного прочтения относятся к периферии, встречаясь лишь в специальных текстах (например, в математических формулах).

А.А.Реформатский выработал не только свой собственный взгляд на язык, но и свой собственный научный почерк. Его работы могут исследоваться также в аспекте стилистики научной прозы, он мастерски

владел разными стилями устной и письменной речи и тонко чувствовал особенности жанра. Читатель не сможет не заметить богатства выразительных приемов, композиционного изящества, прозрачности слога, что так свойственно лингвистической прозе Реформатского. В этом, несомненно, сказывается общая художественная одаренность, его утонченный вкус к слову, к образу, привитый ему еще в детстве и им самим изощренный долгими годами чтения, размышления, созерцания. Его языковой вкус проявлялся и в тонком понимании своеобразия устной и письменной речи, поэтому его лекции никогда не были чтением, а его устные рассказы достойны особого изучения. И не случайно при разработке темы «Язык и личность» в Институте русского языка РАН (АН СССР) в качестве объекта для первого опыта описания языковой личности была избрана речь А.А.Реформатского. Посвященный этому раздел предваряется в качестве эпиграфа знаменательными словами А.А.Ахматовой, знавшей А.А.Реформатского: «А ведь так, как говорит Реформатский, не говорит уже больше никто» (Опыт описания... 1989: 149).

А.А.Реформатский был не просто ученым крупного масштаба, он являл собой ячейку русской культуры. Из жизней таких людей, как он, складывается культурная история Москвы, страны. И, наверное, именно это качество в наибольшей степени влекло к нему людей. Его беседы с учениками, с коллегами поражали полифонией и глубиной ассоциаций, к тому же он был мастером устного рассказа, и его устное творчество тоже было фактом науки и культуры. Учил ли Реформатский своих учеников лингвистике? Конечно. Но при этом он никогда не был сухим ментором, довольствующимся разжевыванием азов науки. Гораздо больше его заботило (особенно в работе с аспирантами, которых у него за многие годы были десятки), чтобы его ученик усвоил культуру научной работы; его заботило сохранение преемственности в науке, он воспитывал в учениках глубокое почтение к духовному наследию прошлого. Школа Реформатского была прежде всего школой научной этики, и он сам был замечательным образцом ученого-интеллекта.

Литература

- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. Ч.1. Фонетика и морфология. — М., 1945. — 236 с.
- Кузнецов П.С.* К вопросу о фонематической системе современного французского языка // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та. каф. рус. яз. — М., 1941. — Т. 5, вып. 1. — С. 140–174.

- Панов М.В.* Русская фонетика. — М., 1967. — 436 с.
- Петровский М.А.* Композиция новеллы у Мопассана // Начала. — Пг., 1922. — № 1. — с. 106–127.
- Реформатский А.А.* Опыт анализа новеллистической композиции: Московский кружок “ОПОЯЗ”. — М., 1922. — 20 с.
- Реформатский А.А.* Техническая редакция книги. — М., 1933. — 414 с. [При участии М.М.Каушанского].
- Реформатский А.А.* Речь и музыка в пении // Вопросы культуры речи. — М., 1955. — Вып.1. — С. 172–199.
- Реформатский А.А.* Обучение произношению и фонология // НДВШ. Филол. Науки. — М., 1959 [а]. — № 2. — С. 145–156.
- Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология. — М., 1959 [б] — 4 с. (Перепеч. в: Вопросы терминологии (материалы Всесоюзного терминологического совещания). — М., 1961. — С. 46–54).
- Реформатский А.А.* Принципы синхронного описания языка // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. — М., 1960. — С. 22–38.
- Реформатский А.А.* О некоторых трудностях обучения произношению // Русский яз. для студентов-иностранцев. — М., 1961 [а]. — С.5–12.
- Реформатский А. А.* Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Рус. яз. в нац. шк. — М., 1961 [б]. — № 6. — С. 67–71.
- Реформатский А. А.* О сопоставительном методе // Рус. яз. в нац. шк. — М., 1962. — № 5. — С. 23–33..
- Реформатский А. А.* Семиотика географической карты // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. — М., 1964. — С. 45–58.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. Изд. 4-е, испр. и доп. — М., 1967. — 542 с.
- Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. — М., 1970.— 525с.
- Реформатский А. А.* Лексические мерисмы и семантическая редукция // Проблемы структурной лингвистики 1972. — М., 1973. — С. 268–278.
- Реформатский А. А.* Лингвистика и поэтика. — М., 1987. — 262 с.
- Степанов Ю. С.* В мире семиотики // Семиотика. — М., -1983. — С. 5–42.
- Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты. Пг., 1923. Вып.2. — С. 7–117.
- Щерба Л.В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. — СПб., 1912. — 155 с.
- Martinet A.* Phonology as functional phonetics. — L., 1949. — 140 p.
- Reformatsky A.A.* An essay on the analysis of the composition of the novel // 20th century studies: Rus. formalism. — Canterbury, 1972. - Dec. 7/8:— P. 85–101..
- Reformatskij A.* Selected writings: philology, linguistics, semiotics. — Moscow, 1988. — 406 p.

Основные работы А.А.Реформатского

- Реформатский А. А.* Опыт анализа новеллистической композиции: Моск. кружок “ОПОЯЗ”. — М., 1922. — 20 с.
- Реформатский А. А.* Техническая редакция книги. — М., 1933. — 414 с. (При участии М.М.Каушанского).
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. — М., 1947. — 176 с.
- Реформатский А. А.* О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. — М., 1955.—. 92—112.
- Реформатский А. А.* Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке // Докл. и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. — М., 1955. — Т. 8. — С. 3—23.
- Реформатский А. А.* Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. — М., 1961. — С. 106—122.
- Реформатский А. А.* Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков. — М., Л., 1965. — С. 64—92.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение: Изд. 4-е, испр. и доп. — М., 1967. — 542 с.
- Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. — М., 1970. — 525 с.
- Реформатский А.А.* Фонологические этюды. — М., 1975. — 133 с.
- Реформатский А.А.* Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. — М., 1979. — 101 с.
- Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика. — М., 1987. — 262 с.
- Reformatskij A.A.* Zur Stellung der Onomastik innerhalb der Linguistik // Sowjetische Namenforschung. — В., 1975. — S. 11—32.
- Reformatskij A.* Selected writings: philology, linguistics, semiotics. — Moscow, 1988. — 406 p.

Основные работы об А.А.Реформатском

- Аванесов Р.И., Панов М.В.* Александр Александрович Реформатский // Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А.А.Реформатского. — М., 1971. — С. 5—17.
- Виноградов В.А.* Александр Александрович Реформатский (1900—1978) // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. — М., 1987. — С. 3—19.
- Ильина Н.* Реформатский // *Ильина Н.* Дороги и судьбы. — М., 1988. — С. 507— 591.
- Йот Н. (Еськова Н.А.).* Вспоминая Учителя // Русский язык. Еженедельное прилож. к газ. “Первое сентября”. № 39, окт. 2000. — С. 1—2, 16.
- Крысин Л. П.* А.А.Реформатский. К 100-летию со дня рождения // Рус. Речь. — М., 2000. — № 5. — С. 62—65.

- Мельчук И. А.* Памяти Александра Александровича Реформатского // *Russ. linguistics.* — Dordrecht., 1980. — Vol. 4. — № 4. — P. 341–361.
- Семиотика. Лингвистика. Поэтика: К 100-летию А.А.Реформатского. — М., 2002 (Раздел “Вокруг Реформатского. Воспоминания. Архив”). (В печати).
- Фрумкина Р.М.* Мой учитель — А.А.Реформатский // *Знание — сила.* — М., 1987. — № 7. — С. 78–82.

Л.Д.Захарова

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ СЕЛИЩЕВ

Афанасий Матвеевич Селищев (11.1.1886–6.12.1942), известный русский языковед, специалист в области изучения славянских языков, русского языка и русской диалектологии, педагог; автор множества работ, научных статей, учебников высшей школы.

А.М.Селищев родился в селе Волосово Ливенского уезда Орловской области. Учился в Ливенском реальном училище, затем в гимназии г. Курска. После окончания гимназии получил образование на историко-филологическом факультете Казанского университета (1906–1911), где в это время преподавали такие известные ученые, как В.А.Богородицкий (1857–1941), Е.Ф.Будде (1859–1929), Н.М.Петровский, А.И. Александров (1864–1917). Особенно многим ученый был обязан Н.М.Петровскому и А.И.Александрову. Именно под их влиянием формировались лингвистические взгляды ученого, лингвистику он называл «наукой конкретных данных» (Никитин, 2002: 101). В 1911 г. он вступил в Педагогическое общество при Казанском университете, на заседаниях которого он не раз выступал с аналитическими обзорами учебников и учебных пособий по русскому языку, и начал преподавать на Высших женских курсах в Казани. По окончании университета Селищев был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию по сла-

вистике. В 1913 г. он блестяще выдержал экзамен на степень магистра по кафедре славянской филологии и стал приват-доцентом. Совершенствуя свои знания на кафедре, ученый начал с 1914 г. вести практические занятия по сравнительной грамматике славянских языков, старославянскому языку в Казанском университете, одновременно преподавал болгарский язык на Высших женских курсах, где число слушателей в этот период достигало 300 человек. Его первые научные работы были посвящены деятелям чешской культуры — К.Гавличку и А.Ираку. В 1914 г. он был командирован в балканские страны (Болгарию, Македонию, Албанию) для изучения живых южнославянских языков и литератур. Начавшаяся Первая мировая война воспрепятствовала его долгому пребыванию на Балканах: прибыв туда в мае, в августе 1914 г. ученый возвращается в Россию. Однако его недолгая командировка в Болгарию оказалась очень плодотворной. А.М.Селищев не только обзавелся значительными связями среди болгарских славистов, он собрал большое количество ценного диалектологического и этнографического материала, анализ и публикации которого сразу же превратили его в одного из ведущих специалистов в области изучения южнославянских языков.

В 1918 г. он опубликовал свою диссертацию «Очерки по македонской диалектологии». С 1918 по 1920 г. работал в университете г. Иркутска, где занял должность заведующего кафедрой. Ученый участвует в создании и организации Иркутского университета. В этот период он занимается сбором диалектологического материала, изучает говоры и уклад жизни забайкальских семейских, а также связи и взаимодействие русского языка и его говоров с тунгусским и бурятским языками.

В 1920 г. ученый вернулся в Казань, где проработал до 1922 г. С 1922 г. Афанасий Матвеевич стал заведующим кафедрой славяноведения Московского университета, которой ранее заведовал В.Н.Щепкин (1863—1920). Именно ему принадлежала идея создания первого славянского отделения, которое было сформировано на историко-этнологическом факультете Московского университета. Однако просуществовало оно недолго. А.М.Селищев читал студентам лекции по введению в славяноведение, старославянскому языку, сравнительной грамматике славянских языков, сравнительной фонетике. Одновременно в 20—30-е годы преподавал в Ярославском педагогическом институте, МГПИ им. В.И.Ленина, МГПИ им. В.П.Потемкина, МИФЛИ, Институте славянства АН СССР, в который он был назначен старшим научным специалистом в 1933 г. С 1921 г. он принимает активное участие в работе Московской диалектологической комиссии, где в это время тру-

дятся А.А.Шахматов (1864–1920), Н.Н.Дурново (1876–1937), Д.Н.Ушаков (1873–1942) и многие другие известные слависты.

В годы революции, гражданской войны и восстановительного периода, несмотря на эмиграцию ряда известных славистов, исследования в области славянской филологии продолжались. Активно работали П.А.Лавров (1856–1929), А.И.Соболевский (1856/57–1929), А.А.Шахматов. Однако в середине 20-х годов ситуация начинает резко меняться. А.Я.Вышинский (ректор МГУ с 1925 г.) выражает недовольство тем, что на занятиях по старославянскому языку читаются евангельские тексты, по его распоряжению закрывается кафедра славяноведения историко-этнологического факультета. Именно этим отчасти объясняется работа Селищева в столь многих учебных заведениях. С 20-х годов имя А.М.Селищева становится в высшей степени авторитетным среди ученых-славистов как в России, так и за рубежом. В 1921 г. ученый избирается действительным членом РАНИОН; в 1926 г. — чл.-корр. Академического финно-угорского общества в Гельсингфорсе; с 1929 г. — чл.-корр. АН СССР, с 1930 г. — чл.-корр. Болгарской АН и почетный член Македонского научного общества. В 1929 г. ученый избран членом-корреспондентом АН СССР, одновременно он стал членом Государственного ученого совета и Комиссии по просвещению национальностей.

Сразу же после «чистки» Академии Наук в 1929 г. начались репрессии российской научной элиты: было сфабриковано дело академика С.Ф.Платонова, по которому пострадал целый ряд известных ученых-историков. В конце 1933 г. начались аресты и среди филологов. По «делу славистов» пострадали такие известные языковеды, как М.Н.Сперанский, Г.А.Ильинский, Н.Н.Дурново, В.В.Виноградов, М.С.Грушевский, В.Н.Сидоров и ряд других авторитетных исследователей в области русского и славянского языкознания. А.М.Селищев был арестован в 1934 г., он, как и другие, обвинялся в связях с «венским центром» во главе с Н.С.Трубецким. Однако через некоторое время дело против него было прекращено. Ученый продолжает свою деятельность, он постоянно отстаивает необходимость славистических исследований. Так, в годы войны он пишет ректору Московского государственного педагогического института им. В.И.Ленина, где он в это время возглавлял кафедру русского языка, записку следующего содержания: «В связи с значением и положением славистики необходимо принять организационные меры к усилению занятий по славянской филологии, так как в наше время Академия наук не выполняет в действительности своей задачи быть центром славистических изучений. Такой центр нужно создать при

Московском университете или при Государственном педагогическом институте им. В.И.Ленина. В одном из этих вузов должна быть открыта кафедра славянской филологии, около которой будут сосредоточены занятия по славистике... Работа по этой кафедре будет заключаться в преподавательской и исследовательской деятельности... Кафедре необходимо располагать возможностью иметь свой журнал, в котором отражалась бы ее научная деятельность. Вместе с тем он объединит вокруг себя и других работников по славянской филологии» (Архив Селищева, 56–58). В последние годы своей жизни Афанасий Матвеевич продолжает свои научные изыскания, много времени уделяет созданию университетских курсов по славянскому языкознанию. Академик С.П.Обнорский (1888–1962) следующим образом охарактеризовал научный вклад ученого в славянское языкознание: «А.М.Селищев как славист, можно сказать, не был лингвистом, — он был филологом в широком смысле слова, при этом у него, как филолога, в первую очередь проступали интересы лингвистического изучения славистического материала, не заслоняя вместе с тем интереса к изучению прочих сторон славянской культуры, — к этнографии, истории, литературе. А.М.Селищев прекрасно изучил все основные славянские языки. Он в первой линии был знатоком южнославянских языков, в том числе болгарского языка, основного предмета его специальности. Но весьма глубокими были его знания и прочих славянских языков, в частности западнославянских языков» (Обнорский, 1947: 7).

Главным направлением научной деятельности А.М.Селищева была славистика. Его научное наследие отличает то, что в нем в равной степени глубоко и основательно рассмотрен ряд проблем, относящихся как к южнославянским, так и к западнославянским языкам. Среди общих работ, посвященных славянскому языкознанию, следует выделить «Введение в сравнительную грамматику славянских языков», вып.1 (Казань, 1914), Славянское языкознание, т.1. Западнославянские языки. Учебное пособие для студентов гос. ун-тов и пед. вузов (М., 1941), а также вышедшие после смерти ученого издания, которые сегодня являются классическими учебниками: Старославянский язык, ч. 1. Введение. Фонетика. Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. ф-тов ун-тов и ф-тов рус. яз. и лит-ры пед. ин-тов (М., 1951), ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии (М., 1952), (изд. 2-е (в 2-х ч.). — М., 2001). Названные учебные пособия отличаются не только теоретической научной значимостью, но и богатством фактического материала. Так, во «Введении в сравнительную грамматику славянских языков» ученый

обосновывает важность сравнительно-исторического изучения славянских языков, указывая на особую важность диахронического подхода к исследованию. В частности, он пишет: «...каждый язык в известный период своего существования представляет собой результат тех изменений, которые были пережиты им в предшествующий период. Это постоянное видоизменение языка заключается в том, что он переживает постепенные изменения и в области звуков, и в формах слов и предложений, и в реальных и формальных значениях...» (Селищев, 1968: 489). Серьезное внимание ученый уделяет анализу источников изучения истории и современного состояния славянских языков: письменных памятников, говоров, указывает на необходимость вовлечения в традиционный круг источников более поздних, чем тексты IX–XII вв., текстов, а также и на основные принципы привлечения диалектологического и этнографического материала. Также ученый останавливается на проблемах периодизации праславянского языка; определяет основные принципы группировки славянских языков.

В работе «Славянское языкознание» впервые в истории советского языкознания систематически излагались вопросы прародины славян, периодизации их истории и расселения. Авторская трактовка указанных проблем опиралась на тщательное изучение и классификацию общих работ, вышедших во второй половине XX в. и не учтенных в исследованиях Ф.Ф.Фортунатова (1848–1914), А.А.Шахматова и др. Так, в частности, при определении границ первоначального расселения славян, времени и направления их расселения А.М.Селищев во многом соглашается с Л.Нидерле, синтезируя его точку зрения с взглядами А.А.Шахматова. Ученый утверждает, что «область, где жили славяне в VI в. н.э. находилась к северу от Карпат, в бассейнах Вислы, Днепра и Днестра и подходила на юго-востоке к нижнему Дунаю. Сюда, к нижнему Дунаю, славяне подошли в V–VI вв.» (Селищев, 1941: 5). Ученый подробно описывает основные направления и этапы расселения славян в VI–VIII вв. н.э. Давая характеристику основным периодам истории славян, Селищев представляет не только языковые процессы, их он рассматривает во взаимодействии с материальной и духовной культурой, социальной организацией славянского континуума. Он не считал, что лингвистические характеристики общеславянского языка резко отличались по своему общему характеру и структурным особенностям от диалектов позднего периода (VI–VIII вв.), он подчеркивал преемственность и устойчивость характерных черт славянской речи: «Языковая система, сложившаяся у славян в доисторическое время, при одинаковости их общественно-

экономической жизни и близости взаимоотношений, сохраняла свое актуальное значение в жизни славян и в период исторический — в VI–IX вв.» (Селищев, 1941: 15).

Первый том учебника «Славянское языкознание» целиком посвящен истории и современному состоянию западнославянских языков; в нем последовательно рассмотрены принципы дифференциации чешского, словацкого, лужицких, польского, кашубского и полабского языков; типологические сходства и различия между ними. Во втором томе предполагалось детальное описание южнославянских языков. При изложении лингвистического материала исследователь выступает против сопоставлений вне исторической перспективы, отмечает, что сходные черты двух диалектных групп могут представлять явления параллельные, не зависящие друг от друга.

Вышедшее после смерти ученого пособие «Старославянский язык» находится в научно-педагогическом обороте уже более полувека. Книга состоит из двух томов. Первоначально предполагалось трехтомное издание: первый том должен был представить общие вопросы преддистории старославянского языка и его фонетику; во втором томе предполагалось подробное изложение морфологии; третий том должен был включать хрестоматию, комментарии к текстам и словарь. К сожалению, ученому не удалось осуществить свои намерения, книга осталась незаконченной. В первом томе содержатся предисловие, краткий очерк истории славян, описание условий создания кириллицы и глаголицы, множество интересных сведений об источниках, повлиявших на графический облик букв первых славянских азбук; детальное изложение фонетики старославянского языка. Второй том включает в себя тексты для чтения и анализа, словарь к текстам, краткий очерк морфологии. Характеризуя лексику старославянских памятников, А.М.Селищев обращает внимание на два момента: большое количество греческих слов и группа романских заимствований, которые ясно указывают на Балканы, а также пытается дать социальную квалификацию старославянскому языку: «Язык старославянских переводов нельзя отождествлять во всех отношениях с живой народной речью славянской массы Солунского района. В основу языка письменности положены были элементы языка городского и пригородного славянского населения, с которым имели общение греки города Солуня. Речь этих славян отличалась от языка широкой народной массы главным образом в отношении лексики. В городских слоях славянского населения было больше греческих заимствований, чем в среде

сельского населения. Употреблялись там и некоторые церковные и бытовые термины греческого происхождения, чуждые деревне...

Лица славянской городской среды не принадлежали к социальным верхам греческого города: лица из этой среды имели дело с греками, пользовавшимися народной греческой речью; некоторые греческие заимствования свидетельствуют об этом» (Селищев, 2001: 25). В работе также приводятся интересные данные о происхождении глаголицы. В основном соглашаясь с Д.Ф.Беляевым и И.В.Ягичем (1838–1923) о влиянии греческого минускульного письма на начертание основных знаков глаголицы, ученый утверждал, что источником начертания части славянских букв послужило древнееврейское письмо в его самаритянской и коптской разновидностях. Также в учебнике дается характеристика основным памятникам старославянского языка, приводятся их основные издания. Обзор фонетических процессов старославянского языка отличается глубиной изложения, большим фактическим материалом, который основывается на обобщении данных, представленных в других пособиях по данной тематике, а также на обширных примерах из болгарских и македонских говоров, принадлежащих ученому.

Второй том «Старославянского языка» представляет собой фрагменты хрестоматии: отрывки из Зографского и Мариинского евангелия, Супрасльской рукописи, Ассеманиева евангелия, Синайского требника, Киевских листков и листков Ундольского, а также небольшого фрагмента Остромирова евангелия. Тексты содержат комментарии сопоставительного плана: указание на то, что в сходном фрагменте в другом памятнике используется иная грамматическая форма или иное слово. Помимо этого приводятся параллельные тексты для сравнения на греческом и старославянском языках, на старославянском и современных славянских языках. К текстам составлен словарь. Очерки по морфологии позволяют представить, какое капитальное исследование в области старославянского языка было задумано автором и как автор представлял себе место и задачи данного курса в системе подготовки специалистов по славянским языкам. В «Очерках...» автор приводит не только таблицы словоизменения основных частей речи, но и пытается классифицировать основные продуктивные модели именного и глагольного словообразования; все это сопровождается большим количеством примеров и соответствий из других индоевропейских языков.

В работах А.М.Селищева в области южнославянского языкознания следует выделить, прежде всего, большую группу работ, посвященных этнографии и диалектологии Македонии, Болгарии, славянского

населения Албании: «Очерки по македонской диалектологии», т.1 (Казань, 1918); «Запись горнореканца. Из заметок по этнографии и диалектологии Македонии» (Одесса, 1922); «Заметки по этнографии и диалектологии Македонии. Памятник монастыря Трескавца» (Л., 1928.); «Фольклорные и диалектологические материалы по Македонии 1924–1927» (Прага, 1928); «Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии. (С этнографической картой Полога)» (София, 1929); «Днешната югозападна граница на българската говорна област» (София, 1930); «Македонские кодичи XVI–XVIII веков. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии» (София, 1933); «Диалектологическое значение македонской топонимики» (София, 1933); серия статей под общим названием «Македонская диалектология и сербские лингвисты», вышедшие потом отдельным изданием (София, 1935). Указанные работы ученого легли в основу македоноведения как особой отрасли славяноведения. Научная значимость этих работ подробно освещена в рецензиях таких лингвистов, как А.Вайан (1890–1977), А.Мейе (1866–1936), Л.Милетич (1867–1937), С.Романски, Е.Ф.Карский (1860/61–1937), Б.М.Ляпунов (1862–1943), В.Н.Перетц, П.А.Лавров и многих других.

Уже в первой своей большой работе «Очерках по македонской диалектологии» Селищев сформулировал основные задачи данной лингвистической дисциплины — всестороннее и детальное изучение современных народных говоров в связи с данными древних памятников, хорошо отражающих черты местной речи. Одним из лингвистических источников исследования явился тетраглоссарий хаджи Даниила, включающий не только словарь, но и небольшие рассказы на новогреческом, болгарском, албанском и влашском языках. Болгарская параллель словаря дала ему возможность описать македонские говоры в историческом аспекте. Изучение славянских говоров Македонии проводится в связи с соседними неславянскими языками, в связи с произношением отдельных звуков в румынском, албанском и новогреческом языках. Уже в данной работе А.М.Селищев выступает как последовательный сторонник теории балканского субстрата. Для него очевидно, что балканизмы в болгарском языке являются новообразованиями и что их появление связано с появлением аналогичных образований в других балканских языках; они, по его мнению, могли возникнуть в связи с общими условиями формирования балканских языков на общей этнической основе — фракийской. В следующих своих работах он так формулирует свои выводы:

«Славянские группы в Македонии, в южном Поморавье, в Мизии и Фракии одинаково реагировали на иноязычное воздействие, одинаково пользовались иноязычными элементами, одинаково изменили свой традиционный языковой фонд, одинаково приспособили его в новых сдвигах системы, в отношениях семантических, морфологических и синтаксических. А эта одинаковость в процессе реагирования на иноязычное воздействие, одинаковость процесса изменения и приспособления своего прежнего, традиционного языкового материала к новым языковым потребностям, которая была тоже одинакова, — все это ярко демонстрирует общность языковой системы, общность языковых тенденций и культурно-языковых центров и социальных отношений славянских групп в Македонии, Поморавье, в Мизии, в Фракии» (Селищев, 1935: 77). Его следующая работа «Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии» выполнена в том же плане: сравнение данных современных народных говоров Полога и анализ текстов иеромонаха Арсения и Кирилла Пейчиновича. Сам исследователь так обосновывает свой выбор: «Главное значение писаний Кирилла Пейчиновича диалектологическое. Его писания представляют богатые данные для характеристики говоров Дольнего Полога в начале прошлого века. Имея в виду диалектологическую пестроту Македонии, разнообразие и сложность процессов, пережитых говорами ее, различное скрещивание процессов и их результатов, — процессов, свойственных различным группам, — приходится очень медленно продвигаться в глубь прошлого этих говоров. Изучение данных, извлекаемых из писаний о Кирилла, а также его земляков-современников в связи с данными современных положских говоров (совсем не изученных) представит нам состояние говоров этой области в течение XIX и начале XX в. Такое изучение говоров следует применить ко всем областям, а к Дольнему Пологу в особенности: этот северо-западный край Македонии является сопредельным с Старой и юго-восточной Сербией, говоры которой относятся к иной, не македонской группе» (Селищев, 1929: 164–165). Как отмечает С.Б.Бернштейн: «Описание современных говоров Дольнего Полога сделано на основе личных наблюдений. В этом описании нашли наглядное отражение все важнейшие методологические и методические приемы Селищева-диалектолога: тщательное изучение физиологии звуков, изучение звуков в различных позициях в слове и пристальное внимание к различным стилям речи — торжественной, книжной, бытовой, эмоционально-экспрессивной и т.п.» (Бернштейн, 1947: 20). В книге ученый обнаруживает определенные за-

кономерности об особой позиционной огласовке редуцированных звуков в македонских говорах, о судьбе носовых в северо-западной Македонии, проводит сопоставление с кайкавскими говорами сербского языка. Еще один важный факт, характеризующий А.М.Селищева как ученого: самое пристальное внимание ученый обращал на территориальное распространение того или иного языкового факта, а также на его социальную обусловленность.

Большое значение для славяноведения и балканистики имеет работа «Славянское население Албании» (1931), в котором рассматривается целый комплекс вопросов: славянские заимствования в албанском языке, славянская топонимия Албании, история славянской колонизации данного региона с IX в. — периода деятельности Климента Охридского, царствования царя Самуила. Исследование неразрывно связано с историей македонских говоров, так как население Албании и Македонии находилось в постоянном темном общении. На основе анализа лексических заимствований А.М.Селищев пытается проследить контакты народов в области материальной культуры, в освоении территории. Классификация заимствованной лексики позволила ученому опровергнуть точку зрения о том, что албанцы являются потомками древних иллирийцев. Крайне интересными являются выводы ученого о причинах заимствования лексики. В частности, он утверждал, что значительная часть инноваций лексических не связана с инновациями в области предметной деятельности, а объясняется повышенной эмоциональной экспрессией заимствуемой группы слов. В этой же работе представлен подробный анализ славянской топонимии Албании.

В «Македонских кодичах XI—XVII вв.» выдающийся славист обращает внимание на кодичи-помянники, которые заключают в себе драгоценные факты народной речи. Он детально и всесторонне проанализировал три монастырских помянника — монастыря Матка в северной Македонии, Слепченского монастыря близ Битоля и Трескавецкого монастыря близ Прилепа. Особое внимание ученого привлекла топонимия и личные имена, в частности процесс изменения фамилий на -ов, -ев на -овић под сербским влиянием.

Помимо исследований македонской диалектологии следует выделить группу исследований, посвященных формированию литературных языков славян: «К изучению старопечатных болгарских книг (По поводу «Описа» проф. В.Погорелова. София, 1923)» (Прага, 1926), а также серию критических отзывов на различные произведения болгарской литературы. Изучение балканских связей ученого показало, что он живо ин-

тересовался историей болгарской литературы, неплохо ее знал, написал статью о болгарской литературе для Большой Советской Энциклопедии.

Значительное внимание в работах ученого уделено рассмотрению вопросов образования балканского языкового союза, проблемам фракийского субстрата: *Destraitts linguistiques communs aux langues balkaniques. Un balkanisme ancien en bulgare* (Париж, 1925). В указанной статье, а также серии исследований под общим названием «Македонская диалектология и сербские лингвисты» Селищев много внимания уделяет изучению диахронических универсалий в развитии балканских языков.

В русистике выдающегося ученого интересовали две области: диалектология и история русского языка, но нельзя не отметить и его заслуг в области разработки содержания обучения русскому языку в школе. Основными работами Селищева-диалектолога являются следующие: «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Иркутск, 1918), «Диалектологический очерк Сибири, вып. 1» (Иркутск, 192), «К изучению русских говоров Сибири. (По поводу издания диалектологической программы)» (Казань, 1922); «Русский язык у инородцев Поволжья» (Прага, 1925), «Заметки по великорусской диалектологии. 1. К изучению типов аканья» (Прага, 1927), «Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. К изучению культурно-языковых взаимоотношений в Среднем Поволжье» (М., 1927), «Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов» (Прага, 1928). Как следует из названий, ученый проявил себя и в изучении живых говоров, и в проблемах исторической диалектологии, и при исследовании языковых контактов. На одном из заседаний Московской диалектологической комиссии он говорил о том, что одна из важнейших задач современной диалектологии — изучение «взаимоотношений русских и нерусских говоров» (Никитин, 2002: 99). Так, в частности, в книге «Диалектологический очерк Сибири», посвященной А.А.Шахматову, — первом крупном исследовании фонетических и грамматических особенностей русской речи на территории Сибири, автор уделяет значительное внимание не только фонетическим, но и лексическим особенностям этих говоров и убедительно доказывает их близость к северновеликорусскому наречию. В этой работе ученый рассматривает и заимствования из финноугорских и тюркских языков, а также и пути их проникновения в речь русских поселенцев. По его мнению, финноугорские заимствования появляются в период переселения русских в Сибирь, а тюркские приобретаются уже на местах новых поселений. Изучая языковые процессы русского языка на широкой срав-

нительно-исторической основе, сопоставляя их со сходными явлениями в истории других славянских языков, языковед констатирует известную общность и последовательность в ходе изменений всех славянских языков. Он видит в этой соотносительной близости языковых процессов отражение былого единства общеславянской системы, однородность заложенных в ней тенденций развития. Важнейшее свойство Селищева-диалектолога — это диахронический подход к оценке фактов языка. Показательны те основания, которые он выдвигает на первое место, говоря о необходимости диалектологического изучения Сибири: «Русские говоры Сибири, оторвавшись от ближайших говоров Европейской России, начали свою жизнь с тем запасом звуков, форм и лексики, какой был свойственен говорам их метрополии в 16-м, 17-м вв. Сравнительное изучение говоров Сибири и Европейской России прольет свет на состояние тех или иных русских диалектов в 16-м и в 17-м столетиях. С другой стороны, такое изучение укажет, какие языковые процессы были пережиты русскими поселенцами Сибири в течение последних 300-200 лет» (Селищев, 1920: 5). Методы и приемы внутриязыковых сопоставлений часто использовались ученым для получения научных результатов, но можно также утверждать, что он явился одним из авторов данного метода. В статье «Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов» А.М.Селищев полемизирует с концепцией Н.С.Трубецкого (1890—1938), делавшего определенные предположения о системе русских диалектов, их происхождении и развитии, и говорит о необходимости детального анализа языковых фактов, об их недостаточности для реконструкции языковой системы русских славян в древнейший период их жизни. Его концепция изучения истории русского языка заключалась в сопоставительно-историческом изучении русских говоров. Свою работу «Русские говоры Казанского края и русский язык чуваш и черемис» ученый начинает словами: «Одну из главных задач языкознания составляет изучение языковых взаимодействий разных общественных и этнических групп. В частности, весьма важное значение имеет это изучение по отношению к славянским языкам. Славяне и в далеком прошлом, в период общей своей культурной и языковой жизни, и позднее, после расселения из области своей прародины, встречались с разными народами, вступали с ними в различные взаимоотношения. Следы этих взаимоотношений могли отражаться и на культурно-бытовой жизни, и на языке славян, а также и тех народов, с которыми вступали в сношение славяне. Результаты этих связей необходимо учитывать и историку культурно-общественной жизни славянских народов, и историку языков

этих народов. Воздействие одного языка на другой, вызванное теми или иными обстоятельствами культурно-общественной жизни носителей этих языков, отражается и в словаре, и в формах слов и словесных конструкций, и в звуковом составе... Сильное культурное воздействие, политическая и экономическая зависимость, переселение в другую этническую среду — вот главные обстоятельства, при которых происходит сильное воздействие одного языка на другой, вызывающее двуязычие у представителей той социальной группы, которая стала в подчиненное положение» (Селищев, 1927: 36). Ученый делает ряд тонких наблюдений над разными формами и стадиями смешения языков, отмечает различия в темпе, интенсивности и характере смешения в различных социальных условиях.

Нельзя пройти мимо работ А.М.Селищева об истории русского языка. Академик В.В.Виноградов следующим образом охарактеризовал научный вклад А.М.Селищева в отечественное языкознание: «Афанасий Матвеевич Селищев был одним из последних живущих в нашей стране русских представителей той плеяды славистов, которая примкнула к лингвистической школе акад. А.А.Шахматова и как бы срослась с нею. Славяноведы этого поколения, обладавшие широким общеславянским кругозором, принимали активное участие и в работе над историей русского языка» (Виноградов, 1947: 31). Для ученого история языка — это органическая часть истории культуры, поэтому и сам он часто выступал как лингвист, историк культуры и этнограф. Так, в статье «Образцы древнерусского письма XI–XVII вв.» (М., 1939) содержатся 24 снимка памятников письменности, которые дают представление и о содержании памятников, и об искусстве древнерусских каллиграфов указанного периода, и о богатстве орнамента. В опубликованной посмертно работе «О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка» (М., 1957) представлены ценные замечания о диалектной основе памятника и роли древнерусских говоров в становлении литературного языка.

Отдельно следует отметить работы ученого по ономастике, изучению которой он придавал особое значение: «Из старой и новой топонимики» (М., 1939), «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» (М., 1948). В этой работе А.М.Селищев описывает один из обрядов мнимой подмены ребенка, указывая на то, что болезни ребенка часто связывались с неправильно выбранным именем, поэтому его выносили из избы, а затем снова вносили под видом другого (найденного, купленного, украденного), при этом ребенку давалось иное имя. Ученый

предполагает, что целый ряд имен-прозвищ, зафиксированных сегодня в наиболее распространенных русских фамилиях, связан именно с этим обрядом: Найден, Продан, Краден, Куплен, Ненаш, Прибыток, Синица, Дрозд, Воробей (так как птицы считались лучшими детскими оберегами от болезней). Топонимию ученый рассматривал как один из ценнейших источников по исторической этнографии, а также истории общественной и экономической жизни страны, и неоднократно доказывал это в своих работах по диалектологии и этнографии южных славян. А.М.Селищев собрал большую коллекцию названий населенных пунктов по памятникам деловой письменности XV–XVII вв. и сделал целый ряд культурно-исторических обобщений о топонимии феодального времени. На одном из заседаний Московской диалектологической комиссии им была представлена программа подробных топонимических исследований.

Приступая к изучению русского языка революционной эпохи, А.М.Селищев стремится понять и оценить те изменения в культурно-политической и идейно-общественной атмосфере, которые определили основной тип и главные направления речетворчества, результаты этих исследований представлены в работах: «Революция и язык» (М., 1925), «Выразительность и образность языка революционной эпохи» (1927), «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)» (М., 1928), «О языке современной деревни» (М., 1932), «О языке современной деревни» (М., 1939).

Интерес к проблемам преподавания русского языка у Селищева возник в те времена, когда он принимал активное участие в работе Педагогического общества в Казани, в начале своего творческого пути. С этого времени его интересовало все, что делается в данной области. Этот интерес ученого представлен в его статьях: «Новая программа по истории русского языка в средней школе» (Пг., 1916), «История русского языка в средней школе. Указатель учебных пособий» (Пг., 1917), и рецензиях, отзывах и полемических заметках, среди которых можно выделить: Кульбакин С.М. Учебник по русскому языку для IV класса средних учебных заведений. (Применительно к программе, утвержденной 21 апр. 1912 г.), изд.2-е, измен. и испр. Харьков, 1914 (Казань, 1915), Миртов А.В. Учебник по истории русского языка. Пг., 1916 (Пг., 1916). Ученого не могли не интересовать проблемы образования, так как всю свою жизнь он был деятелем высшей школы, стоял у истоков формирования Иркутского университета, МИФЛИ, Института славяноведения и балканистики АН СССР, проводил огромную общественную работу по организации специального славистического образования, открытию соответ-

ствующего отделения и кафедры. В годы, когда славистика переживала серьезный кризис, находилась под неофициальным запретом, ученый стремился к тому, чтобы Россия превратилась в центр славистических исследований. Многие годы (с 1922 г.) он возглавлял кафедру славистики Московского университета, которую унаследовал после В.Н.Щепкина. Вслед за своим великим предшественником ученый стремился к тому, чтобы исследовательская и преподавательская деятельность кафедры служила объединению всех, кому интересны научные разыскания в данной области. Как преподаватель, он разработал основы всех основных курсов, читаемых данной кафедрой, создал учебники по указанным дисциплинам, подготовил к научной деятельности целую плеяду известнейших славистов: Р.И.Аванесова (1902–1982), С.Б.Бернштейна, П.С.Кузнецова (1899–1968) и др.

Литература

- Архив А.М.Селищева.* ЦГАЛИ, ф. 2331, оп. 1, ед. хр. 131, С. 56–58.
- Бернштейн С. Б.* Селищев-балкановед // Докл. и сообщ. филол.ф-та Моск. ун-та. — М., — 1947. — Вып. 4. — С. 11–30.
- Виноградов В.В.* Проф. А.М.Селищев как историк русского языка // Докл. и сообщ. филол. ф-та Моск. ун-та. — М., —1947. — Вып. 4. — С. 31–50.
- Никитин О.В.* Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д.Н.Ушакова, Н.Н.Дурново и А.М.Селищева. (Неизвестные страницы истории московской лингвистической школы) // *Вопр. языкознания.* — М., 2002. — № 1. — С. 91–102.
- Обнорский С.П.* Памяти А.М.Селищева // Докл.и сообщ. филол.ф-та Моск. ун-та. — М., — 1947. — Вып. 4. — С. 7–10.
- Селищев А.М.* Диалектологический очерк Сибири. — Иркутск, 1920. — Вып. 1. — 297 с.
- Селищев А.М.* Избранные труды. — М., 1968. — 560 с.
- Селищев А.М.* Македонская диалектология и сербские лингвисты. — София, 1935. — 101 с.
- Селищев А.М.* Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии. (С этнографической картой Полога). — София, 1929. — 439 с.
- Селищев А.М.* Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. К изучению культурно-языковых взаимоотношений в Среднем Поволжье // *Ученые зап. РАНИОН. Ин-т языка и лит-ры. Лингв. Секция.* — М., 1927. — Т. 1 — С. 36–72.
- Селищев А.М.* Славянское языкознание: Учебное пособие для студентов гос. ун-тов и пед. вузов. — М., 1941. — т. 1. Западнославянские языки. — 468 с.
- Селищев А.М.* Старославянский язык. — М., 2001. — 206 с.

Основные работы

- Селищев А.М.* Введение в сравнительную грамматику славянских языков. — Казань, 1914. — Вып. 1. — 123 с.
- Селищев А.М.* Очерки по македонской диалектологии. — Казань, 1918. — Т. 1. — 284 с.; 2-е изд. фототип. — София, 1981.
- Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы. Семейские. — Иркутск, 1918. — 81 с.
- Селищев А.М.* Диалектологический очерк Сибири. — Иркутск, 1920. — Вып. 1. — 297 с.
- Селищев А.М.* Русский язык у инородцев Поволжья // *Slavia*. — Praha. 1925, ч. 1. — Вып. 4. — С. 26–43.
- Селищев А.М.* Революция и язык // На путях к пед. самообразованию. — М., 1925. — С. 20–217.
- Селищев А.М.* Заметки по великорусской диалектологии. 1. К изучению типов аканья // *Slavia*. — Praha, 1927. — Ч. 6. — Вып. 2–3. — С. 455–479.
- Селищев А.М.* Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. К изучению культурно-языковых взаимоотношений в Среднем Поволжье // Ученые зап. РАНИОН. Ин-т языка и лит-ры. Лингв. секция. — М., 1927. — Т. 1. — С. 36–72.
- Селищев А.М.* Выразительность и образность языка революционной эпохи// Родной язык в школе. — М., 1927. — кн. 3. — С. 72–84.
- Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). — М., 1928, 248 с.; — изд. 2-е. — М., 1928. — 248 с.
- Селищев А.М.* Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии. (С этнографической картой Полога). — София, 1929. — 439 с.; 2-е изд. фототип. — София, 1981.
- Селищев А.М.* Славянское население Албании. — София, 1931. — 352 с.; 2-е изд. фототип. — София, 1981. — 352 с.
- Селищев А.М.* О языке современной деревни // Земля советская. — М., 1932. — № 9. — С. 120–132.
- Селищев А.М.* Македонские кодексы XVI–XVIII веков. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии. — София, 1933. — 262 с.
- Селищев А.М.* Македонская диалектология и сербские лингвисты. — София, 1935. — 101 с.
- Селищев А.М.* Образцы древнерусского письма XI–XVII вв. (Тр. МИФЛИ. Филол. ф-т). — М., 1939. — 24 с.
- Селищев А.М.* О языке современной деревни // Сборник статей по языковедению / Под ред. М.В.Сергиевского, Д.Н.Ушакова и Р.О.Шор. Тр. МИФЛИ. — М., 1939. — Т. 5. Филол. ф-т — С. 66–123.
- Селищев А.М.* Славянское языкознание. т.1. Западнославянские языки: Учебное пособие для студентов гос. ун-тов и пед. вузов. — М., 1941. — 468 с.

- Селищев А.М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Ученые записки Моск. ун-та. Тр. кафедры рус. яз. — М., 1948. — Кн.1, Вып. 128. — С. 128–152.
- Селищев А.М.* Старославянский язык: Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. ф-тов ун-тов и ф-тов рус. яз. и лит-ры пед. ин-тов. Ч. 1. Введение. Фонетика. — М., 1951. — 336 с.; Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. — М., 1952. — 206 с. — 2-е изд. — М., 2001. — 206 с.
- Селищев А.М.* Избранные работы. — М., 1968. — 560 с.

Основные работы о А.М.Селищеве

- Аванесов Р.И.* Афанасий Матвеевич Селищев (1886–1942) // Бюллетень диалектологического сектора (БДС) ИРЯ АН СССР, — 1947. — вып. 1., С. 126–134.
- Аванесов Р.И.* Селищев — диалектолог // Доклады и сообщения филол. ф-та Моск. Ун-та. — 1947. — Вып. 4. — С. 50–59.
- Аванесов Р.И.* Список работ М.А.Селищева по русской диалектологии// БДС ИРЯ АН СССР. — М., 1947. — Вып.1. — С. 130–131.
- Бернштейн С. Б.* Селищев — балкановед // Доклады и сообщения филол. ф-та Моск. ун-та. — 1947. — Вып. 4. — С. 11–30.
- Бернштейн С. Б.* Список печатных работ проф. А.М.Селищева. — Там же, С. 85–90.
- Виноградов В. В.* Проф. А.М.Селищев как историк русского языка. — Там же, С. 31–50.
- Дмитриев Н.К.* А.М.Селищев и тюркская филология. — Там же, С. 66–82.
- Обнорский С.П.* Памяти А.М.Селищева. — Там же, С. 7–10.
- Петерсон М.Н.* А.М.Селищев — деятель высшей школы. — Там же, С. 83–84.
- Петерсон М.Н.* А.М.Селищев (Биографическая справка). — Там же, С. 3–6.
- Василевская Е.А.* Архив проф. А.М.Селищева // Изв. АН СССР, ОЛЯ. — 1959.— Т. 18. — Вып. 1. — С. 73–74.
- Усикова Р.П.* Памяти проф. А.М.Селищева // Вестник Моск. ун-та. Серия филол. — 1968. — № 3. — С. 94–95.
- Василевская Е.А.* А.М.Селищев (1886–1942) // Русская речь. — 1969. — № 2. — С. 36–40.
- Булахов М.Г.* Селищев Афанасий Матвеевич // Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. — Минск, 1977. — Т.3. — С. 187–193.
- Бернштейн С.Б.* А.М.Селищев — славист-балканист. — М., 1987. — 112 с.

К.Г.Красухин

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРЕБРЕННИКОВ

Борис Александрович Серебрянников, один из крупнейших в мире специалистов по индоевропейскому, финно-угорскому и тюркскому языкознанию, родился в Москве 6. III (по новому стилю) 1915 г., умер 27. II. 1989 г. Отец Бориса Александровича, по национальности коми, был кандидатом педагогических наук, специалистом по методике преподавания биологии. Детство, проведенное в двуязычной среде, предопределило интерес Б.А.Серебрянникова к языкам. После школы он окончил курсы переводчиков с немецкого языка, а в 1934 г. поступил на вновь открытое классическое отделение МИФЛИ (Московский институт философии, литературы, искусства), успешно закончив его в 1939 г. Надо сказать, что с 1917 по 1934 г. специальности «классическая филология» в советских вузах не существовало, специалисты в этой области перебывали по большей части преподаванием философии или латинского языка в медучилищах. Таким образом, Б.А.Серебрянников вместе с однокурсниками стал одним из первых филологов-классиков нового поколения.

Его интересы не ограничивались латынью и древнегреческим. С детства владея родным языком отца — коми, он смолodu усердно изучал финно-угорские языки, и к окончанию университета владел и венгерским, и финским, и волжско-финскими языками. Интересовался он также и тюркологией, особенное внимание уделяя волжским языкам (татарскому, башкирскому, чувашскому), которые (прежде всего чувашский) образуют вместе с волжско-финскими языковой союз. Обладая уникальными способностями полиглота, Серебрянников овладел примерно 30 языками. Особенно хорошо он знал (мог говорить без акцента) немецкий, английский, французский, финский, венгерский и коми; читал на многих языках, не входивших непосредственно в область его научных

интересов: по-грузински, китайски, японски, арабски. Обычно полиглоты не становятся крупными лингвистами-теоретиками (к примеру, итальянский лингвист Альфредо Тромбетти (1866—1929), говоривший на 70 языках, был фантазёром, уверенно реконструировавшим в своих трудах общечеловеческий праязык). Происходит это потому, что оба дара — к усвоению новых языков и к интерпретации языкового материала — встречаются достаточно редко, а их сочетание — еще реже. Борис Александрович и был лингвистом, обладавшим таким редким сочетанием способностей. Диапазон его интересов был очень широк: историческая фонетика, морфология и синтаксис индоевропейских, уральских и тюркских языков, методология сравнительного языкознания, типология, философия языка, язык и мышление. Все эти проблемы он рассматривал с привлечением материала всех известных ему языков.

После окончания МИФЛИ Б.А.Серебренников был оставлен в аспирантуре при кафедре классической филологии под руководством проф. М.Н.Петерсона (1885—1962), взяв темой артикль у Геродота. С самого начала Великой Отечественной войны он был призван в действующую армию, работал переводчиком в войсках НКВД. Демобилизовавшись в 1946 г., Б.А.Серебренников быстро защищает кандидатскую диссертацию, в должности старшего преподавателя ведет со студентами практические занятия по древнегреческому и латыни, читает курсы истории этих языков. Его диссертация «Некоторые особенности функционирования артикля у Геродота», к сожалению, неопубликованная, дает ясное представление о характере научной методологии Бориса Александровича. Введение к этой работе, трактующее типологические особенности артикля на материале разноструктурных языков, по объему превышает часть, отведенную собственно Геродоту. Иными словами, внимание молодого ученого было приковано к сопоставлению большого количества языков в синхронном и диахронном плане. Позднее это направление в языкознании будет именоваться кросс-лингвистикой. В отличие от многих современных кросс-лингвистов, знающих не языки, а только их грамматические описания, Б.А.Серебренников привлекал материал языков, которыми профессионально владел.

Обстановка конца 40-х годов, в которой работал молодой ученый, была очень неблагоприятной для сравнительно-исторического языкознания. Последователи акад. Н.Я.Марра (1864/65—1934) решили покончить с представителями традиционного языкознания и, прежде всего, с «буржуазными» индоевропеистами. К изгнанию из вузов были намечены крупнейшие ученые: А.А.Реформатский (1900—1978) и учитель

Б.А.Серебренникова М.Н.Петерсон. Но весной 1950 г. газета «Правда» вдруг объявила о застое в области советского языкознания и необходимости его преодоления. В том же номере была опубликована статья академика АН Грузии А.С.Чикобава (1898–1985), посвященная критике учения Н.Я.Марра. Затем выступил действительный член (АН) СССР, академик-секретарь Отделения литературы и языка И.И.Мещанинов (1883–1967). Признав ошибочным ряд положений в теории Марра, Мещанинов, однако, осудил Чикобаву за возврат к «буржуазной науке». После этого 23 мая 1950 г. в «Правде» выступил 35-летний старший преподаватель МГУ Б.А.Серебренников. Он подверг теорию Марра особенно резкой и суровой критике, показав ее полную научную несостоятельность. Основным ее пороком, по мнению Серебренникова, явилось пренебрежение историей языка, опора на сравнение слов с внешним, поверхностным сходством. Вместе с тем в сравнительном языкознании со времен Франца Боппа (1791–1867) аксиомой является утверждение о том, что доказательством родства слов в сравниваемых языках является не сходство, а закономерность в различиях звуков слов.

Выступление Б.А.Серебренникова могло бы ему доставить немало неприятностей; его кандидатский стаж в КПСС был приостановлен. Но вскоре картина переменялась: в дискуссию по вопросам языкознания вступил сам И.В.Сталин и высказался отнюдь не в пользу Марра. Статья Сталина представляла собой изложение вполне тривиальных истин; но ее значение состояло в том, что после нее никто не решался опровергать эти трюизмы с лихостью Марра и его последователей. Б.А.Серебренников как один из немногих оставшихся в СССР последовательных компаративистов, в 1952 г. был избран член-корреспондентом АН СССР, а академик В.В.Виноградов (1894/95–1969), директор Института языкознания РАН, пригласил его своим заместителем. В Институте языкознания Б.А.Серебренников организовал Сектор общего и Сектор финно-угорского языкознания и до конца жизни заведовал обоими. С 1960 по 1964 г. являлся директором Института. Он развернул активную работу, написал и стал ответственным редактором множества трудов по общему, индоевропейскому и финно-угорскому языкознанию. Немало сил он затратил на борьбу с марризмом. В его многочисленных публикациях начала 50-х годов несостоятельность марризма рассматривается уже не на уровне популярного издания, а подкрепляется серьезными научными аргументами. В этих работах Серебренников показал, что основные положения Марра (о классовости языка, о языковых революциях, о слиянии и «скречивании» языков и т.д.) противоречат действи-

тельности; методология Марра антинаучна, ибо основана только на внешних сравнениях. Следует подчеркнуть, что эта деятельность ученого была бесконечно далека от жанра доноса. Дискуссия о языкознании 1950 г. была самой бескровной из всех научных кампаний того времени. Достаточно сказать, что ни один из марристов не был не только арестован, но большинство не было и снято с работы. Так, И.И.Мещанинов (1883–1967), будучи отстранен от должности академика-секретаря, продолжал трудиться в качестве сотрудника Института языкознания, выпустил после 1953 г. три монографии. В.И.Абаев (1900–2001), в молодости маррист (хотя и умеренный, с оговорками) переехал из Ленинграда в Москву и создал в Институте языкознания Сектор иранских языков¹. Поразительный контраст с дискуссиями о биологии и медицине! Видимо, это можно объяснить тем, что в полемике о наследии Марра одержали верх настоящие ученые, не стремившиеся физически уничтожить оппонентов. Критика Марра и марризма способствовала прогрессу языкознания, снятию с него идеологических оков. После 1950 г. термин «буржуазная лингвистика» не то чтобы вышел из употребления (его применяли к некоторым направлениям структурализма), но утратил свое зловещее звучание.

Будучи уже член-корреспондентом АН СССР, Б.А.Серебренников в 1956 г. защитил докторскую диссертацию «Система времен в волжско-финских и пермско-финских языках»; в 1960 г. вышла отдельная книга, посвященная пермским языкам. В этой работе автор поставил вопросы, которые и до сих пор не утратили своей актуальности: о соотношении вида и времени, о применимости понятия «вид», возникшего в славянском языкознании, к изучению языков иных структур и т.д. Сам исследователь отмечал, что вид — это все-таки специфическое исконно славянское понятие, не столько словоизменительная, сколько словообразовательная категория. Поэтому для иноструктурных языков он пользовался немецким термином *Aktionsart*, дословно «способ действия». С точки же зрения истории языков проблема заключалась в эволюции

---

¹ Исключение составили только С.Д.Кашнельсон, уволенный из Ленинградского отделения Института языкознания и в 1951–1954 г., работавший профессором Ивановского пединститута, и Н.Ф.Яковлев. После смерти Сталина Соломон Давидович благополучно вернулся в Ленинград, где и проработал до конца жизни, выпустив выдающиеся труды «Сравнительная акцентология германских языков» (Л., 1964), «Содержание слова, значение и обозначение» (Л., 1967), «Типология языка и речевое мышление» (Л., 1972). Николаю Феофановичу вернуться в науку помешал перенесенный инсульт.

граммем, обозначающих категории времени. Так, марийский и мордовский перфект развились, с одной стороны, в значение длительного действия, с другой — приобрели так называемое пересказательное значение, т.е. стали указывать на действие, о котором говорящий сообщает с чужих слов. Из этого вышло значение модальности. И в дальнейшем Б.А.Серебренников продолжал активно исследовать сравнительно-историческую грамматику финно-угорских языков, например, в книгах (Серебренников, 1964); в работах, вышедших под его редакцией (Основы, 1974–1976; Исследования, 1974), и многочисленных статьях, опубликованных в бывшем Советском Союзе и за рубежом. Нет, пожалуй, ни одного вопроса в сравнительной фонетике и грамматике финно-угорских языков, не затронутого в работах Б.А.: происхождение финно-угорских и самодийских падежей, глагольных времен, развитие фонологических систем и т.д. Придавая большое значение ареальным исследованиям, он вместе с К.Е.Майтинской выступил инициатором книги «Финно-волжская общность» (1990).

Активно изучал Б.А. и тюркские языки. Сперва его заинтересовали тюркские составляющие волжского языкового союза: несколько работ он посвятил исторической грамматике чувашского, татарского и башкирского языков (ср., напр., Серебренников, 1964.). Б.А.Серебренников отметил, что структурно система времен в этих языках очень напоминает волжско-финскую: тот же набор граммем со сходными путями эволюции. Генетически неродственные языки оказались типологически весьма сходны. Углубленные тюркологические штудии завершились изданием двух обобщающих работ, написанных Б.А. Серебренниковым в соавторстве с выдающимся тюркологом Нинель Зейналовой Гаджиевой (1924–1991): (Серебренников, Гаджиева, 1974; 1986). А в работе (Серебренников, Гаджиева, 1983) соавторы описали основные синтаксические структуры тюркских языков и предприняли попытку реконструировать пратюркские модели синтагм.

Такой широкий кругозор предопределил и направления работ Б.А.Серебренникова в области общего языкознания. Здесь можно выделить две линии: методология компаративистики и философские вопросы языка. Разделение это, впрочем, достаточно условно. Б.А.Серебренников, изучая любое языковое явление, рассматривал его на огромном количестве языков, которыми он владел, причем по возможности старался показать его в историческом развитии. В языке он четко выделял две стороны: содержательную и формальную. И в соответствии с этим языковые изменения подразделялись им на внешние и

внутренние. В принципе, в этом разделении нет ничего оригинального, но надо учесть атмосферу, в которой работал Борис Александрович. В 50-70-е годы многие советские лингвисты полагали, что всякая языковая эволюция происходит (пусть опосредованно) под влиянием внешних факторов. Возражая им, Б.А.Серебренников справедливо отмечал, что закон открытых слогов в славянских языках или германское передвижение согласных не связано ни с какими событиями в жизни народа. Почему же происходят языковые изменения? На этот вопрос наука не может точно ответить и сейчас. Но объяснения, данные Б.А.Серебренниковым, пожалуй, наилучшим образом приближают нас к ответу на этот вопрос.

В области грамматики Б.А.Серебренников отмечал следующие частотные изменения (фреквенталии), возникающие прежде всего благодаря либо развитию нового значения у старых формативов, либо путем объединения различных прежде самостоятельных форм: 1. Превращение суффиксов собирательности в показатели множественности. Это явление широко развито в тюркских, монгольских и тунгусо-манчжурских языках. Таков суффикс *-ja* в финских (коми-перм. *koz* «ель» — *koz-ja* «ельник», но удмурт, *tig* «топор» — *tig-jos* «топоры»). 2. Превращение суффиксов собирательности в уменьшительно-ласкательные: тот же суффикс образует в удмуртском имя *guž*-у «ноготок» при коми-зыр. *guž* «ноготь». 3. Переход тех же суффиксов в показатели прилагательных: а) прилагательные со значением ослабленного качества; б) прилагательных со значением ослабленного качества; в) относительных прилагательных (ср. фин. *koivu-kko* «березняк» от *koivu* «берёза», но горномарийск. *кужи-кй* «длинноватый» — *кужу* «длинный»; суффикс *-ka* присутствует и в ненецк. *пиця-рка* «великоватый»; в тюркских языках собирательный *-lik* могут образовывать и относительные прилагательные: хакас. *хар* «снег» — *хар-лыг* «снежный»). 4. Превращение собирательной множественности в абстрактную: такова, по мнению Б.А.Серебренникова история тюркского плюрального суффикса *-lag* (из собирательных *-1* и *-r*). Но этим не ограничивается эволюция собирательных суффиксов. Они преобразуются также в суффиксы абстрактных существительных (тюрк, *-lik*: турецк. *ak-lik* «белизна»), а также в форманты участительных глаголов и глаголов, обозначающих становление какого-либо качества. Так, собирательный суффикс *-s* в венгерском участвует в образовании фреквентативных глаголов: *futo-s* «бегать» (*futo* «бежать») и т.д. Суффикс *-r* указывает на становление качества в тюркских языках: *sarı* «желтый» — *sarırtmak* «желтеть». Таким образом, довольно конкретная категория собирательности, обозначающая совокупность предметов, преобразова-

лась в дискретную множественность, а также в более абстрактные категории качества, принадлежности, абстрактного действия. Что же касается фреквентативных глаголов, то в них существует еще одна важная черта: связь с отыменными и каузативными глаголами. Так, древнегреческое φορέω «носить» производно, очевидно, не непосредственно от φέρω «нести», а скорее от φόρος «ноша», тот же тип представлен и в каузативном φοβέω «пугать» (φέβομαι «бояться»), а также в лат. doceo «учить», moneo «убеждать».

Другие фреквенталии в глагольном словоизменении суть следующие. 1. Образование личных форм глагола на базе причастий. Так развились, с одной стороны, формы прошедшего времени на базе страдательных причастий в новоперсидском и хинди, с другой — настоящее время в современном иврите. 2. Развитие форм будущего времени из различных источников: с помощью вспомогательных глаголов со значением «хотеть» или «становиться», а также «приходить»; из сослагательного или желательного наклонения; из форм со значением участительного действия и т.д. С другой стороны, и категории косвенных наклонений не являются первичными в языке. Они могут развиваться из простого изъявительного наклонения (таков по происхождению ведический инъюнктив — особая модальная категория, чаще всего употребляемая в запретах; русское условное наклонение происходит из сочетания причастий с вспомогательным глаголом в пошедшем времени), из форм многократного действия, которое переосмыслиется как малорезультативное (в саамском языке суффикс -s- регулярно образует условное наклонение, а иногда — и фреквентативные глаголы). Иногда в той же функции употребляются аффиксы, близкие к именным уменьшительно-ласкательным показателям (так, общетюркский оптатив -*кай*, -*гай* имеет то же происхождение, что и соответствующий уменьшительный суффикс). Особенно интересна фреквенталия — развитие модальных наклонений на базе перфекта. Она имеет место и в тюркских, и в финно-угорских, и в болгарском и албанском языках. В тех контекстах, где перфект не обозначает достигнутого результата, он употребляется в значении действия, которому говорящий сам не был свидетелем, а пересказывает его с чужих слов. Так различаются болг. *избягал* «(говорят, что) он убежал» (перфект) и *избягах* «убежал» (аорист), албан. *erdhi* «он пришёл» (очевидное действие) и *ka ardh* «я слышал, что он пришел». Возможно, в этих балканских языках категория пересказательности развилась под влиянием турецкого, где четко противопоставлены формы *geldi* «он пришел» и *gelmiş* «говорят, что он пришел».

Такое серьезное внимание к категории наклонения в книге Б.А.Серебрянникова, конечно, не случайно. Дело в том, что модальность представляет собой одну из центральных, а вместе с тем и очень непростых черт языка. Понимание того, что действие происходит не в реальности, а в воображении, требует определенной стадии развития абстрактного мышления, умения отделить реальность от воображения. Б.А.Серебрянников показал, каким образом человек выполняет эту задачу и как различные языки отражают процесс развития грамматических категорий. Наиболее абстрактным понятием оказывается будущее время, которое обозначает событие, еще не произошедшее, но должно свершиться с точки зрения говорящего. Именно поэтому оно выражается либо граммемами нереальности и долженствования (время, которое еще не наступило, но должно настать), либо суффиксами ослабленного действия, либо лексемами со значением «становиться, приходить», либо оборотами с инфинитивом, который, как правило, имеет модальное значение. Таким образом, Б.А.Серебрянников реконструировал ряд грамматических изменений: индикатив субъюнктив футурум.

Не меньшее внимание Серебрянников уделил развитию категории залога. Это также одна из важнейших категорий языка, так как она выражает взаимоотношение участников действия, о котором сообщается в предложении. В частности, категория страдательного залога представлена во многих языках мира, но, как показывает их история, она, как правило, является производной. В русском и скандинавских языках страдательный залог часто формируется на базе возвратного, выраженного соответствующими местоимениями (*он умывается* — возвратный залог; *дом строится рабочими* — страдательный). С помощью возвратного местоимения *se* страдательный залог образуется в современных романских языках (испан. *la casa se construe* «дом строится», итал. *i biglietti si vendono* «билеты продаются», румын. *cartea se traduce in limba romina* «книга переводится на румынский язык»). В мордовском языке суффикс *-v-* имеет как возвратное, так и пассивное значение (эзя-морд, *velt à-v-oms* «покрываться», но *lede-v-ems* «быть скошенным»). Часто страдательный залог совпадает по форме с медиальным, т.е. указывающим на то, что субъект обращает действие на самого себя или совершает его в свою пользу. Например, в настоящем времени и перфекте древнегреческого языка медиаль формально не отличается от пассива. В других случаях страдательный залог развивается на базе глаголов со значением состояния: греческий пассивный аорист имеет то же происхождение, что латинские и балто-славянские глаголы состояния на *-ē-*: лат. *timēre* «бо-

яться», *rubēge* «быть красным» — греч. εἶβλῆν «я был побит», но также и статив εἰάβην «я обезумел». Суффикс стативного глагола -i- в балтославянском, по-видимому, имеет то же происхождение, что и суффикс армянского пассива: слав. бѣдитъ — *berim* «я несом». Того же происхождения и индоиранский пассив на -yá-: *budhyáte* «его будят». В других случаях пассивный залог развивается на базе каузативных и участительных суффиксов: древнеиндийский каузативный суффикс -áya-, по-видимому, близок к пассивному -yá-; финские глаголы на -ta- каузативны, но с помощью того же суффикса образуется и безличный пассив: *poltta* «жечь, заставляя гореть» — *sanottaan* «говорится, говорят». Пассивные формы обнаруживают сходство с безличными (*говорят* = *говорится*), так как в обоих случаях подлинный деятель не выражен в глаголе. Явно сходство пассива и перфекта: обе граммы выражают состояние в результате прошлого действия.

И здесь мы сталкиваемся с селективной работой сознания. Страдательный залог сложен тем, что выражает не вполне очевидное положение дел, а именно процесс, описанный с точки зрения не субъекта, а объекта. Поэтому вместо категории действия здесь выступает менее наглядная категория претерпевания. И она выражается с помощью обозначения 1) самонаправленного действия; 2) состояния; 3) результата; 4) каузативности и участительности (обозначающими ослабленное действие); Б.А.Серебренников замечает, что в предложении *Конюх поит коня* конюх по сути не совершает действия, так как пьет сам конь). Изменения во всех этих способах при образовании пассива заключаются в том, что появляется некий внешний сторонний деятель, не включенный в структуру сказуемого (поэтому предложения *дом строится* и *дом строится рабочими* выглядят законченными вне контекста, тогда как предложение *строят дом* вне контекста ущербно).

Философские вопросы наиболее подробно рассмотрены в книге «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление» (1988). Здесь он опять-таки на огромном лингвистическом материале рассматривает типы фонетических и грамматических изменений и их связь с мыслительными категориями. В специальном разделе «Об имманентных законах языка» развивается любимая мысль Б.А.Серебренникова: языковые изменения — это чрезвычайно сложные и разноплановые явления, для которых просто невозможно найти единую причину. Некоторые из них протекают под влиянием внешних факторов (например, в результате языковых контактов и т.д.), а другие обусловлены исключительно внутренними закономерностями. Откуда берутся эти закономерности? И

здесь большую роль играет еще одно любимое понятие Б.А.Серебренникова: лингвотехника. Под этим словом он подразумевает все способы языковых выражений. Они не даются как нечто абстрактное и застывшее, но максимально совершенствуются. Мы уже говорили о требованиях удобства артикуляции как причинах фонетических изменений. В грамматике также действуют законы, связанные с удобством выражения. А эти удобства, в свою очередь, взаимосвязаны с человеческим сознанием. Сознание человека основано на ощущениях, восприятиях и представлениях, которые соединяются в обобщенные образы. Эти ментальные представления и соответствуют единицам языка, и прежде всего словам. Но человек мыслит не отдельными образами, а целыми ситуациями, в которых образы вступают друг с другом в определенные отношения. Эти отношения и выражает грамматика. Таким образом, к грамматике предъявляются требования наилучшим образом передавать отношения предметов мысли. В процессе развития языка иногда технические языковые средства вступают в противоречие с мыслью. И в этом случае оно должно каким-то образом преодолеваться (сниматься, как сказал бы Гегель). Например, большое количество падежей, имевшее, по-видимому, место в праиндоевропейском, подверглось падежному синкретизму благодаря тому, что функции некоторых из них пересекались. Но возникшая таким образом многозначность падежей вступила в противоречие с человеческим сознанием, оказалась неудобной для него, и это противоречие было снято путем развития более однозначных предложных конструкций.

Для понимания связи языка и мышления очень большую роль играет классификация мышления, разработанная Серебренниковым. Он выступил решительным противником точки зрения, согласно которой мышление невозможно без языка. Нельзя сказать, что он был в этом абсолютно оригинален. Один из величайших психологов XX в. Л.С.Выготский (1896–1934) в своей книге «Мышление и речь» обосновал происхождение обеих категорий из совершенно разных источников. Животным свойственны зачатки мыследеятельности; они пользуются сигнальной системой. Но животные не выражают сигналами своих мыслительных операций. Однако некоторые лингвисты, с которыми Б.А.Серебренников полемизировал всю жизнь (например, Р.А.Будагов (1910–2001) рассуждали так: мысль воплощается в слове, следовательно, без слова она невозможна. Делались ссылки на известный «феномен Робинзона»: человек, пробывший несколько лет в полной изоляции, забывает родной язык и теряет способность мыслить. Это бесспорно; но

тем не менее мышление отдельного человека включает в себя как вербальные, так и невербальные компоненты. Борис Александрович выделяет следующие типы авербального мышления.

А. Образное мышление. Оно оперирует не понятиями, а отпечатками конкретных предметов и ситуаций. Образное мышление, по видимому, старше человечества: зоопсихологи находят его зачатки у животных. Запечатлевая в памяти случившиеся с ними события и их фрагменты, животные строят свои ассоциативные модели мира, помогающие им в мире ориентироваться. Образное мышление играет большую роль в художественном творчестве. Именно его принципиальная авербальность сильно затрудняет задачу передать свои образы собеседнику. Выдающийся творец — тот, кто может преодолеть эти трудности.

В. Практическое мышление. Оно направлено на решение вполне конкретных задач, не требующих теоретического осмысления. Это — тоже очень древний тип мышления, возможно, основной для первобытного человека. Именно благодаря ему он мог ориентироваться на местности, изготавливать орудие, заниматься охотой и собирательством. В наше время практически мыслит человек, выполняя хорошо известную ему работу: шофер, ведущий машину, женщина, вяжущая чулок.

С. Авербально-понятийное мышление. В процессе мышления и говорения часто возникают ситуации, когда присутствующее в высказывании понятие не находит адекватного языкового выражения. Например, во многих языках нет категории глагольного вида. Таким образом, тонкие оттенки, выражаемые видовыми суффиксами (завершенность, начинательность, участительность действия и т.д.) не находят адекватного выражения в языке. Но это не означает, что говорящий их не может понять. Категория придаточных предложений — явление сравнительно позднее, в некоторых языках слабо развитое. Но смысловая связь предложений может ощущаться и при простом сочинении: в высказывании *Я живу в доме; дом стоит на берегу реки* ясно, что второе предложение определяет первое.

Д. Редуцированное мышление. Практика человеческой мыслительности такова, что далеко не во всех ситуациях необходимо проговаривать их полное описание. Гораздо чаще достаточно лишь обозначить ключевые моменты ситуации. В этом отношении особенно показательна внутренняя речь. В ней присутствуют единицы, отдаленно напоминающие слова внешней речи, минимально грамматически оформленные, соответствующие целому комплексу слов во внешней речи. Они подчеркнуто предикативны, так как выражают исключительно рему высказывания,

тогда как тема думающим подразумевается. Диалогическая речь отчасти напоминает внутреннюю именно опущением темы.

Е. Мышление, направленное на конкретный результат. Оно близко к образному мышлению и представляет собой попытку предвидения или восстановления определенной ситуации, например, если человек переходит железнодорожный путь и предвидит проезд поезда.

Ф. Лингвокреативное мышление. Как и следует из названия, оно максимально приближено к языку. Это — создание новых слов и понятий на базе языковых средств. В каждом новом слове, как показывает этимология, всегда находится мотивировка, т. е. общие черты, позволяющие связать его со старым. При этом мотивировки в разных языках оказываются совершенно различными. Так, русское слово *заяц* связано с корнем *ghei- «прыгать», немецкое *Hase* — с древневерхненемецким *hasan* «серый», венгерское диалектное *füles* — *fül* «уха». Мотивировки касаются не только лексики, но и грамматики. Так, особый падеж партитив развивается (в финно-угорских языках), как правило, на базе аблатива. В русском языке такого падежа нет; он исчез в праславянскую эпоху. Поэтому здесь партитивность развилась на базе генитива.

Именно наличие множественности мотивировок и особенности лингвокреативного мышления придают языку его глубокое своеобразие. Примечательно, что в разных языках существуют грамматические категории, выражающие довольно важные смыслы, но отсутствующие в других. Например, в большинстве европейских языков нет категории неочевидности и пересказательности; однако в контексте неочевидность события, о котором сообщает высказывание, может быть весьма ясной. И тем не менее отсутствие единого слова или граммы для выражения того или иного смысла следует считать недостатком лингвокреативного мышления. В процессе языкового развития такие недостатки могут быть преодолены.

Большое внимание Б.А.Серебренников уделял типологии. Собственно говоря, те его исследования в области общей исторической фонетики и грамматики, о которых речь уже шла, имеют отношение к типологии, так как моделируют общую теорию языковых изменений. Но у него есть работы, посвященные специальным проблемам типологии. Так, Борис Александрович занимался проблемами типологических импликаций (явление *A* в языке предполагает наличие явления *B*). В его книге «Вероятностные обоснования в компаративистике» (1974) приводится значительный список статических и динамических импликаций в области фонетики и грамматики. Приведем несколько. Долгие гласные чаще быва-

ют закрытыми, а краткие — открытыми. В эргативных языках, как правило, отсутствует страдательный залог. Наличие перфекта, как правило, предполагает наличие и плюсквамперфекта (статические импликации). Ротацизм звука *z* связан с увеличением количества спирантов. Сужение гласных влечет за собой и редукцию некоторых из них. Специально рассмотрены структурные аномалии, например асимметрия падежных форм (т.е. несовпадение падежных окончаний единственного и множественного числа), которая может свидетельствовать о существенной перестройке падежной системы, ее трансформации из симметричной. Но в специальной работе Б.А.Серебренников отметил, что типология не может быть только имплицативной. Между фонологией и системой времен в языке едва ли можно найти параллели, свидетельствующие об их взаимовлиянии. Таким образом, импликации — необходимая, но недостаточная составляющая типологических штудий.

Довольно нетривиален был взгляд Б.А.Серебренникова на эргативную конструкцию предложения. Вопреки мнению о том, что эргативный строй — это особая стадия и чуть ли не необходимый этап в развитии языка, Б.А.Серебренников полагал, что эргативная конструкция предложения — это разновидность номинативной, возникшая в тех языках, которые утратили морфологическое различие субъекта и объекта действия. Эргативная флексия — это способ маркировки деятельного субъекта в предложении. Этому служат и серии субъектных и объектных показателей в глаголе.

Итак, что же такое язык по Б.А.Серебренникову? В его многочисленных книгах и статьях вырисовывается следующая картина. Язык — это чрезвычайно сложная многоуровневая система, подвергающаяся постоянным изменениям, обусловленным самыми разными факторами, как внешними, так и внутренними. К последним относятся, с одной стороны, удобство в произношении, с другой — адекватное воспроизведение действительности. Поэтому языковые изменения отражают приспособление языка к мысли, работу мысли над освоением мира.

Осталось сказать несколько слов о наследии Б.А.Серебренникова. Как финно-угровед он пользуется заслуженной известностью во всем мире. Его работы по истории отдельных уральских языков и целых языковых групп, вне всякого сомнения, составили целую эпоху. Но, к сожалению, его штудии в области теории исторического языкознания оказались во многом забыты. Автору этих строк неоднократно приходилось сталкиваться на международных конференциях с тем, что докладчики высказывали мысли, близкие к идеям выдающегося русского лингвиста,

но совершенно не знали его работ. Пропаганда идей Бориса Александровича — задача русских лингвистов.

Литература

Основы финно-угорского языкознания. — М., 1974. — Т. 1. — 484 с.; 1975. — Т. 2. — 337 с.; 1976. — Т. 3. — 464 с.

Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. — М., 1978. — 328 с.

Основные работы Б.А.Серебренникова

Серебренников Б.А. Категории вида и времени в финно-угорских языках пермской и волжской группы. — М., 1960. — 300 с.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. — М., 1964. — 391 с.

Серебренников Б.А. Система времен татарского глагола. — Казань, 1964. — 76 с.

Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности языковой системы. — М., 1968. — 127 с.

Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974. — 352 с.

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языковой действительности. — М., 1983. — 319 с.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. — М., 1988. — 247 с.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительная грамматика тюркских языков. — М., 1979. (2-е изд. — 1986). — 304 с.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительная грамматика тюркских языков. — М., 1983. — 284 с.

Основная литература о Б.А.Серебренникове

Н.Д.Арутюнова, Е.С.Кубрякова, Ю.С.Степанюк. Академик Б.А.Серебренников (к 70-летию со дня рождения) // Известия АН СССР СЛЯ. — М., 1985. — № 4. — С. 246–247. БСЭ, 1976. — Т. 23. — С. 297. — Стлб. 878.

Красухин К.Г. Серебренников как компаративист // Вопросы филологии. М., 2000. — № 3(6). — С. 5–13.

Широков О.С. Борис Александрович Серебренников (1915–1989) // Вестник Московского университета, сер. 9 «Филология». М., — 1989. — № 4. — С. 71–74.

В.В.Потапов

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ СИДОРОВ

Известный русский языковед и педагог, Владимир Николаевич Сидоров (4 (17) декабря 1903, Рязань — 29 марта 1968, Москва) — специалист по истории русского языка, описательной и исторической фонетике и фонологии, орфоэпии, диалектологии, теории лингвистической географии и орфографии русского языка. Наряду с Р.И.Аванесовым, П.С.Кузнецовым, А.А.Реформатским, А.М.Сухотинным он являлся одним из создателей Московской фонологической школы (МФШ).

Владимир Николаевич Сидоров родился в семье педагога (впоследствии его отец - Николай Павлович Сидоров — преподавал древнерусскую литературу и фольклор в МГПИ им. В.П.Потемкина). Родом Владимир Николаевич был из интеллигентной семьи. Дедушка по материнской линии был священником и преподавал в духовной семинарии в Рязани еще И.П.Павлову. Владимир Николаевич имел брата, Бориса Николаевича, известного генетика, ученика А.С.Серебровского, и сестру, Ольгу Николаевну Комову, челюскинку. В.Н.Сидоров был широко образованным человеком и интересным собеседником. Он прекрасно знал поэзию, театр, музыку и живопись.

В 1921 г. В.Н.Сидоров поступил в 1 Московский университет на этнологический факультет (отделение литературы и языка, цикл русского и славянских языков). Слушал лекции, которые читали ученики Ф.Ф.Фортунатова (основателя и главы Московской лингвистической школы) — Н.Н.Дурново, М.Н.Петерсон, А.М.Пешковский, Д.Н.Ушаков и близкий к Московской школе А.М.Селищев. В.Н.Сидоров становится последователем этой школы. В своих трудах он

неизменно проводит в жизнь основное ее положение: язык — это система.

Будучи студентом, В.Н.Сидоров принимает участие в диалектологических экспедициях в Воскресенский и Можайский уезды Московской губернии, организованных Постоянной комиссией по диалектологии русского языка АН СССР, членом которой он избирается в 1927 г. Результатом поездок была квалифицированная (дипломная) работа «Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Ореховской волости Можайского уезда Московской губернии».

В 1926 г. окончил 1-й Московский университет. Работал научным сотрудником Государственного музея Центральной промышленной области, старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института языкознания (Москва), Арктического института ГУСМИ в Красноярске, Института русского языка и Института языкознания АН СССР (Москва), преподавателем и доцентом Московского и Красноярского педагогических институтов, а также Московского университета. Наряду с этим он участвовал в этнографических и диалектологических экспедициях, изучал говоры рязанской Мещеры и переходные говоры Тульской области, выступал с докладами — отчетами на заседаниях Постоянной комиссии. В 1944 г. защитил кандидатскую, в 1963 г. — докторскую диссертацию.

С 1927 по 1931 г. В.Н.Сидоров в соавторстве с Р.И.Аванесовым и Л.Б.Перельмуттером пишет и издает учебники и пособия для общеобразовательных курсов, школ молодежи и педагогических техникумов. В 30-х годах Владимир Николаевич совмещает собственно научную работу в Научно-исследовательском институте языкознания (в секторе истории русского языка и секторе по изучению грамматики и типологии языков народов СССР) с преподаванием в Редакционно-издательском институте и в МГПИ им. В.П.Потемкина.

Во время войны В.Н.Сидоров с семьей эвакуируется в Красноярск. В 1944 г. Владимир Николаевич возобновляет педагогическую работу в МГПИ им. В.П.Потемкина и в этом же году поступает в Институт русского языка АН СССР, где работает вначале в секторе диалектологии, а затем в секторе истории русского литературного языка.

Лингвистические интересы В.Н. Сидорова были широки и разнообразны. Анализируя звуковой строй современного русского языка, Владимир Николаевич Сидоров вместе с Рубеном Ивановичем Аванесовым заложили основу МФШ.

По словам В.Н.Сидорова, он и другие московские фонологи при разработке своей теории исходили из идей Н.Ф.Яковлева и Г.Г.Шпета и не испытывали влияния Ф. де Соссюра. Владимир Николаевич считал, что в «Курсе общей лингвистики» Соссюра фонетика в основном изложена традиционно, новым является только определение фонемы. С якобсоновским определением фонемы как пучка различительных признаков В.Н. Сидоров не соглашался, так как эти признаки при функционировании языка, если оставаться в его пределах, не являются очевидными: *cor, бор, пор*. Различия по месту, способу образования и т.д. становятся очевидными, если анализировать звук с позиции физиологии (Борунова, 1996).

В группу молодых лингвистов, назвавших себя «Новомосковской школой» (термин А.А.Реформатского), в отличие от Московской школы Ф.Ф.Фортунатова, входили (кроме Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова) П.С.Кузнецов, А.А.Реформатский и А.М.Сухотин.

Фонологическая теория МФШ была следствием практической деятельности Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова, их успешных попыток представить фонетическую (звуковую) сторону русского языка как систему. В этой работе большую роль сыграли их занятия диалектологией. Будучи участниками антропологической экспедиции по изучению Нижегородско-Вятского края, Р.И.Аванесов и В.Н.Сидоров объездили огромные пространства. Результатом поездок было описание фонетики северного Поветлужья, которое стало одним из подступов к созданию фонологической теории (Аванесов, Сидоров, 1931).

Чисто фонологические взгляды московских лингвистов, по воспоминаниям В.Н.Сидорова и А.А.Реформатского, во многом оформились под влиянием одного из крупнейших лингвистов — востоковеда Н.Ф.Яковлева, работавшего в те годы в комитете по созданию алфавитов для бесписьменных языков народов СССР. В статье «Реформа орфографии...» было дано обоснование фонемы как знака, обладающего смыслоразличительной функцией.

Позже в «Очерке грамматики русского литературного языка» (Аванесов, Сидоров, 1945) в разделе «Фонетика» Р.И.Аванесов и В.Н.Сидоров дали толкование фонем и системы фонем. Были сформулированы понятия фонетической позиции (т.е. положения фонемы в слове), сильной и слабой позиции, даны определения видоизменений (модификаций) фонемы. В дальнейшем В.Н.Сидоров пришел к необходимости выделения так называемой гиперфонемы в тех случаях, когда звук в слабой позиции не чередуется со звуком в сильной позиции, так, в слове собака — гиперфонема о/а. В

свое время за идею гиперфонемы его и Р.И.Аванесова обвинили в агностицизме, «...как будто они говорили о непознаваемости фонемы» (Борунова, 1996: 77). В последующие годы фонологическая теория МФШ получила широкое признание и распространение.

Важные положения теоретических взглядов Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова на систему фонем русского языка представлены в их работе «Система фонем русского языка», которая была составной частью «Очерка грамматики русского литературного языка» (1945) (Аванесов, Сидоров, 1970б).

В этой работе дается определение фонемы: «...самостоятельные звуковые различия, которые служат знаками различия слов языка, называются фонемами; звуковые же различия несамостоятельные представляют собой видоизменения этих фонем в определенных фонетических условиях» (Аванесов, Сидоров, 1970б: 249). Фонема выступает не обязательно в каком-то одном звучании, а в ряде звучаний, которые представляют собой ее разновидности. Каждая фонема проявляется в определенных разновидностях, и каждая из таких разновидностей выступает в строго определенных фонетических условиях.

Разновидности одной фонемы взаимно исключают друг друга в одной и той же позиции и, наоборот, взаимно замещают друг друга в разных позициях. Следовательно, одна разновидность данной фонемы по отношению к другой разновидности той же фонемы не может выступать в качестве знака для различения слов. Поэтому слова могут различаться только разновидностями одной фонемы по отношению к разновидностям других фонем.

Различия между разновидностями фонемы обусловлены фонетическим положением, т.е. фонетической позицией, которая определяет в каждом конкретном случае наличие одной определенной разновидности фонемы. Данные разновидности зависят от условий сочетаний звуков (например, от положения фонемы перед или после определенных звуков) или от положения фонемы в слове (например, в начальной или конечной позиции слова, в ударном или безударном слоге).

Фонетическая обусловленность разновидностей фонемы в разных позициях неодинакова: в одних позициях обусловленность бóльшая, в других — меньшая. Позицию наименьшей обусловленности авторы называют «сильной», в отличие от других позиций, которым присваивается название «слабые».

Фонема всегда обозначена по своему основному виду, а остальные ее разновидности можно рассматривать в качестве видоизменений ос-

нового вида фонемы. Авторы определяют совокупность этих видоизменений, выступающих в слабых позициях, как модификации фонемы.

Эти модификации фонем по своей функции, т.е. по той роли, которую они играют в системе знаков для различения слов, подразделяются на два типа — вариации и варианты.

Вариации — это такие обусловленные позицией модификации основного вида фонемы, при которых не происходит совпадения в одном звучании конкретной фонемы с какой-либо другой. Вариация — это позиционно обусловленный звуковой синоним основного вида фонемы.

Варианты — это позиционно обусловленные модификации фонемы, которые не различаются с какой-либо другой фонемой (или фонемами), совпадая с ней (или с ними) в своем качестве. Вариант выступает в роли заместителя двух или более фонем, не различающего функции совпавших фонем.

Задача последовательного, целостного описания фонетической системы решается во многих фонетических работах, посвященных как литературному языку, так и диалектам. При таком описании пришлось развернуть и систему основных фонологических понятий. В работах Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова впервые вводится и последовательно применяется понятие нейтрализации фонем. Это понятие в его эксплицитной форме еще не присутствовало в работах Н.Ф.Яковлева, прямого предшественника МФШ. Понятие нейтрализации повлекло за собой разграничение вариаций и вариантов фонем, что явилось очень важным открытием, по которому и всю теорию МФШ называют «теорией вариантов и вариаций». В редакции, которая была создана Р.И.Аванесовым и В.Н.Сидоровым, а также А.А.Реформатским, Сухотиным и П.С.Кузнецовым, эта теория стала применяться для анализа и последовательного описания различных фонетических систем.

Еще Бодуэн де Куртенэ понимал грамматику широко — «как рассмотрение строя и состава языка (анализ языков)», относя к ней и фонологию. «Сообразно постепенному анализу языка, — говорил Бодуэн де Куртенэ, — можно разделить грамматику на три большие части: 1) фонологию (фонетику), или звукоучение; 2) словообразование в самом обширном смысле этого слова и 3) синтаксис» (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 63–64). Н.С.Трубецкой считал фонологию также частью грамматики: «...фонология как учение о функциях звуковых противопоставлений представляет собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать функции противопоставления лингвистических значимостей, причем все отрасли этой науки применяют одинаковые методы ис-

следования. Направление, в котором разрабатывает теорию звуков так называемая «фонологическая школа», предполагает аналогичный подход к остальным частям теории языка, предполагает новую, структурную теорию языка» (Trubetzkoy, 1937: 151).

В своей книге «Очерк грамматики русского литературного языка» Р.И.Аванесов и В.Н.Сидоров, объединив в разделе грамматики морфологию и синтаксис, поместили в название книги наряду с термином «грамматика» и фонетику (с учением о фонемах) (Аванесов, Сидоров. 1945). Во введении к академической «Грамматике русского языка», также включавшей кроме морфологии и синтаксиса — разделов грамматики, еще и фонетику, Л.В.Щерба и В.В.Виноградов писали: «Фонетика, как учение о звуковой системе и звуковых изменениях языка, связана как с лексикой (или лексикологией), так и с грамматикой... Поэтому фонетику можно было бы рассматривать как особую языковедческую дисциплину, смежную с грамматикой и лексикологией. Однако фонетика, изучающая звуковой строй языка, оказывается особенно тесно связанной с грамматикой и обычно рассматривается в ее составе в качестве особого раздела» (Грамматика русского языка, 1953: 14).

Другим видом практической деятельности, сыгравшей большую роль в выработке этой теории, была работа ученых в редакционной комиссии по русской орфографии. В 30-х годах выдвигались один за другим проекты усовершенствования русской орфографии. Орфографические решения, принятые в 1917 г., обладали одним общим недостатком: не обоснованные целостной лингвистической теорией, внутренне противоречивые, они страдали явной эклектичностью и имели много недочетов.

В это время была опубликована статья Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова «Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка» (1930), в которой были впервые изложены основные положения МФШ как по теории орфографии, так и по фонологии. Авторы впервые формулируют основной принцип русского письма: русская орфография фонематична. Как пишут авторы: «Фонологическое письмо отвечает социальной природе языка, потому что оно передает не звуки в отрыве от их значения, а фонемы. Поэтому фонологическое письмо в отличие от фонетического основано не на соответствии буквы и звука, а на соответствии буквы и фонемы» (Аванесов, Сидоров, 1970а: 151)

Ее совершенствование и привнесение в нее большей последовательности связано с усилением фонематического принципа. Соавторы орфографической реформы утверждают, что «...проект о новом правописании

сании ясно показывает его преобладающий морфологический (фонологический) характер. При дальнейшей разработке морфологический принцип должен быть проведен более последовательно, так как только этот принцип может быть положен в основу рациональной орфографии» (Аванесов, Сидоров, 1970а: 156).

Исходя из этого принципа, и делается ряд предложений. Вопрос о том, нужна ли и своевременна ли реформа орфографии, решают не только лингвисты, но общество в целом. Но если реформа окажется реальностью, то в таком случае будут реализованы выдвинутые в 1930 г. соответствующие предложения.

Проблемы упорядочения русской орфографии привлекали В.Н.Сидорова и позже, в частности, им написана в 1953 г. в соавторстве с И.С.Ильинской статья «Современное русское правописание» (Ильинская, Сидоров, 1953).

Последние несколько лет своей жизни Владимир Николаевич отдал наиболее любимой им исторической фонетике русского языка. Значительный интерес представляют его работы по исторической фонетике — книги «Из истории звуков русского языка» (Сидоров, 1966) и вышедшая посмертно «Из русской исторической фонетики» (Сидоров, 1969).

Историческая проблематика получила освещение и в таких работах В.Н.Сидорова, как «Предисловие» к книге А.Вайана «Руководство по старославянскому языку» (Сидоров 1952), «Редуцированные гласные *ѣ* и *ь* в древнерусском языке XI в.» (Сидоров, 1953), «О предупредительных гласных в говоре Москвы XVI в.» (Сидоров, 1965) и др.

Из воспоминаний С.Н.Боруновой: «В пору моего знакомства с В.Н. он работал над вопросами исторической фонетики. Интерес к истории языка, сохранившийся у В.Н. на протяжении всей жизни, по его словам, определился уже в университете. Тогда курса современного русского языка еще не читали вообще, а преподавание истории языка имело глубокую традицию. Но лингвистом, как считал сам В.Н., он стал случайно: в юности он увлекался многим, увлекся как-то и палеографией. Это привело его в Московский университет на этнологический факультет (отделение языка и литературы), где он заинтересовался лекциями А.М.Селищева...» (Борунова, 1996: 74).

Первая книга «Из истории звуков русского языка» (Сидоров, 1966) получила признание и высокую оценку как у отечественных филологов, так и за рубежом. Содержание данного труда составляют следующие вопросы: редуцированные гласные *ѣ* и *ь* в древнерусском языке XI в.; из истории сочетаний типа **t ъ r t ъ* в русском языке (возникновение мяг-

кости *r'* перед задненебными и твердыми губными согласными); умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье; об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах.

По замечанию самого автора, эта работа представляет собой ряд очерков, между которыми на первый взгляд кажется трудно уловить связующее их единство. Однако каждый из этих очерков и все они по своей совокупности объединяются вокруг одной общей проблемы, которая здесь не решается, но решение которой возможно только после рассмотрения вопросов, поставленных в данной работе. Эта объединяющая все эти очерки проблема, одно из центральных и вместе с тем наиболее сложных проблем исторической фонетики русского языка, — переход *e* в *ʹo* перед твердыми согласными.

В первом очерке «Редуцированные гласные *ѣ* и *ь* в древнерусском языке XI в.» Владимир Николаевич убедительно показал, что в XI в. *ѣ/ь* еще отличались от *o/e*, падение редуцированных шло через стадию сосуществующих систем («полный стиль», где есть редуцированные, и «беглая речь», где редуцированные отсутствуют) путем генерализации второй системы. Следы падения редуцированных и их совпадения с *o/e* в памятниках письменности до XII в. — не обязательно «македонизмы», а черты второго стиля (Сидоров, 1966: 66). Здесь, как и во всей книге, В.Н.Сидоров отстаивает линию Соболевского -Васильева, линию доверия к памятникам письменности.

Во втором очерке «Из истории сочетаний типа *t ѣ r t* в русском языке (возникновение мягкости *r'* перед задненебными и твердыми губными согласными)» В.Н.Сидоров нашел простое решение вопроса о мягкости *r'* перед задненебными и твердыми губными согласными. Он показал при этом, что вообще в русском языке и его говорах позиция перед зубными является позицией неразличения для категории мягкости всех зубных (в том числе и *r*) в отличие от позиции перед задненебными и губными. Иными словами, отсутствие мягкости в словах типа зерно объясняется позднейшим отвердением, как, например, в словах типа *бедный* (< *b'ĕd'ьпъjъ); этот тип слов следует отличать от слов *вер'ба*, *цер'ковь*, *вер'х* (ср. также *редька*, *деньга*, *тьма* и т.п.). Тем самым В.Н.Сидоров убедительно доказал исконную последовательность смягчения *r* в прежних сочетаниях типа *t ѣ r t* (Сидоров, 1966: 4—48).

Во втором и третьем очерках — «Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье» и «Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах» — Владимир Николаевич показывает, что среднерусское умеренное яканье произошло из ёканья север-

норусских говоров, и рисует возможные пути развития иканья. Убедительность данной гипотезы подкрепляется тем, что гипотетически предсказываемые В.Н.Сидоровым разновидности умеренного яканья были уже обнаружены как реально существующие (Журавлев, 1968).

Значение данной книги выходит далеко за пределы вышеупомянутых проблем: здесь решается ряд важнейших вопросов русской диалектологии и исторической фонетики — происхождение средневеликорусских говоров, относительная хронология перехода $e > 'o$, судьба $*e$, $*b$, $*\dot{e}$ перед мягкими и твердыми согласными, судьба $*e$ перед двумя согласными, генезис второго полногласия, причины перехода $t\ b\ r\ t > t\ \bar{o}\ r\ t$, передвижка границы слога в связи с падением редуцированных, различие ассимилятивных процессов у категории мягкости и звонкости и многое другое. По мнению В.Н.Журавлева, «каждый вопрос, каждое новое положение, выдвигаемое автором, обосновано и связано с другими вопросами, обсуждаемыми в книге, одно положение как бы само собой вытекает из другого, из всей книги в целом» (Журавлев, 1968: 131).

Значение книги заключается в том, что В.Н.Сидорову удалось в ней поставить центральную проблему русской исторической фонетики. С позиции В.Н.Сидорова, это проблема перехода $e > 'o$ перед твердыми согласными. Окончательно данная проблема в книге не выясняется, но решение подготавливается рассмотрением поставленных здесь задач.

Каковы же перспективы решения данной проблемы и почему именно эта проблема является действительно центральной в истории русского языка.

В данной книге В.Н.Сидоров, вопреки мнению акад. А.А.Шахматова, развивает положение, согласно которому переход $e > 'o$ представляется явлением не дописьменной, а более поздней эпохи, когда в результате падения слабых редуцированных появились закрытые слоги и нарушился принцип слогового сингармонизма.

Следовательно, переход $e > 'o$ — процесс, имевший место лишь после падения редуцированных гласных. Основанием для такого заключения служит предпосылка о последовательности осуществления принципа слогового сингармонизма в древнерусском языке (именно поэтому так важно было доказать последовательность смягчения r из прежних сочетаний типа $t\ b\ r\ t$). Разрушение сингармонизма связано с падением редуцированных. Поэтому переход $e > 'o$, противоречащий принципу сингармонизма, и «следует относить ко времени после утраты редуцированных гласных» (Сидоров, 1966: 4). Вот почему для В.Н.Сидорова столь важно еще раз уточнить абсолютную хронологию процесса паде-

ния редуцированных, относительную хронологию процесса $e > 'o$, т.е. еще раз обсудить те явления, которые так или иначе связаны с этим процессом, а главное — еще раз проверить возможные связи данного процесса с яканьем и иканьем.

Таким образом, русский переход $e > 'o$, как и генезис умеренного яканья, являются лишь проявлением внутреннего процесса распада группового сингармонизма, группофонем, процесса формирования автономных согласных и гласных фонем (прежде всего — процесса формирования категории мягкости согласных в русском языке). Процесс перехода $e > 'o$ и процесс падения редуцированных равноправны, это два проявления одной и той же более общей тенденции. «Поэтому совершенно прав В.Н.Сидоров, ставя процесс $e > 'o$ во главу угла истории русского языка, ибо падение редуцированных — процесс общеславянский, процесс же $e > 'o$ — собственно русский (даже в украинском языке специфика перехода $e > 'o$ несколько иная, распространенность — меньшая; не случайно и категория мягкости согласных там имеет несколько иной характер — отверждение согласных перед гласными переднего ряда, совпадение $*j$ и $*y$, отверждение губных перед задним гласным из прежнего переднего — *mjáco* и т.п.)» (Журавлев, 1968: 133).

Принцип умеренного яканья состоит в том, что в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъема перед твердыми согласными произносится [а], а перед мягкими — [и] ([и] произносится также и перед группой согласных, последний из которых является мягким — например, *л[’икл’]и́*, в *в[’идр’]и́*, *з[’имл’]я*, *с[’истр’]и́* — это, по всей вероятности, может быть объяснено тем, что согласные, находящиеся перед мягким, являются хотя и не палатализованными, но полумягкими (Дурново, 1903) или просто нейтральными (невеляризованными) (Сидоров, 1966: 139).

Возникновение умеренного яканья в исторической фонетике принято объяснять наслоением недиссимилятивного аканья-яканья на окающую модель владими́ро-поволжского типа. Эта концепция, предложенная Е.Будде (Будде, 1896) еще в 1896 г., получила развитие в работах В.Н.Сидорова (Сидоров, 1951; 1966).

Как полагал Е.Будде, а вслед за ним и В.Н.Сидоров, современные диалекты с умеренным яканьем (по крайней мере, та их часть, которая расположена на границе с окающими владими́ро-поволжскими говорами) были изначально севернорусскими говорами с произношением [о] перед твердыми согласными и [е] перед мягкими на месте $*e$ и $*ь$, так и $*Б$ (т.е. *л[’ос]и́*, *в[’ол]и́* и в *л[’ос]и́*, *р[’ок]и́* при *л[’ес]и́*, *р[’ек]и́*). Под

влиянием акающей модели, в которой безударное [o] отсутствует, в этих диалектах стали произносить [a] на месте любого [o], в том числе и после мягких согласных (а также [и] на месте [e]): т.е. *n[’ac]ú, v[’al]á* и в *л[’ac]ú, р[’ак]á* при *н[’ис]ú, р[’ик]ú*. «В результате образовался говор, представляющий собой по существу акающий слепок, отлитый по окающей модели» (Сидоров, 1966: 105). Однако такая система еще не есть умеренное яканье, так как во владими́ро-поволжских говорах этого типа (в отличие от северо-восточных — костромских, вологодских, архангельских) на месте предударного /a/ произносится [a] как перед твердым, так и перед мягким согласным (*n[’a]так, n[’a]ти*), а в говорах с умеренным яканьем в словах типа *преди, пяти, в грязи, глядят* предударная /a/ реализуется звуком [и] ([п’ит’у]). Этот факт, как и разнообразные диссимилятивные модели, приходится объяснять аналогичным выравниванием: «В результате замещения предударного [e] (из старых *e* и *ь*) гласною [и] эта последняя в положении между мягкими согласными получила огромное численное преобладание над относительно редкой здесь гласной [’a]. Это, по всей вероятности, и послужило причиной постепенного вытеснения редкого звука [’a] наиболее частым и привычным в данном положении звуком [и]. Иными словами, система современного умеренного яканья образовалась в результате обобщения гласной [и] между мягкими согласными, поскольку в говорах с первичным умеренным яканьем гласная [’a] произносилась в предударном слоге между мягкими согласными только в соответствии с этимологическим [’a], во всех же прочих случаях произносилось [и]» (Сидоров, 1966: 108).

По мнению некоторых современных диалектологов, слабым местом предложенной интерпретации умеренного яканья как наслаением недиссимилятивного аканья-яканья на окающую модель именно владими́ро-поволжского типа является то, что говоры с последовательным произношением безударного [’o] на месте Ъ встречаются достаточно редко (по сравнению с умеренно якающими говорами), при этом реализация Ъ как [’o] в значительной степени лексикализована (Скобликова, 1962), умеренное же яканье распространено на довольно широкой территории, включая говоры Московской и Тульской областей, не связанные с владими́ро-поволжскими говорами географически. И в восточной части территории распространения умеренно-якающих диалектов «говоры с различием гласных владими́ро-поволжского типа нигде (кроме небольшого пространства около Касимова) непосредственно не граничат с умеренным яканьем» (Образование... 1970: 342). Кроме того, «современные процессы перехода от вокализма с различием гласных к вокализму

с неразличением этих же гласных не ведут к формированию умеренного яканья... От вокализма с различением гласных владими́ро-поволжского типа обычно наблюдается переход к еканью и иканью» (Образование... 1970: 342).

Поэтому некоторыми диалектологами предполагается, что умеренное яканье является просто результатом действия в говоре с сильным аканьем-яканьем тенденции к зависимости качества предударного гласного (в том числе и реализаций /а/) от твердости/мягкости последующего согласного, а не наложением аканья на какую-то определенную модель окающего вокализма после мягких согласных (хотя в говорах, соседних с владими́ро-поволжскими, развитие умеренного яканья могло быть поддержано наличием сходной модели безударного вокализма после мягких согласных). Взгляды на возможность происхождения умеренного яканья вне связи с влиянием владими́ро-поволжской модели безударного вокализма изложены в таких работах, как например, (Дурново, 1918). Считается, что такая интерпретация механизма возникновения умеренного яканья совершенно не противоречит общей идеологии гипотезы В.Н.Сидорова (Князев, 2001).

Вторая книга «Из русской исторической фонетики» (Сидоров, 1969), посвященная истории вокализма русского языка, была выполнена В.Н.Сидоровым в Секторе истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР и утверждена к печати ученым советом Института в декабре 1967 г. Данный труд является естественным продолжением занятий Владимира Николаевича в этой области. Рассматриваемые в ней вопросы касаются процессов, относящихся к русскому языку в целом.

Подготавливая книгу к печати, Владимир Николаевич работал над ее рукописью буквально до последних дней жизни. Он не успел полностью ее закончить. Впрочем, как писали его современники (Сидоров, 1969: 3–4), поставить точку Владимиру Николаевичу всегда было трудно. Разрешение одной задачи влекло его творческую энергию к разрешению других, еще более сложных задач, к проникновению в еще большие глубины изучаемого явления, и вопрос, который, казалось, был уже полностью исчерпан, получал подчас еще какое-то дополнительное освещение, какой-то новый поворот. Так было и когда он писал, и когда говорил, с присущей ему страстностью и безупречной логикой, выдвигая все новые и новые аргументы в пользу того или иного положения.

Первая работа в этой книге была издана в том виде, как она была подготовлена автором. Она начинается с возражения С.И.Коткова про-

тив гипотезы автора о происхождении умеренного яканья в средневековых говорах, начинается сразу, без всякого вступления и предварительного напоминания основных положений этой гипотезы. «Для В.Н.Сидорова, страстного полемиста, не оставлявшего без внимания ни одного критического замечания, касавшегося его работ, такое начало характерно. Он должен был прежде всего ответить своему оппоненту, найти новые подтверждения своих положений или же отказаться от них. Повторять же самого себя, писать о том, что уже было им сказано, ему было неинтересно» (Сидоров, 1969: 3–4).

В книге рассматриваются важные проблемы исторической фонетики русского языка: изменение предударного *e* и *и* в акающих говорах; два пути образования умеренного яканья из ёканья; о некоторых случаях изменения предударного *e* и *и* в русских говорах; утрата фонемы Ъ южно-русским наречием; утрата фонемы Ъ владими́ро-поволжскими говорами; к вопросу о языке протопопа Аввакума; волоколамское ёканье по грамотам XV–XVIII вв.; о времени перехода города Москвы к аканью; ёканье в южнорусском наречии XVII в.; об одном случае позиционно не обусловленного изменения гласной в севернорусских говорах.

Данные о времени перехода от еканья к иканью в литературном произношении (на стыке XIX–XX вв.) Владимир Николаевич получил от Д.Н.Ушакова: Ф.Ф.Фортунатов и Ф.Е.Корш еще екали, а их ученики — Д.Н.Ушаков, Н.Н.Дурново, Н.Н.Соколов — уже икали, и Ф.Е.Корш шутливо дразнил их питухами (то есть не только икальцы, но и выпивохи) (Сидоров, 1969). Существующие объяснения причин перехода к иканью В.Н.Сидорова не удовлетворяли. К неубедительным предположениям он относил неправильное представление о том, что еканье сменилось иканьем в результате усилившейся в XIX в. редукции гласных, поскольку *e* и *и* — гласные полного образования и *и* не может быть результатом редукции *e* (Борунова, 2000).

Владимир Николаевич живо интересовался историей формирования московского говора, на основе которого сложилось русское литературное произношение. По многим лингвистическим вопросам он имел свое мнение, сложившееся в результате собственных наблюдений и размышлений, нередко не совпадавшее с утвердившимися в науке положениями. Так, В.Н.Сидоров не разделял предположения А.А.Шахматова о том, что в Москве XIV–XV вв. социальное расслоение населения было связано с расслоением диалектным (одни окали, другие акали): высшие классы употребляли севернорусское наречие, а низшие классы — восточнорусское. Р.И.Аванесов упоминал еще и о культурном неравенстве

между окальщиками и акальщиками. Владимир Николаевич считал, что «культурного и социально-экономического превосходства окальщиков над акальщиками не было», и сомневался, что так вообще бывает (Борунова, 1996).

В.А.Богородицкий полагал, что помимо политических причин, обусловивших определяющую роль московского говора в истории русского литературного языка, существует и собственно языковая: умеренное по своим фонетическим особенностям московское наречие представляет собой средний звуковой тип между русскими диалектами.

С позиции В.Н.Сидорова, роль Москвы в формировании литературного произношения определялась исключительно внеязыковыми причинами: «средний звуковой тип» московского говора продиктован исторически сложившимися условиями и географическим положением Москвы. До XVI в. говор Москвы представлял собой типичный северный говор, в котором не отмечалось признаков южного варианта произношения (прежде всего аканья и др.). Преобразование этого северного говора произошло в течение относительно короткого периода на стыке XVI–XVII вв. В результате внутренней политики Ивана Грозного окающее население Москвы и близлежащих территорий значительно сократилось. Позже в данную местность стали интенсивно приезжать представители акающего произношения. Их количество по сравнению с предшествующими эпохами значительно возросло. Данный факт и определил последующее закрепление и развитие в Москве умеренного аканья, так как принцип аканья проще принципа оканья: не различать в произношении *o* и *a* (*вода* — *трава*) проще, чем различать. Казалось бы, возможно только одно направление эволюции фонетической системы — от оканья к аканью. Но если бы Москва, будучи столицей, находилась не на границе с акающими говорами, а в сплошном окружении северных говоров, то вполне допустимо, что литературным считалось бы окающее произношение, чоканье или цоканье, а аканье, в свою очередь, — диалектным.

С.Н.Борунова пишет: «Отводя Москве, а не Петербургу определяющую роль в формировании литературного произношения, Владимир Николаевич ссылался на то, что старомосковское произношение опиралось на живую речь «московских просвирен», в то время как Петербург не имел никакой диалектной основы. Если в Петербург Штольцы и Адуевы съезжались отовсюду, то московская интеллигенция в большинстве своем состояла из коренных москвичей: Грановский, Огарев, Станкевич, Ключевский выросли в Москве и прожили

всю жизнь рядом с Московским университетом. В отличие от Москвы Петербург, имея пестрое по составу население, не мог задавать тон в образовании литературного произношения. Для выработки единой орфоэпии он должен был сам искать опору вне своей языковой среды и находил ее в произношении второй столицы — Москвы, а также в ориентации на книжную речь» (Борунова, 1996: 75).

Существующие объяснения причин распространения иканья в Москве Владимира Николаевича не удовлетворяли. Так, Л.В.Щерба считал, что после усиления роли Москвы «икальцы» стали стекаться к ней в большом количестве, а *e* литературного языка начинает подвергаться большой опасности. Владимир Николаевич не был согласен с точкой зрения Л.В.Щербы и утверждал, что процесс перехода еканья в иканье начался именно в Москве и узкой полосе среднерусских говоров вокруг Москвы, поэтому икальцам неоткуда было стекаться в большом количестве.

С работами по исторической фонетике и фонологии тесно связаны исследования В.Н. Сидорова в области современных русских говоров, относящихся к разным диалектным группам (Сидоров, 1927; 1949; 1951б; 1952; Аванесов, Сидоров, 1931).

В.Н.Сидорова также интересовали вопросы морфологии (см., например: Аванесов, Сидоров, 1945; Сидоров, 1951а), к решению которых он подходил с позиций Московской лингвистической школы (учение о форме слова и теория грамматических классов слов). Рассматривая язык как единое целое в «Очерке грамматики русского литературного языка» (раздел «Морфология») (Аванесов, Сидоров, 1945) при описании частей речи и их классификации В.Н.Сидоров широко использовал метод противопоставлений. Так, пять выделенных им самостоятельных частей речи (существительное, прилагательное, числительное; наречие и глагол), будучи противопоставлены друг другу по значениям и формам, образуют систему, которой определяются основные черты морфологии русского языка.

Владимир Николаевич впервые в отечественной русистике применил метод оппозиционного анализа, получивший в 30-е годы достаточно широкое распространение. Анализируя значения форм числа существительного, а также значения глаголов совершенного и несовершенного видов, автор отмечал особенности существующих между ними отношений противопоставления, известных под названием привативных оппозиций. Например, формы множественного числа существительных содержат указание на то, что предметы взяты в некотором количестве, в

формах же единственного числа указание на какое-либо количество отсутствует. При противопоставлении глаголов совершенного и несовершенного видов обнаруживается, что первые выражают называемый ими процесс как законченный, а вторые — без указания на его законченность.

В «Очерке» впервые дается детальная классификация непродуктивных глаголов, обладающих таким соотношением основ настоящего и прошедшего времени, которое не является моделью для образования новых глаголов. Данная классификация — результат исследования о глаголах непродуктивных классов в современном русском литературном языке, защищенного В.Н.Сидоровым в 1944 г. в качестве кандидатской диссертации.

Владимира Николаевича интересовали проблемы словообразования как сами по себе, так и в их отношении к грамматике и лексике. Он считал, во-первых, что задача любой научной дисциплины (в данном случае словообразования) состоит в определении и отграничении области своего изучения, во-вторых, в необходимости отделять синхронию от диахронии. К словообразованию как части грамматики ученый причислял только реально существующие в языке средства, при помощи которых могут создаваться новые слова.

Вопросы синтаксиса, лексикологии, стилистики и лексикографии на протяжении некоторого времени не были в центре научных интересов Владимира Николаевича, но они живо его интересовали. В 1949 г. им была опубликована совместно с И.С.Ильинской статья «К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке» (Ильинская, Сидоров, 1949); он участвовал в работе грамматистов-синтаксистов в Институте русского языка на первых этапах создания академической грамматики (1952). Владимир Николаевич считал, что проблема правильности в языке всецело связана с его коммуникативной функцией. Он исходил из положения, что «стилистическое средство обязательно для всех говорящих» («в языке все обязательно, а в речи произвольно»), и понимал стиль как категорию исторически обусловленную. Поэтому он соглашался с утверждением М.В.Панова о том, что эканье, ослабление ассимилятивного смягчения согласных, произношение безударных гласных без качественной редукции — недостаточно выразительные приметы высокого стиля, так как есть носители литературного языка, в нейтральной речи пользующиеся этими вариантами нормы. Но основная причина стилистической невыразительности указанных фонетических черт, по мнению Владимира Николаевича, в том,

что их историческая судьба не благоприятствовала их возвышению. Не было исторических причин стать «высокими».

В.Н.Сидоров обращал свое внимание на роль славянизмов в современном русском языке. По его мнению, ограниченное употребление данного пласта лексики во второй половине XX в. никоим образом нельзя считать положительным явлением языкового развития. В это время в торжественных ситуациях используются метафоры и гиперболы вместо таких собственно языковых стилистических средств, как славянизмы. Неудавшуюся попытку символистов в первой половине XX в. вновь ввести в употребление данное стилистическое средство русского языка рассматривал как положительный факт.

В 1950 г. Владимир Николаевич становится во главе группы, занимавшейся составлением «Словаря языка Пушкина». Важной заслугой В.Н.Сидорова в пятидесятые годы является его активное участие в подготовке и издании одного из лучших в России лексикографических трудов — «Словаря языка Пушкина», т. 1. А—Ж, т. 2. З—Н, т. 3. О—Р. Кроме авторской работы в составе коллектива лексикографов В.Н.Сидоров провел также научное редактирование 2—3 томов словаря. В начальный же период работы над этой темой В.Н.Сидоров совместно с Г.О.Винокуром, А.Д.Григорьевой и И.С.Ильинской участвовал в подготовке «Проекта Словаря языка Пушкина».

В этой работе проявилась характерная черта Владимира Николаевича — стремление к обобщению рассматриваемых фактов, поиски определенных закономерностей в развитии значений отдельных слов, стремление обосновать лексикологический анализ, исходя из системы самого языка, из функционирования его лексических категорий.

В работе над Словарем В.Н.Сидоров учитывал все особенности работы, как общие, так и специфические, отличающие словарь писателя.

По инициативе В.Н.Сидорова была проведена большая работа по составлению дополнительного тома Словаря, охватывающего текст черновых рукописей и вариантов произведений Пушкина. Этот том, завершающий лексикографическую работу над языком произведений Пушкина, вышел в свет в 1982 г. под названием «Новые материалы к словарю А.С.Пушкина».

Жизнь В.Н.Сидорова была полна трудностей различного рода. В 1934 г. он был арестован и проходил по делу Дурново («дело славистов-евразийцев»). В 1927 г. Н.Н.Дурново был арестован и осужден за связь с Н.С.Трубецким и Р.О.Якобсоном. Он погиб на Соловках. Осудили и

всех, кто с ним общался. Владимиру Николаевичу предъявили нелепые обвинения в участии и организации «филологического правительства». Владимир Николаевич испытал всю тяжесть тюрьмы, лагеря и ссылки, но не сломался. По воспоминаниям С.Н.Боруновой: «Он выстоял и в период, говоря словами АА.Реформатского, злого Марровского лихолетья. В Институте русского языка АН СССР, где В.Н. работал с 1944 г., не сдались только трое: П.С.Кузнецов, М.Н.Петерсон и В.Н. Их научную карьеру спасла дискуссия 1950 г. ...» (Борунова, 2000: 332).

По воспоминаниям его учеников, у Владимира Николаевича был трезвый критический ум. Это позволяло ему видеть недостатки в работах очень авторитетных ученых (А.А.Шахматова, В.А.Богородицкого, С.П.Обнорского, Л.В.Щербы, П.С.Кузнецова, Р.И.Аванесова) и иметь свою оригинальную точку зрения по разным лингвистическим вопросам, в частности, о формировании литературного произношения, о причинах и времени распространения аканья в московском говоре и т.д. И в учениках Владимир Николаевич воспитывал критическое отношение к языковым явлениям и их лингвистической интерпретации (Борунова, 1996; 2000).

В общении с коллегами Владимир Николаевич Сидоров никогда не принимал позы учителя, ментора. При возможной суровости критика и горячности полемиста, он всегда был удивительно доброжелателен и щедр. Мгновенно улавливая ход рассуждений своего собеседника, он тут же замечал слабые места выдвигаемых им положений, подсказывал путь дальнейшей работы, а иногда даже и возможное решение вопроса, не жалея при этом ни собственных наблюдений, ни своего материала. Творческая активность и удивительное бескорыстие, непримиримость ученого и доброжелательность человека — все это отличало Владимира Николаевича и привлекало к нему людей разных возрастов и служебных положений (Плотникова, 1983).

Владимир Николаевич Сидоров оставил неизгладимый след в области диалектологии и истории русского языка, в частности, значительный интерес представляют его работы по исторической фонетике. Он был награжден медалями «За трудовую доблесть» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Литература

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Говоры Верхнего Поветлужья. Фонетика и диалектные груп-

- пы. – Н.-Новгород, 1931. – 43 с.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. – М., 1945. – 236 с.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. – М., 1970а. – С. 149–156.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Система фонем русского языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. – М., 1970б. – С. 249–277.
- Бодуэн де Куртене И.А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртене И.А. Избр. труды по общему языкознанию. – М., 1963. – Т. 1. – С. 47–77.
- Борунова С.Н.* Воспоминания об учителе – В.Н.Сидорове // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – М., 1996. – Т. 55. – № 2. – С. 73–79.
- Борунова С.Н.* Владимир Николаевич Сидоров // Фортунатовский сборник: Материалы науч. Конф., посвященной 100-летию Моск. лингв. школы 1897–1997 гг. – М., 2000. – С. 328–332.
- Будде Е.* К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнит. Исслед. народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. – Казань, 1896. – 380 с.
- Грамматика русского языка.* – М., 1953. – Т. 1. Фонетика и морфология. – 720 с.
- Дурново Н.Н.* Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. – Варшава, 1903. – 275 с.
- Дурново Н.Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. – М., 1918. – Вып. 2. – Ч. 1. Южновеликорусское наречие. – 87 с.
- Журавлев В. К.* Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка // Вопр. языкознания. М., 1968. – № 1. – С. 130–133.
- Ильинская И.С., Сидоров В.Н.* К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке // Изв. ОЛЯ АН СССР. – М., 1949. – Т. 8, вып. 4. – С. 343–354.
- Ильинская К.С., Сидоров В.Н.* Современное русское правописание // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П.Потемкина. – М., 1953. – Т. 22, вып. 2. – С. 3–40.
- Князев С.В.* К истории формирования некоторых типов аканья и яканья в русском языке // Вопросы русского языкознания: Диалектная фонетика рус. яз. в диахронном и синхронном аспектах. – М., 2001. – С. 8–42.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: (По материалам лингв. географии).* – М., 1970. – 455 с.
- Плотникова В.А.* Владимир Николаевич Сидоров // Рус. Речь. – М., 1983. – № 6. – С. 66–71.
- Сидоров В.Н.* Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Ореховской волости Можайского уезда Московской губернии // Труды ПКДРЯ. – Л., 1927. – Вып. 9. – С. 121–135.

- Сидоров В.Н.* Наблюдения над языком одного из говоров рязанской Мешеры // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* – М., 1949. – Т. 1. – С. 277–289.
- Сидоров В.Н.* Непродуктивные классы глагола в современном русском литературном языке // *Русск. язык в шк.* – М., 1951а. – № 5. – С. 23–33.
- Сидоров В.Н.* О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах // *Изв. ОЛЯ АН СССР.* – М., 1951б. – Т. 10, вып. 2. – С. 172–183.
- Сидоров В.Н.* Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах // *Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР.* – М., 1952. – Вып. 2. – С. 57–71.
- Сидоров В.Н.* Предисловие // *Вайан А. Руководство по старославянскому языку.* – М., 1952. – С. 3–12.
- Сидоров В.Н.* Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке XI в. // *Тр. Ин-та языкознания АН СССР.* – М., 1953. – Т. 2. – С. 199–219.
- Сидоров В.Н.* О предупредных гласных в говоре Москвы XVI в. // *ПСФ.* – М., 1965. – С. 242–248.
- Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка. – М., 1966. – 159 с.
- Сидоров В.Н.* Из русской исторической фонетики. – М., 1969. – 111 с.
- Скоблкова Е.С.* О судьбе этимологического Ъ в первом предупредном слове перед твердым согласным в говорах владимирско-поволжской группы // *Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия.* – М., 1962. – Т. 3. – С. 112–120.
- Trubetzkoy N.* Über eine neue Kritik des Phonembegriffes // *Archiv für vergleichende Phonetik.* – В., 1937. – Bd I, Н. 3. – S. 151.

Основные работы В.Н.Сидорова

- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Говоры Верхнего Повелдужья. Фонетика и диалектные группы. – Н. Новгород, 1931. – 43 с.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка: Ч. 1. Фонетика и морфология. – М., 1945. – 236 с.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // *Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия.* – М., 1970а. – С. 149–156.
- Аванесов Р.К., Сидоров В.Н.* Система фонем русского языка // *Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия.* – М., 1970б. – С. 249–277.
- Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка. – М., 1966. – 159 с.
- Сидоров В.Н.* Из русской исторической фонетики. – М., 1969. – 111 с.
- Библиографию работ В.Н.Сидорова см. Сидоров В.Н. Из русской исторической фонетики.* – М., 1969. – С. 108–109.

Основные работы о В.Н.Сидорове

- Борунова С.Н.* Воспоминания об учителе – В.Н.Сидорове // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1996. – Т. 55. – № 2. – С. 73–79.
- Борунова С.Н.* Владимир Николаевич Сидоров // Фортунатовский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Моск. лингв. школы 1897–1997 гг. – М., 2000. – С. 328–332.
- Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. – Минск, 1977. – Т. 3: Л–Я. – С. 193–195.
- Плотникова В.А.* Владимир Николаевич Сидоров // Рус. речь. – М., 1983. – № 6. – С. 66–71.
- Потапов В.В.* Научное наследие Владимира Николаевича Сидорова в русистике // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. – М., 2003. – № 1. – (в печати).

О.А.Смирницкая

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СМИРНИЦКИЙ

А.И.Смирницкий (6.4.1903 — 22.4.1954) внес выдающийся вклад в самые различные области германистики, истории и теории английского языка и общего языкознания. Выступая в большой университетской аудитории на заседании, посвященном его памяти, А.И.Реформатский сказал: «Интересы Александра Ивановича были настолько широки, что если бы каждый из здесь присутствующих взял бы по одному вопросу, — на всех бы хватило» (Стенограмма: 32).

А.И.Смирницкий родился в Москве, в семье инженера. В 1913 г. он поступил в одну из лучших московских гимназий — Медведниковскую; большую роль в развитии его творческих способностей сыграло и домашнее воспитание. От отца, И.Д.Смирницкого, он унаследовал любовь к технике и точным наукам (математический способ мышления часто отмечали и в его лингвистических работах); от матери, М.Н.Смирницкой, — одаренность в искусствах. Он занимался живописью в мастерских К.Ф.Юона и А.Е.Архипова и всерьез пробовал силы в литературе: сохранились рукописи трех его романов. Ему прочили будущее художника или писателя, но в 1920 г. он совершил свой собственный и неожиданный для близких выбор — поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Через несколько недель после начала занятий он записывает в дневнике: «Я на романо-германском отделении. Занимаюсь пока немного, но с большим интересом».

За годы учения Александра Ивановича университет (I МГУ) неоднократно подвергался преобразованиям, и закончил он его (в 1924 г.) уже

как выпускник факультета общественных наук (ФОН). В выданном ему свидетельстве об окончании университета среди множества учебных дисциплин значатся: историческая грамматика верхненемецкого языка, историческая грамматика английского языка, сравнительная грамматика индоевропейских и германских языков, готский язык, немецкий язык, шведский язык, греческий язык (средняя группа), латинский автор (Лукреций), семинарии по толкованию Эдгара По, Тегнера, Шелли и Шекспира.

В годы университетских занятий Александра Ивановича еще читал свои лекции ученик Ф.Ф.Фортунатова В.К.Поржезинский (в 1922 г. он уехал в Польшу), а сравнительно-историческую грамматику преподавал М.Н.Петерсон. До 1921 г. работал в университете и выдающийся медиевист и знаток германских древностей Б.И.Ярхо. В 20-е годы Александр Иванович сближается с основателями «новомосковской лингвистической школы» — особенно с А.А.Реформатским и П.С.Кузнецовым. Но он так и не примкнул к их кружку. Принадлежа по воспитанию, по самому строю лингвистической мысли к Московской школе, Александр Иванович занял в ней позицию несколько обособленную, сосредоточив свои интересы на германистике.

В 1925 г. А.И.Смирницкий «был командирован в аспирантуру Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), куда и был зачислен по сдаче соответствующих испытаний и представления письменной работы по специальности — «Диалектальные элементы в языке Чосера» (из автобиографии). К вопросам диалектологии Александр Иванович не раз возвращался позже. В аспирантуре же он занимался главным образом сравнительной грамматикой германских языков и готовил диссертацию о языке рунических надписей. По плану диссертация должна была быть завершена в 1929 г. Но в своем аспирантском отчете Александр Иванович пишет, что по не зависящим от него обстоятельствам он должен перенести ее завершение на более поздний срок. В 1929 г. председатель лингвистической секции РАНИОН Е.Д.Поливанов подвергся ожесточенной травле со стороны марристов и был вынужден покинуть Москву. «Новое учение о языке» приобретало значение официальной догмы.

Служебная биография А.И.Смирницкого конца 20-х — начала 30-х годов типична для лингвистов, не принявших «нового учения о языке» и оставшихся верными своему пути в науке. Осенью 1929 г. он был зачислен на должность ассистента в МГУ и приступил к чтению лекций по

истории английского языка. В феврале 1930 г. курс был отменен. Та же участь постигла и другой его курс — по введению в германскую филологию, который он начал читать во II МГУ (Пединституте). С февраля 1930 г. Александр Иванович начал преподавать русский язык в Московской ленинской школе для работников Коминтерна (МЛШ), а с осени того же года — в Московском институте новых языков (позже Московский гос. пед. ин-т иностранных языков — МГПИИЯ). С начала 30-х годов он занимал также штатную должность научного сотрудника 1-го разряда в Научно-исследовательском институте языкознания. НИЯЗ стал в то время оплотом лингвистов, не принявших «нового учения о языке» (Алпатов, 1991). В 1933 г. институт был ликвидирован.

Но и в обстановке усиливающегося идеологического давления на науку Александр Иванович сумел сохранить внутреннюю свободу. Он работал с предельной творческой самоотдачей всюду, где только предоставлялась возможность. В 1935 г. вышел в свет учебник русского языка для иностранцев, составленный им совместно с П.П.Свешниковым — его коллегой по работе в МЛШ (Smirnitsky, Sveshnikov, 1935). Большой раздел в этом учебнике, посвященный видам русского глагола, был написан Александром Ивановичем на основе специального исследования. Результаты данного исследования позже получили отражение в составленном под его руководством Русско-английском словаре (Русско-английский словарь, 1948). В 1934 г. Александр Иванович участвовал в работе Транскрипционной комиссии при НИИ Большого советского атласа. Работа в Комиссии содействовала его сближению с членами Московской фонологической школы; тогда же наметились и их расхождения, вылившиеся впоследствии (в начале 50-х годов) в открытую дискуссию (Реформатский, 1970: 43, 50, 95).

С середины 30-х годов А.И.Смирницкий читал лекции по германистике, истории и теории английского языка в МИФЛИ (где с 1934 г. он работал в должности доцента); с 1936 г. он заведовал кафедрой английской филологии в МГПИИЯ. Он также выезжал для чтения лекций и руководства аспирантами в Харьков, Минск, Горький. В лекциях формировались его общелингвистические взгляды.

Среди немногочисленных публикаций Александра Ивановича в 30-е годы особое место занимают (помимо уже упомянутого учебника русского языка) «Хрестоматия по истории английского языка» (Смирницкий, 1938) и выполненный им совместно с Б.Ю.Айхен-вальдом перевод поэмы шведского поэта-романтика Э.Тегнера «Сага о Фритьофе» (Тегнер, 1935). В предвоенные годы он много работал (совместно с

М.М.Гухман и Н.С.Чемодановым) и над учебником по сравнительной грамматике германских языков. В 1941 г. учебник был послан на рецензирование в Ленинград. Обстановка, сложившаяся в языкознании в послевоенные годы, сделала невозможной его публикацию. Разделы, написанные Александром Ивановичем для этого учебника (всего 14 п.л.), вошли в его книги, опубликованные посмертно.

В 1940 г. А.И.Смирницкий был утвержден постановлением ВАК ВКВШ в звании профессора по кафедре английской филологии.

С октября 1941 г. по сентябрь 1942 г. А.И.Смирницкий находился в эвакуации — сначала на Северном Урале (Березники), затем в Горьком. По возвращении в Москву он был восстановлен в должности заведующего кафедрой в МГПИИЯ, а также утвержден в должности профессора по кафедре романо-германского языкознания МГУ (в состав которого вошел МИФЛИ). В 1946 г. он был назначен заведующим этой кафедрой (после смерти М.В.Сергиевского); в 1943–1946 гг. заведовал и кафедрой английского языка в МГУ.

К концу 40-х годов он читал в университете курсы по теории и истории английского языка, сравнительной грамматике германских языков, сравнительной (т.е. сопоставительной) грамматике новогерманских языков и введению в скандинавистику. Лекции Александра Ивановича остались в памяти слышавших его студентов и аспирантов как одно из самых ярких воспоминаний об университетской жизни; многие из слушателей сохранили их конспекты. Но сама его преподавательская работа находилась под угрозой: погромная кампания, развернутая в конце 40-х годов марристами, слилась с общегосударственной борьбой против «космополитизма», и сама специальность А.И.Смирницкого служила главным против него обвинением; ему предписывалось пересмотреть программы курсов и прекратить замалчивание «марксистского учения о языке, созданного академиком Н.Я.Марром»; см. (Смирницкая, 2000: 76–77).

Лингвистическая дискуссия (май–июнь 1950 г.), положившая конец марризму, означала для Александра Ивановича прежде всего возможность работать. В начале 50-х годов одна за другой появляются в печати его статьи, центральное место среди которых занимают статьи по общему языкознанию. За три года он опубликовал больше работ, чем за всю предшествующую жизнь. Продолжая заведовать кафедрой романо-германской филологии в МГУ, он также приступил (с июля 1950 г.) к заведованию сектором германских языков в Институте языкознания АН СССР. Но здоровье его, никогда не отличавшееся крепостью, резко

ухудшается. Из-за прогрессирующей болезни сердца он вынужден оставить в мае 1951 г. работу в университете, сохранив за собой лишь руководство аспирантами; с февраля 1953 г. переходит на должность старшего научного сотрудника в Институте. 22 апреля 1954 г. А.И.Смирницкий умер после третьего инфаркта. Большинство его наиболее известных работ еще не было опубликовано.

Хронология публикаций А.И.Смирницкого создает впечатление, что он вплотную занялся вопросами общего языкознания лишь в последние годы жизни. Это, однако, не совсем так. Не говоря уже о том, что публикации отражают не только развитие взглядов Александра Ивановича, но и обстоятельства, в которых ему приходилось работать, необходимо заметить, что стремление к общелингвистической постановке вопроса — это вообще черта его творческого метода, ярко проявившаяся и в работах по диахроническому германскому языкознанию. В то же время его работы, справедливо причисляемые к общелингвистическим, могут рассматриваться и как опыт исследования в области конкретных языков — русского и английского. Александр Иванович полагал, что система языка может быть выявлена лишь при условии, что лингвист следует в своем анализе внутренним связям между языковыми элементами, не обходя и частных случаев.

В своей «Хрестоматии по истории английского языка» (Смирницкий, 1938; 1953) Александр Иванович, отправляясь от учебно-методических задач систематизации материала, фактически уже подходит к тому пониманию проблемы тождества слова — в диахронии и синхронии, которое получило углубленную интерпретацию в его позднейших работах.

Так, в этимологической части словарных статей Александр Иванович проводит тонкое и не всегда самоочевидное разграничение между генетическим тождеством слов и их более отдаленным родством. Например, отношение между словами др. англ. *eorðe n-ж*, нем. *Erde ā-ж* «земля» трактуется в словаре иначе, чем отношение между др. англ. *hāngian слб.* 2 «висеть», редко «вешать» и др. сканд. *hengja слб.* 1 «вешать». В первом случае парадигматическое различие слов не исключает их исторического тождества (опосредованного морфологическим варьированием); во втором — следует говорить об исходно разных словах, словообразовательное несоответствие которых мотивирует и частичное расхождение в их семантике.

Приводя заглавное древнеанглийское слово в его нормализованной (уэссекской) форме, Александр Иванович в ряде случаев указывал в

статье и его диалектные варианты, не представленные в древнеанглийских текстах «Хрестоматии», но необходимые для понимания истории каждого слова, в том числе, роли его отдельных диалектных вариантов в складывании литературной нормы английского языка. Тем самым историческое тождество слова представлено в словаре, как опосредованное его диалектным варьированием в отдельные периоды развития языка.

В необходимых случаях Александр Иванович привлекает внимание и к изменениям в парадигматике слова. Так, он отмечает с помощью особых знаков (система условных знаков и помет была им специально разработана для данного словаря), что совр. англ. *cap* восходит не к заглавной словоформе др. англ. *cuppan* (инф.), а к форме ед. ч. наст. вр. В словаре четко выделены и случаи лексикализации фономорфологических вариантов слова: ср. совр. англ. *mogrow* и *mogp* — два различных слова, восходящих к др. англ. *morpen*. Наконец, Александр Иванович считал возможным в исключительных случаях включать в словарь и слова, не засвидетельствованные в текстах, — но лишь при условии достаточных для этого синхронических (словообразовательных) и историко-лингвистических данных.

Небольшой учебник по истории английского языка (Смирницкий, 1965) был целиком составлен его ученицей А.А.Асмангулян на основе записей лекционных курсов, читавшихся А.И.Смирницким в послевоенные годы; но авторский «почерк» Александра Ивановича безошибочно в нем узнается. В данных лекциях, как и в других своих работах, он не ограничивается рассмотрением отдельных фактов, но исходит из понимания языка как системы. Так, в своем описании грамматического развития английского языка Александр Иванович ставит во главу угла историю грамматических категорий имени и глагола. Этот подход, получивший развитие в специальных исследованиях по диахронической морфологии, до сих пор редко учитывается в общих работах по истории языка. Александр Иванович не ограничивался историко-фонетическим объяснением звуковых изменений, но стремился дать им фонологическое освещение; так, например, отдельные количественные изменения в среднеанглийском рассматривались в его курсе в связи с общей просодической перестройкой английского слова; ср. (Кузьменко, 1991: 169–171).

Вместе с тем, в курсе нашел себе место и вопрос о социолингвистических факторах языкового развития. Особый интерес в этом плане представляет трактовка А.И.Смирницким скандинавского влияния на английский язык. Глубина скандинавского влияния не только в лексике, но и в грамматическом строе английского языка получает объяснение в

той особой языковой ситуации, которая сложилась в области англо-скандинавских контактов (область Датского Права). А именно, близость диалектов обоих языков создавала возможность прямого общения между англичанами и скандинавами, и сами диалекты в этих условиях функционировали подобно диалектам одного языка. Это обуславливало возможность их интерференции и образования смешанного англо-скандинавского диалекта, многие инновации которого распространились в дальнейшем за пределы первоначальной территории контактов. Следует при этом иметь в виду ту роль, которую диалекты из области контактов сыграли в образовании литературного английского языка (Смирницкий, 1965: 8–10). Принципиально иным было влияние французского языка на английский; сколь бы интенсивным ни было это влияние в лексике, оно не вело к языковому смешению, т.е. к превращению английского языка в смешанный «германо-романский».

В начале 50-х годов А.И.Смирницкий написал несколько работ, посвященных сравнительно-историческому методу и сведенных воедино в (Смирницкий, 1955б). Разъяснение основ сравнительно-исторического метода (что само по себе было важной задачей после долгих лет гонений на компаративистику) означало для него в то же время осмысление его общелингвистических принципов, а отсюда и объективных границ его применимости. Александр Иванович писал о необходимости расширения области сравнительно-исторического изучения языков и разработки с этой целью новых методов. Он задумывался, в частности, о возможности создания новой, перспективно направленной сравнительной грамматики родственных языков, которую следовало бы дополнить сравнительно-исторической лексикологией, а также исследованием «общих условий и форм развития данных языков (их диалектного дробления, роли и характера письменности на них, выработки их литературных образцов, их распространения и пр.)» (Смирницкий, 1955б: 8). Эти проблемы получили широкое освещение в работах последующих десятилетий.

Воздавая должное сравнительно-историческому методу, Александр Иванович считал неправомерной его абсолютизацию. Они исходил из того, что как возможности сравнительно-исторического метода, так и границы его применимости обусловлены объективными свойствами языковой структуры, тесно взаимосвязанными в самом языке. Так, доказательность реконструкции базируется на принципе немотивированности связи между звучанием и значением языковых единиц. Но данный принцип проявляется в чистом виде лишь в элементарных единицах языка — морфемах. Уже в лексике (и тем более в синтаксисе) обнаруживается и

противоположный принцип мотивированности, делающий реконструкцию проблематичной, а в ряде случаев и невозможной. В качестве примера Александр Иванович приводит суффиксальные слова, полное, т.е. звуковое и одновременно семантическое, соответствие которых, тем не менее, не позволяет с уверенностью возводить их к общему архетипу: генетическое тождество слов оказывается в подобных случаях неотличимым от их параллельного образования в отдельных языках (ук соч.: 27). Но аналогичные трудности для реконструкции представляют и бессуффиксальные слова, образованные по конверсии, а также вообще слова, принадлежащие продуктивным парадигматическим типам. Так, из того что в большинстве древнегерманских языков имеются соответствия слову дисл. *saga* «рассказ, сага» (от глагола со значением «говорить»), не следует с необходимостью, что данное слово существовало уже в общегерманском.

Вместе с тем, как подчеркивал Александр Иванович, даже при восстановлении морфем, т.е. основных единиц, которыми оперирует сравнительно исторический метод, «мы все же восстанавливаем нечто большее, чем морфемы. Ведь морфемы восстанавливаются вместе в их функционально-структурными характеристиками, как морфемы корневые, префиксы, суффиксы — словообразовательного или грамматического характера. Тем самым восстанавливаются определенные морфологические типы словоформ и слов и морфологические категории, а через посредство последних возможны и некоторые выводы относительно синтаксиса» (Ук. соч.: 44). Иными словами, сравнительно-исторический метод «создает возможность соединения отдельных фактов, связанных между собой тождеством языка, в некоторую систему» (ук. соч.: 92).

Таким образом, Александр Иванович был склонен рассматривать язык-основу (в 50-е годы был в употреблении именно данный термин) не как «конструкт», а как реально существовавший язык, хотя и восстанавливаемый лишь частично — в отдельных своих элементах и системных связях. Этот момент в понимании языка-основы А.И.Смирницким был особо выделен С.Б.Бернштейном: «В сравнительных грамматиках нашего времени, — замечает он, — полностью или почти полностью отсутствует понимание языка как системы (...). Александра Ивановича не удовлетворяло то понимание природы языка, какое мы находим в большинстве подобных грамматик. Он часто говорил, что необходимо применять здесь те достижения языкознания, которые мы применяем в области описательных грамматик» (стенограмма : 11).

Выяснение системных характеристик языка-основы, однако, за-

трудняется не только ограничениями, о которых шла речь выше, но в большой степени и тем, что «сравнительно-исторический метод как метод восстановления дает как бы плоскую, написанную без перспективы, картину, в которой различные эпохи могут совмещаться в одном плане» (Смирницкий, 1955б: 55). Этот объективный недостаток метода, как полагал А.И.Смирницкий, может быть частично устранен с помощью других методов, в частности метода внутренней реконструкции. Необходимым казалось ему и привлечение данных истории, в частности истории материальной культуры (ук. соч.: 57).

Хронологический аспект реконструкции выходит на первый план в статье А.И.Смирницкого о языке старших северных рунических надписей (Смирницкий, 1947). Александр Иванович начал заниматься рунологией еще в аспирантские годы (см. выше). Но если ранние его работы, скорее, носили характер общего введения в рунологическую проблематику, то в статье 1947 г. он существенным образом пересматривает вопрос о самой языковой принадлежности старшерунических надписей (III–VI вв.), а стало быть, об их роли для сравнительно-исторической грамматики германских языков. Традиционная квалификация языка надписей с территории Скандинавии как праскандинавского, представляется ему недостаточно обоснованной. Она не может быть подтверждена ни исторически, т.е. данными о расселении германских племен в указанную эпоху, ни лингвистически. «Языковые формы более ранних надписей старшими рунами в общем таковы, что их можно признать за архаичные формы различных древнегерманских языков: доказать, что таких архаических форм в III–VI вв. не имелось, очень трудно или прямо невозможно ввиду отсутствия столь ранних памятников других германских языков, кроме готского» (ук. соч.: 68–69). Определение языковой принадлежности языка древнейших надписей с необходимостью требует синхронического сравнения фактов их языка с реконструированными фактами западногерманских диалектов. Важным опытом построения подобной синхронической модели реконструкции явилась опубликованная посмертно статья А.И.Смирницкого о ротацизме (Смирницкий, 1959б), дававшая новое освещение вопроса об ареальном распространении окончаний ед. ч. муж. р. на $-R < o.r.*-z$ (рун. $-dagaR$, $-gastiR$), обычно считавшихся одним из наиболее ярких скандинавизмов в языке надписей. Опираясь на методы диахронической фонологии, Александр Иванович пришел к выводу, что в эпоху древнейших рунических надписей окончания на $-R$ сохранялись во всем северо-

западногерманском ареале. Именно данная стадия, предшествующая отпадению окончаний в западногерманских диалектах (ср., напр., др. англ. *dæg* «день», *giest* «гость») и получила отражение в древнейших надписях.

Вопрос о языке старшерунических надписей широко обсуждался германистами во второй половине XX в. В современной германистике язык древнейших надписей обычно квалифицируется как северо-западногерманский; см. (Haugen, 1976: 124). Впрочем, как замечал А.И.Смирницкий, «единообразие языка надписей может быть в значительной мере лишь кажущимся: возможно, что различий в языке между отдельными надписями не наблюдается потому, что в надписях вообще не встречаются те языковые элементы, в которых эти различия проявлялись» (Смирницкий, 1947: 88).

В начале 50-х годов А.И.Смирницкий написал три большие статьи о слове: (Смирницкий, 1953а; 1954а; 1955а). Данные статьи были задуманы им как части общей работы, охватывающей основные признаки слова как основной единицы языка.

А.И.Смирницкий полагал, что неудовлетворительность или недостаточность существующих определений слова в немалой степени обусловлена тем, что они относятся лишь к отдельным сторонам слова и упускают из виду другие, не менее важные его стороны. «Для того, чтобы определить, вернее выяснить, что такое слово, необходимо уточнить саму постановку вопроса» (Смирницкий, 1953а: 182). Так, хотя линейное членение связной речи на слова самым непосредственным образом взаимосвязано с отождествлением слова как единицы языка в разных случаях его употребления, обе эти проблемы должны четко разделяться в теоретическом исследовании (ук. соч.: 185).

Вычленение слова в связной речи предполагает, во-первых, его достаточно четкую выделимость, т.е. различие между словом и частью слова — морфемой. Выделимость слова в связной речи не определяется только его семантической законченностью или только его фонетическими признаками (которые могут быть существенно различными в конкретных языках); языковой основой выделимости слова служит, прежде всего, такой основной, существеннейший признак слова, который характеризует его как двустороннюю и грамматически оформленную единицу языка (ук. соч.: 190). Именно оформленность отличает слово от его части. Для Александра Ивановича было важно подчеркнуть, что различие это чисто структурное, не обязательно находящее внешнее выражение. Поэтому оно «выступает, может быть, особенно ясно и в наиболее чис-

том виде в таких случаях, когда целое слово (...) внешне совпадает с определенной частью слова, а именно — с его основой» (ук. соч.: 191). В качестве примера он приводит слово *лис*, содержащее в себе не только значение основы *лис-*, но и значение вообще существительного, предмета (...) и значение мужского рода (которое в данном случае непосредственно связано с обозначением мужского пола», а кроме того и значения определенного числа и падежа» (там же). Выделение нулевой флексии — при этом не только в синтетических, но и в аналитических языках — идет у Александра Ивановича от Московской школы; ср. иную постановку вопроса, напр., в (Жирмунский, 1976а: 137). Но он распространяет понятие выделимости слова и дальше — на неизменяемые, в том числе служебные слова, говоря в этом случае о косвенной, или остаточной выделимости (Смирницкий, 1953а: 193). В статье «Лексическое и грамматическое в слове» (1955а) он еще больше заостряет эту формулировку, утверждая, что грамматически оформленными являются также и слова, не имеющие определенной грамматической формы (ук. соч.: 17). Заметим, вместе с тем, что и данный тезис Александр Иванович возводил, в конечном счете, к тому определению слова, которое было дано Ф.Ф.Фортунатовым: «Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово» (Фортунатов, 1899—1900: 186). По словам Александра Ивановича, в этом определении «содержится важное указание на то, что некоторая единица в речи может характеризоваться как слово не столько сама по себе, сколько тем, что соединенные с нею единицы выделяются в качестве отдельных слов» (Смирницкий, 1953а: 194).

Данная постановка вопроса определила позицию Александра Ивановича в споре о предлогах. Для него было несомненным, что предлоги являются отдельными словами и, следовательно, выражают отношения лексически — в отличие от падежных окончаний. При этом он особо выделял типологическую значимость выражения отношений в языках: «Очень важной характерной чертой каждого языка является именно то, какие значения отношений выражаются в нем конкретными словами как таковыми, а какие — несловарными средствами. Это представляет первостепенный интерес с точки зрения языкознания (а не логики)» (Смирницкий, 1955 а: 22).

Слово, т.е. отдельный его представитель в связной речи, отличается от части слова своей оформленностью, а от словосочетания — своей цельнооформленностью. Цельнооформленность, в свою очередь, выступая как признак внешней формы слова, в большинстве случаев способст-

вует его семантической спаянности; ср. (Пешковский, 1959: 81–82). Так, например, «в значении слова *прямоугольник* содержатся моменты (параллельности сторон и четырехугольности, а тем самым — и наличия именно четырех прямых углов), отсутствующие в совокупности значений отдельных частей этого слова. Тем самым увеличивается семантическая цельность данного слова: его значение должно непосредственно сознаваться как целое, так как оно не может быть полностью получено из соединения значений отдельных частей этого слова» (Смирницкий, 1953а: 201). Вместе с тем, Александр Иванович подчеркивал, что цельнооформленность и идиоматичность не всегда совпадают, приводя в качестве наиболее яркого примера такого несовпадения фразеологические словосочетания.

Термин «цельнооформленность» привился в языкознании; но при этом не раз указывалось, что критерий цельнооформленности неприменим для целого ряда сложных случаев — даже в русском языке; ср. (Жирмунский, 1976а: 147). Следует заметить, в связи с этим, что и сам А.И.Смирницкий отчетливо понимал неуниверсальность предложенных им критериев. Статья о проблеме отдельности слова заканчивается словами: «Само собой разумеется, что языковая действительность гораздо сложнее и многообразнее того, что было представлено во всем предыдущем изложении. Но думается, что для ориентации в крайне обширной и крайне сложной системе всякого развитого языка необходимо выделить какие-то главные, наиболее заметные черты ее строения, некоторую общую схему соотношения ее частей: тогда и разнообразные переходные и промежуточные образования, различные частные случаи, пережиточные явления и первые ростки нового смогут быть лучше поняты» (Смирницкий, 1953, 203).

Эти слова в полной мере могут быть отнесены и к статье А.И.Смирницкого о проблеме тождества слова (Смирницкий, 1954а): он со всей возможной строгостью и последовательностью формулирует саму проблему, представляя ее в разных ракурсах, и в то же время привлекает особое внимание к переходным, промежуточным явлениям языка.

Отождествление конкретных разновидностей слова как основной единицы языка осуществляется в двух различных плоскостях — грамматической и собственно лексической. Так, слово отождествляется в отдельных словоформах, составляющих в совокупности его парадигму. Данный аспект тождества слова представляется, на первый взгляд, совершенно ясным: ведь словоформа уже по определению принадлежит именно данному слову, т.е. отличается от других словоформ, входящих в

ту же парадигму, лишь в грамматическом, но не лексическом плане. Отсюда с очевидностью следует, что грамматическое различие словоформ само по себе никак не меняет лексического содержания слова; так словоформы *стол* и *стола* лексически полностью равнозначны. Но, вместе с тем, как замечает Александр Иванович, между лексическим и грамматическим значением нет непреодолимой грани. Числовые различия в отдельных случаях могут сопровождаться различиями, относящимися к лексической семантике слова и, тем самым, несовместимыми с тождеством слова. Так, например, *ноты* «нотный текст музыкального произведения» — это уже другое слово по отношению к *нота*, мн. ч. *ноты* «графический знак музыкального звука» (так данный случай и представлен в «Русско-английском словаре», составленном под руководством А.И.Смирницкого). Вопрос, однако, осложняется тем, что лексикализация числовых различий может иметь разные степени и неодинаковую устойчивость, а также различные способы выражения; ср. *рога* (в отличие от *роги*), *цветы* (в отличие от *цветки* и *цвета*), *волосы* — «шевелюра», а также англ. *teeth* — в обычном случае «комплект зубов во рту», *feet* — «пара ног (человека)» и т.п. Сами границы слова теряют отчетливость в подобных случаях, и тождество слова оказывается проблематичным.

В своих статьях А.И.Смирницкий привлекает внимание и к таким проявлениям взаимодействия лексического и грамматического в слове, которые характеризуют систему языка в целом. А именно, «хотя та или другая грамматическая форма как таковая сама по себе не изменяет лексического содержания (значения) слова, но самое наличие ее у данного слова и конкретные ее особенности могут характеризовать соответствующее слово в целом» (Смирницкий, 1954: 19). Словообразовательная функция парадигмы особенно наглядно проявляется при безаффиксальном словопроизводстве — конверсии; ср. (Смирницкий, 1953б). При этом если в одних случаях (*ходить* — *ход*) парадигма служит дифференциации частей речи, то в других — она выражает предметные семантические различия (*супруг* — *супруга*; *лис* — *лиса*). При этом парадигматические различия, внешне подобные случаю *лис* — *лиса*, могут и не выражать каких-либо семантических различий; ср. *рельс-рельса*. В этом последнем случае имеет место морфологическое варьирование слова.

Варианты слова определяются А.И.Смирницким как любые его разновидности, не относящиеся к области грамматического словоизменения. Столь общее определение вариантов подразумевает их структурное многообразие. Александр Иванович проводит основную границу ме-

жду структурными вариантами, относящимися к внешней форме слова (фонетическими, морфологическими, словообразовательными) и к его семантической структуре (лексико-семантическими). Но при этом он исходит из того, что как формальное, так и лексико-семантическое варьирование характеризуют слово в целом — как двустороннюю единицу языка (лексему). В концепции варьирования слова, разработанной А.И.Смирницким, должны быть выделены, прежде всего, следующие моменты.

Тождество слова не исключает одновременного варьирования как его внешней формы, так и его значения. Но для сохранения тождества слова необходимо, чтобы между теми и другими вариантами не имелось соответствия, т.е. чтобы, например, его фонетические варианты не служили выражению каких-либо семантических различий (ср. лексическое расщепление вариантов *хаос* и *хабс* в языке последних десятилетий).

Следует заметить, что в классификации Александра Ивановича не находится места для стилистических вариантов слова. Он указывает на несамостоятельность стилистического варьирования, его вторичность по отношению к лексико-семантическому или фonomорфологическому варьированию. Так, из двух лексико-семантических вариантов слова *жена* один является «поэтически архаическим» (*и юные жены, любившие нас*); сходную стилистическую окраску имеет и фonomорфологический вариант *младой* — при нейтральном *молодой*). Обращает на себя внимание, что стилистически неравноправными оказываются почти все фonomорфологические варианты, приводимые в статье.

В связи с этим, особенно важно заметить, что, хотя основная граница в классификации вариантов проходит между лексико-семантическими и фonomорфологическими вариантами, они все же не мыслятся Александром Ивановичем как вполне параллельные. А именно, лексико-семантическая вариантность представляет собой обычное явление в языке. Она носит системный характер и «в очень большом числе случаев находит выражение либо в различии синтаксического построения, либо в разной сочетаемости с другими словами» (Смирницкий, 1954: 37). Напротив, фonomорфологическая вариантность представляет собой неустойчивое, переходное явление, наблюдаемое лишь в отдельных словах. Различие между фonomорфологическими вариантами в литературном языке нередко изживается либо связывается с семантическими различиями, т.е. ведет к утрате лексического тождества слова. В то же время сохранение подобных вариантов, как правило, предполагает их стилистическую дифференциацию (ук. соч.: 33–35). Иными словами,

фономорфологическая вариантность — это одно из таких явлений языка, в котором ярко обнаруживается динамика языковой синхронии. Вместе с тем, уже сама постановка вопроса о воспроизводимости и отождествлении языковых единиц в речи, предполагает, что фактор времени входит в язык: «язык определенной эпохи — это язык, существующий и развивающийся во времени, т.е. заключающий в себе элемент диахронии» (Смирницкий, 1956б: 69).

Необходимо остановиться вкратце на тех новых терминах, которые были введены А.И.Смирницким в его теоретических исследованиях. Некоторые из этих терминов стали общеупотребительными (например, «словоформа», «лексико-семантический вариант»), другие не прижились в отечественном языкознании. Но для самого Александра Ивановича термины, которыми он пользовался в своих работах, составляли единую систему и подразумевали — часто уже самой своей внутренней формой — строго определенный подход к системному анализу языка.

Так, он проводит различие между словоформой и грамматической формой слова. Словоформа определяется им как «данное слово в данной грамматической форме» (ук. соч., 1954: 18), причем акцент делается на тождестве слова в разных его словоформах. Термин же «грамматическая форма слова», напротив, выдвигает на первый план сам грамматический момент, например, значение им. п. мн. ч. в определенном формальном выражении. В данном ракурсе рассмотрения форма *лампы* принадлежит тому же ряду, что и *рамы, раны, фонемы* и т.д. Иначе говоря, если грамматическая форма — это определенная грамматическая величина, тождественная в разных словах, то словоформа — это величина лексикограмматическая, представляющая собой как бы скрещение или произведение известного (варианта) слова и определенной грамматической формы (ук. соч., 1954: 18).

В современных семасиологических исследованиях отдельные значения слова часто обозначаются как его «лексико-семантические варианты». Но для Александра Ивановича данный термин был неотрывен от общей проблематики тождества слова как двусторонней единицы языка; поэтому он и говорил не о «семантических», а о «лексико-семантических вариантах» слова. Иными словами, данный термин в том значении, в котором он был введен Александром Ивановичем, принадлежит области лексикологии, а не семасиологии. В своих работах по семантике Александр Иванович никогда им не пользовался, но применял общераспространенные термины — «значение слова», его «многозначность» («полисемия») и т.п.

В работах, посвященных теоретической грамматике английского языка, А.И.Смирницкий ввел термин «категориальная форма» (Смирницкий, 1957: 30; 1959: 8). Может показаться, что «категориальная форма», в понимании А.И.Смирницкого, — это приблизительно то же, что «сема» в понимании В.Скалички. Ведь и Скаличка, введший в научный обиход данный термин, исходил из того, что «сема — в одно и то же время формальный и функциональный, другими словами, грамматический элемент» (Скаличка, 1967: 138). Однако вопрос этот так и не получил полной ясности в работах пражцев. В дальнейшем термин «сема», как известно, приобрел значение «минимальной единицы плана содержания» и стал в данном своем значении базовым термином компонентного анализа. В структурной морфологии получил распространение иной термин — «граммема», обычно понимаемый как отдельный элемент значения («ед. ч.», «мн. ч.» и т.п.).

Категориальные формы ед. ч., мн. ч. и т.п. понимались А.И.Смирницким как двусторонние единицы, обладающие своим, хотя и нетождественным в парадигме, планом выражения. Такой подход определялся в его лингвистической системе, прежде всего, самой соотносительностью терминов (и, соответственно, понятий) «категориальная форма» и «грамматическая категория». Двусторонность грамматических категорий не подвергалась им сомнению.

Формальное выражение грамматических категорий имеет, в частности, решающее значение при рассмотрении проблемы аналитических форм. Существеннейшим моментом в морфологизации аналитических форм является их функциональное сближение с синтетическими формами и одновременно противопоставление этим формам по определенному категориальному признаку. Но, как подчеркивал А.И.Смирницкий, одни функциональные факторы здесь недостаточны. «Для того чтобы известные словосочетания сблизились с отдельными словоформами и благодаря функционально-смысловому уподоблению последним образовали одну определенную категорию, необходимо соответствующее выражение особо тесной связи между ними. Поскольку словосочетание при этом все же не превращается в цельную синтетическую форму (...), постольку такое выражение оказывается очень тонким и относительным. В общем единственным его средством оказывается то или иное обособление от аналогичных словосочетаний, относительная изоляция данной конструкции» (Смирницкий, 1956: 50). Для исследователя формальная изоляция аналитических форм от своего синтаксического фона служит наиболее надежным, объективным критерием их морфологизации. Так, одни только

семантические критерии не выявляют структурного разрыва между рус. *буду работать* и *стану работать* или, в другом плане, — *буду работать* и *буду профессором*; ср. (Жирмунский, 1976б: 90). Но разрыв этот с несомненностью следует из того факта, что глагол *буду* в сочетании с инфинитивом имеет лишь одну временную форму: ср. *стал работать*, *стал профессором*, но не **был работать*. Таким образом, *буду* в данном сочетании следует рассматривать не как связку, но как форму вспомогательного глагола — компонент функционально целостной аналитической формы будущего времени; см. (Смирницкий, 1956а: 45).

Проблема аналитических форм приобретает особую важность в тех случаях, когда аналитические формы не включаются в готовую категорию (как в случае категориальной формы будущего времени), но коррелируют лишь с одной серией синтетических форм, как это имеет место, например, в грамматических категориях залога, временной отнесенности (термин А.И.Смирницкого) и вида в английском языке. Само существование данных категорий определяется при этом морфологизацией соответствующих аналитических форм. Грамматические категории английского языка были предметом всестороннего рассмотрения в книге А.И.Смирницкого «Морфология английского языка» (Смирницкий, 1959а).

Вместе с тем, Александр Иванович считал необходимым отметить, что даже полная морфологизация аналитических форм не устраняет их определенной двойственности, обусловленной самим фактом их раздельнооформленности. При этом он был склонен видеть в аналитических формах свободные словосочетания, хотя и особого рода. Он, в частности, придавал большое значение тому факту, что «перфектность аналитических форм с *have* в качестве вспомогательного глагола определяется перфектностью самого причастия, входящего в состав этих форм» (ук. соч.: 287). Заметим, что речь идет в данном случае не о диахроническом, а о синхроническом аспекте этой связи, т.е. об актуальных для языка моментах категориальной общности между неличными и личными (аналитическими) формами.

Отношение личных и неличных форм в системе глагола рассматривалось А.И.Смирницким и в общем плане. Он полагал, что регулярное противопоставление этих форм дает основание для выделения особой категории, характеризующей глагол в целом и «представляющей процесс в разных вариациях — как чистый процесс или же как процесс, осложненный другими (предметными или признаковыми) моментами» (ук. соч.: 246–247). Данная категория обозначается в его работе как категория

репрезентации.

В книге «Морфология английского языка» нашли место и некоторые идеи Александра Ивановича, высказывавшиеся им лишь как предположения и нуждающиеся в дальнейшем обосновании. Так, замечая, что формы со вспомогательным глаголом *do* «не укладываются в общую схему категорий, обычно выделяемых в английском языке» (ук. соч.: 88), он, тем не менее, считал возможным выделить три специфические категории, образуемые этими формами: категорию заявления-вопроса, категорию утверждения-отрицания и категорию экспрессивности. Трудность, однако, состоит в том, что по крайней мере две из названных категорий являются не морфологическими, а синтаксическими, функционально направленными на моделирование предложения в языке с фиксированным порядком подлежащего и сказуемого. Ту же функцию, что и глагол *do*, выполняют в английском языке и другие вспомогательные и служебные глаголы, для которых, однако, синтаксическая функция является вторичной. Рассмотрение данного вопроса не получило завершения в опубликованных работах Александра Ивановича.

Последней работой, вышедшей в свет при его жизни, была небольшая брошюра «Объективность существования языка» (Смирницкий, 1954б). В этой работе, полемически направленной против некоторых постулатов «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, Александр Иванович излагает в обобщенном виде свои взгляды на взаимоотношение языка и речи.

Александр Иванович настаивает на принципиальном различии между знанием языка, т.е. его отображением в сознании индивидов (именно этой стороне языка, в общем, соответствует соссюровское *langue*), и его подлинным, объективным существованием в речи. Язык может выполнять свое назначение как основного средства общения лишь в силу того, что внешняя его сторона имеет материальное, звуковое выражение. Данный момент затемняется в таких распространенных выражениях, как «различная реализация одной и той же фонемы», «объективирование слова в его различных вариантах». При этом создается впечатление, что «знание языка есть нечто исходное, первичное, а его проявление в реальном звучании речи — нечто производное, вторичное» (ук. соч.: 28). Но «человек может “реализовать” в своей речи слово *лошадь* потому, что он предварительно “усвоил” его, выделив как единицу языка, объективно данного ему в речи других» (ук. соч.: 29). Поэтому при собственно лингвистическом исследовании языка предпочтительно говорить о воспроизведении его единиц: ведь всякая реализация какой-либо

единицы в речи представляет собой не что иное, как ее воспроизведение.

При этом Александр Иванович подчеркивал, что соединение звучания со значением не есть простая «ассоциация», как утверждал Соссюр. Звучание играет определяющую роль в самом формировании значения в каждом индивидуальном сознании. «Именно через это звучание (...) коллектив направляет процесс образования значений языковых единиц в сознании каждого индивида, передает индивиду свой опыт, опыт множества предшествующих поколений данного общества, и образующееся в индивидуальном сознании значение оказывается в своей основе не индивидуальным, а общественным явлением» (ук. соч.: 27).

Говоря о принадлежности звучания языку, Александр Иванович исходил также из того, что для самого существования языка безразлично, какое именно выражение имеет его внешняя, материальная сторона; замена звуковой оболочки языка графической, письменной, хотя последняя и соединяется обычно со «звуковыми образами», все же должна трактоваться именно как замена, т.е. как нечто вторичное по отношению к реальному звучанию. Полное действительное существование языка разделяется в этом случае тем промежутком времени, который проходит между написанием и прочтением написанного (ук. соч.: 32–33). В другой своей работе Александр Иванович пишет: «Можно сказать, что акт речи завершается здесь тогда, когда написанное прочитывается» (Смирницкий, 1957: 11).

Многие мысли Александра Ивановича остались рассеянными в черновиках и не были «прочитаны». Так, хотя он всегда интересовался фонологией, сохранились лишь отдельные его наброски по общей фонологии. Некоторые из них трудно интерпретировать вне того контекста, в котором они писались. Книги Александра Ивановича по теории английского языка, при всем их значении для языкознания, несвободны от противоречий. Эти противоречия могут быть объяснены, прежде всего, тем, что составители, стремясь к возможно полному отображению взглядов Александра Ивановича, включали в публикуемые книги и законченные его рукописи, и отдельные черновики, и записи лекций, читавшихся в разные годы. Между тем, как вспоминают слушатели этих лекций, Александр Иванович никогда не предлагал своей аудитории готовых ответов, но думал во время лекции, уточняя формулировки и внося поправки в только что сказанное. А.А.Реформатский заключил свой доклад, посвященный его памяти, словами: «Одним из самых замечательных свойств Александра Ивановича было то, что он любил думать, не боялся думать и заставлял думать окружающих» (стенограмма: 43).

Литература

- Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. – М., 1991. – 240 с.
- Жирмунский В.М.* О границах слова // Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. – Л., 1976а (1961). – С. 125–147.
- Жирмунский В.М.* Об аналитических конструкциях // Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. – Л., 1976б (1963). – С. 82–124.
- Кузьменко Ю.К.* Фонологическая эволюция германских языков. – Л., 1991. – 284 с.
- Пешковский А.М.* В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? // Пешковский А.М. Избранные труды. – М., 1959. – С. 74–100.
- Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. – М., 1970. – 527с.
- Русско-английский словарь* / Сост.: Ахманова О.С., Горбунова Т.П., Ротштейн Н.Ф., Смирницкий А.И. и др.; Под. общ. рук. Смирницкого А.И. – М., 1948. – 988 с.
- Скаличка В.* О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 128–197.
- Смирницкая О.А.* Александр Иванович Смирницкий. – М., 2000. – 136 с.
- Смирницкий А.И.* К вопросу о языке старших северных рунических надписей // Вестн. Моск. ун-та. – М., 1947. – № 8. – С. 67–92.
- Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В.Сталина по языкознанию. – М., 1953а. – С. 182–203.
- Смирницкий А.И.* Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностр. яз. в шк. – М., 1953б. – № 5. – С. 21–31.
- Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. – М., 1954а. – Т. 4. – С. 3–49.
- Смирницкий А.И.* Объективность существования языка. – М., 1954б. – 33 с.
- Смирницкий А.И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. – М., 1955а. – С. 11–53.
- Смирницкий А.И.* Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. Материалы к курсам языкознания. – М., 1955б. – 57 с.
- Смирницкий А.И.* Аналитические формы // Вопросы языкознания. – М., 1956а. – № 2. – С. 41–52.
- Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка / Подгот. к печати Пассек В.В. – М., 1956б. – 260 с.
- Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка // Подгот. к печати Пассек В.В. – М., 1957. – 286 с.

- Смирницкий А.И.* Морфология английского языка // Подгот. к печати Пассек В.В. – М., 1959 а. – 440 с.
- Смирницкий А.И.* Отпадение конечного *z* в западногерманских языках и изменение *z* в *r* // Вопросы германистики. – М., 1959 б. – С. 115–136.
- Смирницкий А.И.* История английского языка: (Средний и новый период) / Подгот. к печ. Асмангулян А.А. – М., 1965. – 136 с.
- Стенограмма заседания Уч. сов. отд. языкознания, посв. памяти проф. А.И.Смирницкого, 1 июня 1954 г.* // Рукопись (хран. в архиве О.А.Смирницкой). – 79 с.
- Тегнер Э.* Сага о Фричьфе / Пер. со швед. Айхенвальда Б.Ю. и Смирницкого А.И.; Комментар. Смирницкого А.И. – М.; Л., 1935. – 365 с.
- Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение: Литограф, лекции 1899/1900. – М., 1900.
- Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. С грам. таблицами и истор. и этимол. словарем* / Сост. Смирницкий А.И. – М., 1938. – 236 с.; Изд. 3 / Подгот. к печ. Пассек В.В. – М., 1953. – 287 с.
- Haugen E.* The Scandinavian languages: An introd. to their history. – Cambridge (Mass.), 1976. – 507 с.
- Smirnitisky A.I., Sveshnikov P.P.* Russian textbook: Elementary course. – М., 1935. – 363 с.

Основные работы А.И.Смирницкого

- Смирницкий А.И.* К вопросу о слове: (Проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. – М., 1953а. – С. 182–203.
- Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. – М., 1954а. – Т. 4. – С. 3–49.
- Смирницкий А.И.* Объективность существования языка. – М., 1954. – 33 с.
- Смирницкий А.И.* Древнеанглийский язык / Подгот. к печ. Пассек В.В. – М., 1955. – 318 с.
- Смирницкий А.И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 11–53.
- Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка / Подгот. к печ. Пассек В.В. – М., 1956. – 260 с.
- Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка // Подгот. к печ. Пассек В.В. – М., 1957. – 286 с.
- Смирницкий А.И.* Морфология английского языка / Подгот. к печ. Пасек В.В. – М., 1959а. – 440 с.
- Смирницкий А.И.* История английского языка: (Средний и новый период) / Подгот. к печ. Асмангулян А.А. – М., 1965. – 136 с.

Библиографию работ А.И.Смирницкого см.: Смирницкая О.А. Александр Иванович Смирницкий. – М., 2000. – С. 132–135.

Основные работы об А.И.Смирницком

Реформатский А.А. А.И.Смирницкий // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. – М., 1954. – Т. 13, вып. 6. – С. 571–573.

Реформатский А.А. Памяти профессора А.И.Смирницкого // Вопр. языкознания. – М., 1954. – № 6. – С. 150–154.

Медникова Э.М. Александр Иванович Смирницкий. – М., 1968. – 58 с.

Смирницкая О.А. Александр Иванович Смирницкий. – М., 2000. – 136 с.

Н.В.Солнцева

ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ СОЛНЦЕВ

Вадим Михайлович Солнцев (28.3.1928–19.4.2000) – член.-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор – выдающийся российский ученый, крупный специалист по общему и восточному языкознанию, типолог и грамматист, исследователь китайского и вьетнамского языков, а также 19 языков Юго-Восточной Азии, материалы которых были использованы им при разработке общеязыковедных теорий и теории изолирующих языков.

Его жизнь сложилась так, что в детстве он в течение долгого времени жил вместе с родителями в Китае, где его отец работал в торгпредстве СССР в г. Урумчи (1934–1937 гг. и 1941–1943 гг.). Тогда он впервые познакомился с жизнью и культурой Китая, а также с китайским языком, изучению которого он посвятил всю свою жизнь.

По возвращении на Родину В.М.Солнцев закончил школу и в 1944 г. поступил в Московский энергетический институт инженеров транспорта, но проучившись в нем один год, перешел на китайское отделение Московского института востоковедения, который закончил досрочно за четыре года (1945–1949).

Еще в студенческие годы, когда В.М.Солнцев занимался в научно-студенческом обществе под руководством Г.Д.Санжеева (1902–1982), определилась научная область его интересов – проблемы общезыкового характера и прежде всего, философские основы языка и проблемы устройства китайского языка как одной из разновидностей изолирующих языков и человеческого языка вообще. Подобная направленность интересов В.М.Солнцева объясняется его широкой филологической подготовкой.

Его учителями были выдающиеся представители отечественного востоковедения: Н.И.Конрад (1891–1970), Н.Н.Коротков, Г.Д.Санжеев, которые в то же время были и теоретиками общезыкового плана. Большую роль в становлении В.М.Солнцева как ученого широкого профиля оказали труды Е.Д.Поливанова (1891–1938), А.А.Драгунова (1900–1955), Ю.К.Щуцкого (1897–1938), которые также были и востоковедами широкого профиля, и специалистами в области общего языкознания.

Значительное влияние на формирование В.М.Солнцева как востоковеда с классическим традиционным востоковедным образованием оказали работы таких китайских ученых, как Ван Ли, Люй Шусян, Чжу Деси, Гао Минкай, а также таких востоковедов-как М.А.Коростовцев, П.Пеллио, В.Саймон, А.Масперо и др. В.М.Солнцев формировался как лингвист под влиянием прежде всего работ отечественных ученых – ученых русской школы: А.А.Потебни, А.А.Пешковского, Ф.Ф.Фортунатова, И.А.Бодуэна де Куртенэ, Н.С.Трубецкого, И.И.Мещанинова, Л.В.Щербы, Р.О.Якобсона и др. Значительное влияние на его взгляды также оказали работы Ф. де Соссюра, Г.Пауля, А.Мейе, Ж.Вандриеса, Э.Сепира и других зарубежных лингвистов.

В аспирантуре В.М.Солнцев прослушал курс лекций по общему языкознанию, который читал известный теоретик по общему языкознанию и специалист по кавказским языкам – Н.Ф.Яковлев (1892–1974).

Под влиянием всех этих ученых В.М.Солнцев сложился как востоковед с классическим традиционным востоковедным образованием и как лингвист отечественной школы.

После окончания института В.М.Солнцев был оставлен на кафедре в качестве преподавателя китайского языка и зачислен в аспирантуру (1949–1953), в которой обучался под руководством проф. Н.Н.Короткова. В 1953 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию “Проблемы слова и корня в китайском языке”. Преподавал китайский язык В.М.Солнцев в течение десяти лет. Сначала в Московском институте востоковедения (1949–1954), а затем в Московском институте международных отношений (ИМО) (1954–1959) после слияния Московского института востоковедения с Московским институтом международных отношений. Здесь ему было присвоено звание доцента (1957).

В первые годы своей научно-преподавательской деятельности В.М.Солнцев неоднократно выезжал в составе делегаций в качестве переводчика китайского языка (в Китай – с делегацией женщин (1949), в Польшу – на Всемирный конгресс мира (1950), в Индонезию – на “Игры растущих сил” (ГАНЕФО) (1963).

В 1958 г. В.М.Солнцев перешел на научную работу в Институт востоковедения АН СССР в качестве младшего научного сотрудника и еще год вел преподавание китайского языка в ИМО. В Институте востоковедения он начал читать лекции по теории китайского языка и по общему языкознанию для аспирантов Московского института востоковедения. Позже лекции по этой тематике он стал читать в других вузах страны, а также за рубежом. В частности, В.М.Солнцев прочел цикл лекций по теории китайского языка в Сорбонне (Париж, май, 1968 г.), в Шанхайском и Нанкинском университетах (КНР, 1991), в Синологическом институте при Венском университете (1991), в Хэйлунцзянском университете (КНР, Харбин, 1996 г.). В.М.Солнцев прочел также ряд лекций по типологии (в Монголии, 1999 г.), по социалингвистическим проблемам (в Токио и Нагоя, 1991 г.). Им был подготовлен курс лекций по теории китайского языка “Теоретическая грамматика китайского языка (проблемы морфологии)”, который был опубликован в виде монографии в 1978 г.

В 1965 г. В.М.Солнцев был назначен заведующим отделом языков Института востоковедения. С приходом В.М.Солнцева в отделе начинается теоретическое исследование и описание восточных языков, по его инициативе “закладывается” новое направление в области исследования восточных языков, а именно языков Юго-Восточной Азии.

В 1965 г. В.М.Солнцев возглавил две фундаментальные серии, основанные в свое время Г.П.Сердюченко, – серию “Языки Азии и Аф-

рики” (1965–1993) и серию “Языки зарубежного Востока и Африки” (позже “Языки народов Азии и Африки” (1965–1999).

В.М.Солнцев — один из организаторов и участник Международных симпозиумов ученых социалистических стран, посвященных “Теоретическим проблемам языков Азии и Африки”. Эти симпозиумы проводились поочередно в разных столицах социалистических стран: в Москве (1977), в Варшаве (1980), в Берлине (1983), в Праге (1986), в Ханое (1990).

По инициативе В.М.Солнцева стали регулярно проводиться Всесоюзные (позже Международные) конференции по китайскому языкознанию. При его жизни было проведено восемь конференций (1984, 1986, 1988, 1990, 1992, 1994, 1996, 1998). Материалы этих конференций были опубликованы под его редакцией.

В.М.Солнцев — инициатор и руководитель российской части совместной Российско-вьетнамской (ранее Советско-вьетнамской) лингвистической экспедиции по обследованию малоизученных и бесписьменных языков народов Вьетнама. Экспедиция была организована Академией наук СССР и Комитетом общественных наук Вьетнама в 1979 г. С участием и под руководством В.М.Солнцева было проведено восемь полевых сезонов и обследовано 20 языков. Это — треть языков народов, проживающих во Вьетнаме. Под его редакцией вышли три книги “Язык лаха” (1986), “Язык мыонг” (1987), “Язык ксингмул” (1990). Уже после его смерти в 2001 г. вышла четвертая книга — “Язык рук”, в написании которой он принимал участие.

В.М.Солнцев — один из организаторов проведения совместных российско-вьетнамских симпозиумов по вопросам вьетнамского языка и языков народов Вьетнама. При его жизни было проведено девять симпозиумов.

В 1965 г. В.М.Солнцев был назначен заместителем директора Института востоковедения. В его ведении находился так называемый традиционный востоковедческий цикл, куда входили исследования по языкам, литературе, культуре, религии, истории стран зарубежного Востока. В.М.Солнцев, например, курировал работу над “Большим китайско-русским словарем” и все монголоведные исследования. Под его редакцией вышло большое число книг и сборников востоковедного цикла: “Исследования по восточной филологии: к 70-летию проф. Г.Д.Санжеева”, “Проблемы семантики”, “Теоретические проблемы восточного языкознания” (в шести частях), “Культурное наследие народов Востока и со-

временная идеологическая борьба”, “История и культура монголоязычных народов: источники и традиции”, “Mongolica” и т.д.

В 1970 г. В.М.Солнцев защитил докторскую диссертацию на тему “Язык как системно-структурное образование”, а в 1971 г. ему было присвоено звание профессора. С 1974 по 1999 г. В.М.Солнцев являлся заместителем председателя Комиссии по сотрудничеству РАН и Академии наук Монголии в области общественных наук. С 1977 по 1999 г. В.М.Солнцев – председатель Российской (советской) части Комиссии по сотрудничеству РАН (АН СССР) и Национального центра общественных и гуманитарных наук Социалистической Республики Вьетнам (ранее – Комитет общественных наук СРВ).

В 1987 г. В.М.Солнцев был назначен директором Института языкознания РАН, где проработал до своей кончины 19 апреля 2000 г. Здесь он возглавил в 1994 г. отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, в котором велось составление пяти словарей: Большого вьетнамско-русского словаря (В.М.Солнцев был главным редактором словаря), Русско-кхмерского словаря, Лаосско-русского словаря, Китайско-русского словаря лингвистических терминов, Русско-вьетнамского словаря музыкальных терминов. В связи с переходом В.М.Солнцева в Институт языкознания два проекта по сотрудничеству с Вьетнамом: проведение экспедиций и проведение Российско-вьетнамских симпозиумов – стали осуществляться совместно Институтом востоковедения и Институтом языкознания.

В 1987 г. В.М.Солнцев стал членом Бюро отделения литературы и языка РАН, и в этом же году В.М.Солнцева избирают президентом Общества монголоведов РАН (до 1991 г. Всесоюзная ассоциация монголоведов АН СССР) и вице-президентом Международной ассоциации монголоведов.

С 1973 г. В.М.Солнцев являлся членом Комиссии по филологии, а с 1988 по 1991 г. – председателем Филологической секции Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР. С 1990 по 1999 г. он был членом редакционного совета журнала “Российский язык в национальной школе”, с 1992 по 1999 г. – членом редколлегии журнала “Известия Академии наук. Серия литературы и языка”. С 1967 по 1986 г. В.М.Солнцев являлся членом Экспертного совета и экспертом Комиссии по филологии и искусствоведению Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С 1971 г. он являлся заместителем главного редактора, а с 1988 г. по начало 2000 г. – членом редколлегии журнала “Вопросы языкознания”. С 1988 по

1999 г. В.М.Солнцев являлся членом редколлегии издания “Bulletin of the International Association for Mongol Studies” (Улан-Батор).

С 1983 по 1989 г. В.М.Солнцев был членом главной редколлегии многотомного издания “Языки мира”, подготавливаемого Институтом языкознания, а с 1999 г. В.М.Солнцев стал главным редактором нового журнала “Вопросы филологии”. В 1984 г. В.М.Солнцев был избран член.-корр. АН СССР, а в 1999 г. — академиком Российской академии естественных наук (РАЕН).

В 1996 г. В.М.Солнцеву за научные заслуги было присвоено звание почетного профессора Хэйлунцзянского университета (Китай, Харбин). С 1977 по 1992 г. В.М.Солнцев возглавлял объединенный научный совет “Теоретические проблемы языкознания” при Отделении литературы и языка РАН. В 1987 г. В.М.Солнцев вошел в состав редколлегии издания “Problemy języków Azji i Afryki” (Варшава).

Будучи по образованию китаеведом, специализирующимся в области китайского языка и других изолирующих языков, “на протяжении долгой и напряженной жизни В.М.Солнцева в лингвистике и для лингвистики... влекли к себе и вдохновляли три комплекса проблем: архитектура языка, общая для всех его разновидностей (система и структура), ее реализации в “типовых проектах” и, наконец, уникальные здания, выстроенные по индивидуальным чертежам” (Кубрякова, Степанов, Арутюнова 1999:6–7).

В.М.Солнцева, всегда интересовали такие философские проблемы, как устройство языка вообще, характер его структуры и системы, проблема знака, звукосимволизм, дихотомия “язык — речь” и т.п. и т.д.

Уже в своей первой статье “К вопросу о выражении понятий в китайском языке в свете учения И.В.Сталина о языке” (1953) В.М.Солнцев обосновал свое понимание особенностей слова китайского языка и его грамматического устройства, исходя из понимания того, что такое язык и что такое понятие. Он писал: “... только вскрыв и познав особенности выражения понятий в языке, можно окончательно уяснить те внутренние законы, по которым движется и развивается язык” (Солнцев, 1953:140).

В данной статье он определил язык “как единство формы и содержания, а не как форму, содержанием которого является мышление” (Солнцев, 1953:142). Содержание же для В.М.Солнцева — это абстракции и обобщения, отложившиеся в языке как результат работы мышления. “Сущность языка заключается в том, что он является средством, орудием обмена мыслями. Сущность же мышления состоит в том, что

мышление есть идеальная форма отражения объективного мира в голове человека” (Солнцев, 1953:142).

Различные онтологические проблемы языка были рассмотрены им еще в 60-е и 70-е годы в отдельных статьях, в которых выкристаллизовывалась авторская концепция языка.

В полном виде эта концепция была изложена в его фундаментальной книге “Язык как системно-структурное образование” (1971). Во введении к этой книге В.М.Солнцев писал “Данная работа развивает определенную точку зрения на язык ...язык здесь рассматривается как материальное средство общения людей или, конкретнее, как вторичная материальная, или знаковая, система, используемая как орудие или средство общения” (Солнцев, 1971:3).

В.М.Солнцев строил свою теорию о языке, исходя из идеи, что “работа лингвиста вне учета “природной материи языка” и вообще учета субстанционального начала в языке”, а также “исключения из языка “звуковой субстанции” и того, что называют “субстанцией значения”” (Солнцев, 1971:8), невозможна, хотя именно в тот период, когда формировалась его концепция о языке, “развитие лингвистики, как и развитие ряда других наук, — как он отмечал, — характеризовалось переносом внимания с субстанциональной точки зрения на структурно-функциональную” (Солнцев, 1971:6].

Он считал, что лингвистике “предстоит вернуться к структурно-субстанциональной точке зрения на язык, но уже с новым духом и новыми приемами, т.е. обновленный структурными методами и идеями” (Солнцев, 1971:8).

В его концепции язык как объект предстает не как понятие “структуры”, а как структурно-субстанциональное понятие.

Источниками этой книги послужили “многолетняя работа по изучению изолирующих языков в плане выявления их специфических черт и общих свойств, объединяющих их с языками иной типологии... и, ... исследование содержания некоторых основных понятий и категорий, выработанных наукой о языке, и общих свойству стоящих за ними реалий языка” (Солнцев, 1971:4) (подчеркнуто мною. — Н.С.).

При рассмотрении языка как некоего целостного объекта, как системно-структурного образования, В.М.Солнцев опирался на важнейшие понятия общей теории систем и структур. Структура в его понимании это — “совокупность внутрисистемных связей...” (Солнцев, 1971:26), которая “не равна объекту в целом. Структура есть объект минус составляющие его элементы...” (Солнцев 1971:26).

“Устройство, организация, упорядоченность системы представляют собой структуру этой системы... понятие структуры данной системы включает только внутрисистемные отношения в отвлечении от объектов, составляющих систему. Структура тем самым есть понятие, протиполоставленное материальным объектам, или элементам системы” (Солнцев, 1971:25).

В отличие от лингвистов, рассматривавших в 60-х годах язык как целое, состоящее из отношений, для В.М.Солнцева “отношение есть тот или иной вид связи, зависимостей или взаимодействия между элементами” (Солнцев, 1971:16), а система – это “целостный... объект, состоящий из элементов... находящихся во взаимных отношениях” (Солнцев, 1971:16). В его понимании элемент в такой системе “выступает как единство материальных и функциональных свойств... как единство его субстанциональных свойств и приписанных ему свойств выражать какую-либо идею (сигнализировать о какой-либо идее)” (Солнцев, 1971:20).

Разбирая соотношение системы и субстанции, В.М.Солнцев говорит о том, что субстанция системы представлена элементами системы, но вместе с тем он проводит различие между субстанцией и элементами, объясняя это различие тем, что “элементы структурно обусловлены и являются формой существования данной субстанции в данной системе” (Солнцев, 1971:39).

Значительное внимание в концепции В.М.Солнцева уделено проблеме знака.

Объясняется это тем, что многие лингвисты, когда писали о “знаках языка” и о “единицах языка”, при этом часто имели в виду один и тот же объект – элементы, составляющие язык, из которых складывается речь. С точки зрения В.М.Солнцева, “при таком подходе к языку и его единицам – понятие знака и единицы языка (исключая фонему), по сути дела, совпадают. В частности, тождественными оказываются понятия знака и слова” (Солнцев, 1971:92). Не соглашаясь с таким подходом, В.М.Солнцев в своей работе ставил перед собою цель – “установить, совместимы ли понятия *знак* и *единица языка*” (Солнцев, 1971:98).

Решение этой проблемы, по его мнению, связано было с определением того, каковы фундаментальные свойства единиц языка. Именно поэтому он подробно анализирует единицы языка и единицы речи, уделяя слову, как центральной единице языка, больше внимания, чем другим единицам, и на базе анализа слова формулирует основные положения своей теории.

Доказывая, что слово как единицу языка нельзя считать знаком, В.М.Солнцев исходил из определения знака как односторонней сущности.

В отличие от Ф. де Соссюра, в понимании которого знак представляет собою двустороннюю сущность, включающей обозначающее и обозначаемое, в понимании В.М.Солнцева, знак не может включать в себя обозначаемое. “Знак... — с его точки зрения — есть только указатель, т.е. обозначающее” (Солнцев, 1962:206). Невозможность считать слово знаком В.М.Солнцев объяснял тем, что “знак в целом есть нечто немотивированное” (Солнцев, 1962:207), а значение слова (как часть знака), как он полагал, нельзя рассматривать как нечто немотивированное по отношению к предмету, которое это значение отображает: “Значения слов всегда мотивированы характером тех предметов и явлений, которые они обобщенно отражают” (Солнцев, 1962:207). “Знаками в языке — писал он — можно, по-видимому, считать только звуковые оболочки слов, но не слова как таковые” (Солнце, 1962:207).

При анализе знака и слова он дает следующее определение этих двух понятий. “Знак вообще можно определить как некоторый “кусочек” материи, отвечающий двум требованиям: во-первых, он обозначает нечто, находящееся вне его, и, во-вторых, не связан с обозначаемым естественной или причинной связью. Тем самым знак обладает: а) знаковой функцией (указание на что-либо) и б) свойством конвенциональности. Конвенциональность связи знака и обозначаемого им следует понимать не только как сознательную договоренность, но и как стихийное “соглашение”” (Солнцев, 1970:9). “Значение знака не может быть конвенциональным... Значение знака лежит вне знака и есть часть обозначаемого им. Поэтому сам знак определяется не как двусторонняя сущность (обозначающее плюс обозначаемое), а как односторонняя сущность — обозначающее — указатель на некоторое мыслительное содержание и, в силу этого, на некоторую предметную область” (Солнцев, 1970:10).

Слово же, по В.М.Солнцеву, как “центральная единица системы языка есть двусторонняя сущность — исторически сложившееся единство звучания и значения. В слове одна из сторон — звучание — обладает свойством конвенциональности. ... Звуковая оболочка слова... должна быть определена как знак, поскольку обладает свойством конвенциональности” (Солнцев, 1970:10 —11).

Признавая, что слово является выразителем понятия, В.М.Солнцев проводил “различие между “понятием” — единицей мышления и “значением”, закрепленным в слове, т.е. чисто языковой едини-

цей” (Солнцев, 1962:203). Поскольку “законы мышления одинаковы для всех людей земли...” (Солнцев, 1962,:203], “люди, принадлежащие к разным национальностям, могут иметь в своем мозгу одинаковые понятия... языковые же значения... национальны” (Солнцев, 1962:203).

При характеристике существенных свойств знака В.М.Солнцев затрагивает проблему о том, где существует материальный языковый знак: “В языке знаки “сделаны” из звуковой материи... Как материальные предметы языковые знаки существуют вне головы человека. В голове говорящего имеются идеальные обобщенные образы этих знаков (или представления об этих знаках). Эти образы или представления, по сути дела, есть не что иное, как знание соответствующих знаков... знак создается говорящим с помощью органов речи всякий раз заново. Основой создания знака является знание артикулировать его, т.е. “делать его”” (Солнцев, 1977:15).

При анализе свойств знака он рассматривает проблему инварианта и вариантов знака, полагая, что “по отношению к этим вариантам идеальный обобщенный образ данного знака... выступает как инвариант ... Инвариант данного знака есть некоторый идеальный предмет, “умственная вещь” ... Обобщенный образ знака ... и есть абстрактная форма знака, или абстрактный знак” (Солнцев, 1977:16).

В отличие от мнения, согласно которому абстрактные знаки являются принадлежностью языка, а конкретные знаки – варианты – являются принадлежностью речи и что конкретные знаки в речи репрезентируют абстрактные знаки, для В.М.Солнцева “абстрактный знак – бесплотен. С его помощью невозможно общаться. Поэтому если считать, что язык состоит из абстрактных знаков, то его невозможно рассматривать как средство общения” (Солнцев, 1977:16).

К этому выводу В.М.Солнцев приходит на основании определенного понимания дихотомии “язык – речь”.

Для В.М.Солнцева речь “есть не что иное, как язык в действии, в использовании. Соотношение языка и речи, по сути дела, есть соотношение средства и применения этого средства. Хотя конкретные знаки “делаются” в момент речи, они не перестают быть и принадлежностью языка. От того, что мы делаем то или иное средство в момент его применения, оно не перестает быть средством” (Солнцев, 1977:17) (подчеркнуто мною. – Н.С.).

Одной из важных идей в концепции В.М.Солнцева является положение о наличии системообразующих, системоприобретенных и системнейтральных свойств элемента системы языка.

“Системообразующие свойства — это присущие элементам свойства независимо от их участия в системе... Системоприобретенные свойства — это те свойства, которыми система и системные отношения наделяют элементы... Системнонейтральные свойства объектов не существенны для их отношений с другими объектами в данной системе” (Солнцев, 1971:48).

Важным для понимания механизма организации языка является предложенный В.М.Солнцевым постулат о неоднородности элементов языка, которую он считал одним из фундаментальных свойств языка. Основываясь на свойстве неоднородности, он дает свое понимание парадигматических, синтагматических и иерархических отношений в языке. По его мнению, вся парадигматика, синтагматика и иерархичность покоятся именно на свойстве неоднородности.

Сопоставляя свойство неоднородности с принципом линейности, который Ф. де Соссюр относил к разряду основных и от которого, как тот справедливо полагал, зависит весь механизм языка, В.М.Солнцев пришел к выводу что “принцип линейности в языке оправдан лишь постольку, поскольку элементы языка характеризуются свойством неоднородности” (Солнцев, 1971:59).

Во втором издании книги “Язык как системно-структурное образование” (1977) В.М.Солнцев вновь возвращается к проблеме единиц языка и речи, подробно исследуя комбинаторику этих единиц.

Проблему комбинаторики он анализирует в связи с процессами речеобразования, при которых происходит формирование и выражение мыслей, т.е. некоторых смыслов. Важно отметить, что в данной работе проблема порождения смысла была рассмотрена на фоне разбора концепции порождения смысла в генеративной лингвистике (Солнцев, 1977:3) и “было показано, что так называемые “глубинные структуры” есть не что иное, как построение исследователя... подвергнуто сомнению... утверждение Н.Хомского о том, что язык якобы порождает не только бесчисленное количество новых предложений, но и новых моделей предложений... подвергнута сомнению концепция врожденной компетенции... к определенному языку”^(Михальченко, 2000:20–21).

В.М.Солнцев внес много новых идей в типологию, интерес к которой, естественно, был связан прежде всего с проблемой типологической оценки китайского языка. Впервые вопрос о типологических свойствах китайского языка был рассмотрен им в его кандидатской диссертации “Проблемы слова и корня в китайском языке” (1953), где он обосновал неправомерность оценки китайского языка как аморфного, корневого

или моносиллабичного, показав наличие в китайском языке словоизменительной морфологии и наличие в словах китайского языка основы, корня и аффиксов, а также преобладание сложных слов в словарном составе китайского языка.

В этой диссертации, а также в последующих работах он показал, что понятие “аморфный” не равнозначно понятию “изолирующий, а понятие “изолирующий язык” не равно понятию “корневого, или моносиллабичного языка”. Изолирующий язык в его определении это язык, в словах (или формах) которого не выражаются отношения к другим словам.

Интересен для типологии вывод В.М.Солнцева относительно морфологических категорий изолирующих китайского и вьетнамского языков, в которых, как он показал, представлены только так называемые несинтаксические (по определению А.М.Пешковского и Ф.Ф.Фортунатова) морфологические категории типа категорий вида и времени, не способные своими формами выражать синтаксические отношения между словами. В.М.Солнцев подчеркнул, что подобные категории действуют в рамках изоляции, не нарушая ее, и что формы этих категорий в основном образуются с помощью агглютинативных аффиксов.

Из того факта, что словоформы могут быть ориентированы на синтаксис и могут вовсе не обслуживать синтаксические связи, им был сделан вывод о том, что “разбиение языков в существующей типологической классификации языков на изолирующие, флективные и агглютинативные фактически базируется на разных основаниях. ... Если понятие агглютинации и флексии — это характеристика строения слова с точки зрения техники соединения... морфем в слове, то понятие изоляции — это характеристика способа выражения отношений между словами, но не особенностей строения слова” (Солнцев, 1978:15). Описанное выше положение позволило В.М.Солнцеву предложить новое понимание морфологической классификации языков: “Типологическая схема классификации языков должна быть не одномерной, а двумерной” (Солнцев, 1978:17). “В соответствии с выраженностью или, наоборот, невыраженностью в словах (в формах слов) отношений к другим словам все языки можно разделить на две группы: изолирующие и неизолирующие. По способу образования форм слов... языки можно разделить на флективные (фузионные), агглютинативные и аналитические” (Солнцев, 1978:16).

Новую трактовку В.М.Солнцев дал соотношению аналитической формы и аналитического строя языка, уточнив, что существующее в языкознании определение аналитического строя языка фактически совпадает с пониманием и определением изоляции и что аналитический строй отнюдь не предполагает и не зависит от наличия аналитических форм в языке. В.М.Солнцев писал: “Язык является аналитическим в том случае, если отношения между словами в речевой цепи выражаются не средствами самих слов (формами слов), а иными способами (размещением слов в речевой цепи, служебными словами)... Аналитичность языка не предполагает обязательного наличия или распространения в языке аналитических форм” (Солнцев, 1963:6).

Учитывая разноречивость в терминах, используемых при описании языков, принадлежащих к разным типам языков или к языкам одной типологии, В.М.Солнцев предложил проводить описание языков на основе принципа соизмеримости: “Языки в своих описаниях должны быть соизмеримы, т.е. по возможности описаны посредством единообразного терминологического аппарата” (Солнцев, 1976:106).

По его мнению, “соизмеримость разносистемных языков, по видимому, может быть достигнута лишь при условии выбора общих критериев, применение которых позволит использовать общие термины (единицы описания)” (Солнцев, 1976:120).

Важные уточнения в понимании хода развития человеческого языка В.М.Солнцев внес после изучения языков народов Вьетнама, которые были обследованы Российско-вьетнамской лингвистической экспедицией. Материалы этих языков показали, что языки Юго-Восточной Азии вместе с языками Дальнего Востока входят в обширный языковый союз (Sprachbund) и обладают целым рядом общих типологических черт. Языки этого региона находятся на разных стадиях развития. Самые древние языки обладают чертами языков флективного типа, в которых флективные элементы еще достаточно продуктивны. Многие языки со временем либо утратили флективные черты полностью, т.е. утратили древнюю морфологию, либо сохранили рефлексy флексий. Во многих из языков одновременно существуют старая флективная морфология и новая, пришедшая на смену старой, — в основном агглютинативного типа. Языки флективного типа были неизолирующими языками. Языки с новой морфологией являются изолирующими языками.

Материал обследованных языков также показал, что самые древние языки изначально были полисиллабическими (Солнцев, 1984).

Исходя из этих данных, В.М.Солнцев внес следующие уточнения в типологические представления: 1) языки развиваются циклически; 2) изолирующий язык не является изначальным типом в развитии языков, как это ранее было принято считать; 3) моносиллабичность также не является изначальной для данных языков, процесс моносиллабизации начинается в них на более поздних этапах их развития (Солнцев, 1977б).

Все изложенные теоретические представления и новые трактовки известных ранее положений В.М.Солнцева в определенной степени основаны на исследованиях в области изолирующих языков и главным образом китайского и вьетнамского языков, где он ставил своей целью выявление и определение основных признаков изолирующих языков и построение теории изолирующих языков.

При разработке этой теории В.М.Солнцев исходил из принципа соизмеримости языков, выявляя в изолирующих языках те черты, которые являются общими для этих языков и для языков иной типологии и которые могли быть использованы в качестве критериев для единообразного описания сравниваемых языков.

При построении теории изолирующих языков В.М.Солнцев использовал также метод установления подобия языков, предложенный им еще в 1965 г., суть которого “заключается в сопоставлении характера отношений между единицами разных уровней различных языков” (Солнцев, 1965:13).

Именно с этих позиций В.М.Солнцевым были описаны изолирующие языки и охарактеризованы основные единицы этих языков, а также характер отношений между ними во многих его статьях и книгах, таких как “Очерки по современному китайскому языку” (1957), “Теоретическая грамматика современного китайского языка” (1978), “Введение в теорию изолирующих языков” (1995) — его последней книге, в которой он суммарно изложил свои взгляды на изолирующие языки в целом.

“По сути дела оказывается — как пишут Е.С.Кубрякова, Ю.С.Степанов и Н.Д.Арутюнова, — что отличительными чертами в изолирующих языках обладают не только главные системные единицы языка, но и вся сетка отношений между ними” (Кубрякова, Степанов, Арутюнова, 1999:5).

В.М.Солнцев выделил целый ряд свойств изолирующих языков, которые “по сути дела, можно рассматривать как признаки изоляции” (Солнцев, 1978:12).

“Первое свойство изоляции заключается в том, что ни одна форма слова... не используется для выражения синтаксических отношений между словами и не маркирует синтаксической роли слова... Особенностью всех форм слов является то, что они изолированно принадлежат либо только одной части речи, либо близким по свойствам частям речи... Третья особенность изоляции, или третье свойство, форм заключается в отсутствии (или почти полном отсутствии) связи между формой слова и его функциональным использованием, а также между формой слова и синтаксической сочетаемостью слова” (Солнцев, 1978:12–14). В качестве ведущих типологических черт изолирующих языков он выделял полисиллабизм, особые фонематические свойства звука, учитывая, что в неизолирующих языках звук обладает как смыслоразличительной, так и смысловыразительной функцией, а в изолирующих языках “эти две функции распределены по разным звуковым единицам... Функция смыслоразличения закреплена за отдельным звуком, а функция смысловыражения — за слогом” (Солнцев, 1995:43). В.М.Солнцев выбрал в качестве критерия соизмеримого описания фонемы в разносистемных языках универсальный признак, а именно функцию смыслоразличения: “Выделение фонем в разных языках может производиться на основе именно... функции смыслоразличения” (Солнцев, 1995:43), поскольку, по его мнению, “функция смыслоразличения по отношению к отдельному звуку более универсальна, чем функция смысловыражения...” (Солнце, 1995:43) (подчеркнуто мною. —Н.С.). |

Исходя из этого, он считал возможным говорить о фонематических свойствах звука в изолирующих языках, которые сводятся к функции смыслоразличения.

Для основной единицы языка, а именно слова, В.М.Солнцев предложил, как он пишет, надтипологическое определение, которое было бы пригодным для всех языков (изолирующих и неизолирующих): “Во всех языках имеются двусторонние, синтаксически самостоятельные единицы. Определение, которое ограничивается констанцией этого факта и отвлекается от всего того, что в разных языках “будет по-разному”, может считаться пригодным... для всех языков” (Солнцев, 1995:129–130).

Под синтаксически самостоятельными единицами в изолирующих языках он понимал такие единицы, которые могут быть использованы “как однословное предложение” и которые способны “употребляться без опоры на какие-либо языковые элементы в так называемых синтаксически независимых позициях — подлежащего и именной части сказуемого” (Солнцев, 1995:129).

При решении проблемы отличимости односложного слова от морфемы В.М.Солнцев использовал в качестве критерия признак синтаксической самостоятельности, опираясь при этом на понимание морфемы как минимальной значимой части слова, предложенной Бодуэном де Куртене. Соответственно, среди односложных единиц еще в своей кандидатской диссертации он выделил четыре типа единиц: простые слова, обладающие синтаксической самостоятельностью, устаревшие слова, которые в современном языке полностью утратили синтаксическую самостоятельность, т.е. морфемы, полусамостоятельные слова, которые обладают ограниченной синтаксической самостоятельностью, и служебные слова. В.М.Солнцев выделял производные слова и сложные слова, определив при этом важную особенность сложных слов в изолирующих языках, заключающуюся в том, что модели сложных слов распределены по частям речи. Это положение впервые было сформулировано им в его кандидатской диссертации применительно к китайскому языку. В своей книге “Введение в теорию изолирующих языков” он показал, что подобная распределенность характерна для всех изолирующих языков.

В.М.Солнцев разработал с несколько иных позиций, чем А.А.Драгунов теорию частей речи в китайском языке “и показал, что части речи представляют собой грамматические классы слов, при этом использовал как синтаксические (вслед за А.А.Драгуновым), так и морфологические критерии” (Михальченко, 2000:18–19).

Важными моментами в его теории частей речи является положение о том, что части речи являются “обязательным атрибутом грамматической системы любого языка” (Кубрякова, Степанов, Арутюнова, 1999:6), а также положение о зависимости “синтаксических отношений от частеречной принадлежности слов (частеречный синтаксис)...” (Михальченко, 2000:22).

Оценивая общетеоретические положения и теорию изолирующих языков В.М.Солнцева, Е.С.Кубрякова, Ю.С.Степанов и Н.Д.Арутюнова пишут: “Можно утверждать, что ... представления, составляющие в лингвистике остов и основу грамматической характеристики языков, подвергаются в книге В.М.Солнцева (речь идет о последней книге В.М.Солнцева. — Н.С.) ревизии и, обогащенные новыми сведениями, начинают служить демонстрации тех диапазонов варьирования, в рамках которого может существовать языковое явление или отдельная языковая категория (морфема, предложение и т.п.)” (Кубрякова, Степанов, Арутюнова, 1999:5).

Важную область интересов В.М.Солнцева оставляют исследования проблемы дальних связей монгольских языков с языками Юго-Восточной Азии (ЮВА). Это новое направление в исследовании этих языков, начатое В.М.Солнцевым еще в 80-х годах, было связано непосредственно с алтайской гипотезой. При изучении материалов языков ЮВА, обследованных экспедицией, В.М.Солнцев выявил множество лексических и грамматических соответствий в монгольских языках и языках ЮВА.

Лексические соответствия имеются среди терминов родства, в словах со значением ‘человек’, ‘мужчина’, ‘ребенок’ и т.п. (Солнцев, 1992).

При выявлении грамматических соответствий В.М.Солнцев обнаружил ряд грамматических морфем в монгольских языках и языках Юго-Восточной Азии, которые, что важно подчеркнуть, в одних языках относятся к элементам, почти утратившим свою продуктивность, а в других языках широко функционируют. Эти морфемы материально тождественны, и их значения совпадают. К числу подобных морфем, исследованных В.М.Солнцевым, относятся, в частности, показатели генетива, пассива, каузатива и состояния, а также показатель датива.

В связи с переходом В.М.Солнцева в Институт языкознания он вплотную занялся исследованием социолингвистических проблем. С 1987 по 1999 г. он возглавлял Научный совет “Язык и общество”. За этот период он разрабатывал такие проблемы, как национально-языковые отношения в СССР, двуязычие и многоязычие, государственный язык, языковая ситуация в СССР, языковые проблемы в Российской Федерации и мировой опыт решения языковых проблем, языковые конфликты в многонациональных странах. В.М.Солнцев дал свою трактовку понятию многонациональности и объяснил ряд причин возникновения языковых конфликтов в многонациональных странах. По его мнению “многонациональными... являются не просто страны, в которых проживают люди разных национальностей, а такие, в которых численность национальных меньшинств достигает определенного уровня и способна оказывать непосредственное влияние на характер национально-языковой обстановки в стране” (Солнцев, 1991:7). От количества этносов, проживающих в странах, как пишет В.М.Солнцев, зависит количество официальных языков и статус этих языков, при этом даже при наличии равного статуса языки могут различаться объемом функций и сферой употребления. С его точки зрения, ситуация двуязычия или многоязычия в многонациональных странах — “это естественный и разумный

путь преодоления языковых барьеров в многонациональном обществе” (Солнцев, 1991:17).

Погрузившись в разработку социолингвистических проблем, В.М.Солнцев продолжал жить теми интересами, которые всегда были его основными. Последняя книга, вышедшая после ухода его из жизни, была посвящена изолирующему языку — языку рук (2000), а последняя статья посвящена онтологическим проблемам. Эта статья — отклик на статью Н.Фрейзера “Происхождение языка”. Критически анализируя проблему “врожденной компетенции, к которой апеллирует Н.Фрейзер, В.М.Солнцев подчеркивает мысль о том, что “ребенок в состоянии подражать взрослым и только в этом смысле “...существует врожденная способность к языку, не более. Эта способность обусловлена возможностью формировать абстрактные сущности — понятия, которые выражаются, единицами языка” (Солнцев, 2001).

Литература

- Кубрякова Е.С., Степанов Ю.С., Арутюнова Н.Д.* Вадим Михайлович Солнцев — лингвист // *Общее и восточное языкознание: Сб. научн. тр., посвящ. 70-летию члена-корр. РАН В.М.Солнцева.* — М., 1999. — С.3-7.
- Михальченко В.Ю.* Краткий очерк научной, педагогической, научно-организационной и общественной деятельности // *Вадим Михайлович Солнцев. Материалы к библиографии ученых.* — М., 2000. — Вып.25. — С.16–29.
- Солнцев В.М.* К вопросу о выражении понятий в китайском языке в свете учения Сталина о языке // *Труды Московского института востоковедения* — М., 1953. — Вып.7. — С.140–166.
- Солнцев В.М.* О форме и содержании в языке // *Zeichen und system der Sprache.* — В., 1962. — Bd 2. — S.202–204.
- Солнцев В.М.* О знаке в языке // *Zeichen und system der Sprache.* — В., 1962. — Bd 2. — S.204–208.

- Солнцев В.М.* Анализ и аналитизм // Аналитические конструкции в языках различных типов: Тез. докл. на откр. расшир. засед. Уч. Совета Ин-та языкознания АН СССР. – Л., 1963. – С.6–7 (соавтор Солнцева Н.В).
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование: (К проблеме онтологии языка): Автореф. дис. .... д-ра филол. наук. – М., 1970. – 51 с.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. – М., 1971. – 292 с. (2-е изд. доп. 1977. – 341 с.)
- Солнцев В.М.* О соизмеримости языков // Принципы описания языков мира. – М., 1976. – С.15–28.
- Солнцев В.М.* Языковой знак и его свойства // Вопр. языкознания. – М., 1977а – № 2. – С.15–28.
- Солнцев В.М.* О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания // Доклады советской делегации к международному симпозиуму “Теоретические проблемы восточного языкознания”. – М., 1977б. – С.3–24.
- Солнцев В.М.* Теоретическая грамматика современного китайского языка: (Проблемы морфологии). Курс лекций. – М., 1978. – 152 с. (Соавтор Солнцева Н.В.).
- Солнцев В.М.* Полевые обследования языков и народностей СРВ // Вестн. АН СССР. М., 1984 – Т.9. – С.88–94.
- Солнцев В.М.* Языковой вопрос в многонациональных странах и языковая ситуация в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. – М., 1991. – С.5–20.
- Солнцев В.М.* Обозначение понятия “человек” в монгольских языках и ряде языков Юго-Восточной Азии: (К вопросу о дальних связях монгольских языков) // 6-й Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, авг. 1992): Докл. рос. делегации. – М., 1992. – Т.2. Филология. Культура. Религия. – С.156–168.
- Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков: В связи с общими особенностями человеческого языка. – М., 1995. – 353с.
- Солнцев В.М.* Происхождение языков // Поиск. – 2001. – 3 августа.

Основные работы В.М.Солнцева

- Солнцев В.М.* Проблема слова и корня в китайском языке // Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1953. – 16 с.
- Солнцев В.М.* Очерки по современному китайскому языку. – М., 1957. – 207 с.
- Солнцев В.М.* Китайский язык. – М., 1961. – 135 с.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование – М., 1971. – 292 с. (2-е изд., доп. 1977. – 341 с.).

- Солнцев В.М.* Теоретическая грамматика современного китайского языка: (Проблемы морфологии). Курс лекций. – М., 1978. – 152 с. (Соавтор Солнцева Н.В.)
- Solntsev V.M.* Language: A system and a structure, – М., 1983. – 301р.
- Солнцев В.М.* Вьетнамский язык. – М., 1999. – 23 с.
- Хронологический указатель* трудов В.М.Солнцева // Материалы к библиографии учёных. – М., 2000. – Вып.25. – С.34–56.

Основные работы о В.М.Солнцева

- Вадим Михайлович Солнцев.* К 65-летию со дня рождения // Бюллетень общества монголоведов РАН. – М., 1993. – Вып.3. – С.196–200.
- Вадиму Михайловичу Солнцеву – 70 лет* // Проблемы Дальнего Востока. – М., 1998. – № 3. – С.157–158.
- Кубрякова Е.С., Степанов Ю.С., Арутюнова Н.Д.* Вадим Михайлович Солнцев – языковед // *Общее и восточное языкознание: Сб. научн. тр., посвящ. 70-летию члена-корреспондента РАН В.М.Солнцева.* – М., 1999. – С.3–7.
- Кубрякова Е.С., Степанов Ю.С., Арутюнова Н.Д.* Вадим Михайлович Солнцев: К 70-летию со дня рождения // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* – М., 1998, – Т.57, № 3. – С.76–80.
- Общее и восточное языкознание: Сб. научн. тр., посвящ. 70-летию члена-корреспондента РАН В.М.Солнцева.* – М., 1999. – 254 с.
- Паам Ю.Я.* Вадим Михайлович Солнцев: (К 60-летию со дня рождения) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* – М., 1988. – Т.47, № 3. – С.292–294.
- Члену-корреспонденту АН СССР Вадиму Михайловичу Солнцеву – 60 лет* // *Вестн. АН СССР.* – М., 1988, № 9. – С.135–136.
- Члену-корреспонденту РАН В.М.Солнцеву – 70 лет* // *Вестн. РАН.* – М., 1998. – Т.68, № 9. – С.861–862.

Б.П.Нарумов, И.И.Чельшева

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СТЕПАНОВ

Академик Георгий Владимирович Степанов (1919–1986) – выдающийся филолог-романист, крупный специалист по общему языкознанию и литературоведению, один из основателей отечественной испанистики и латиноамериканистики, видный организатор науки и замечательный педагог.

Г.В.Степанов родился 9 апреля 1919 г. в г. Бийске в семье петербуржцев. Санкт-Петербург был для него истинно родным городом, где он сформировался как человек и как ученый; там он окончил среднюю школу, получил диплом филолога и много лет проработал в стенах Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета.

Г.В.Степанов поступил на романское отделение филологического факультета Ленинградского университета по специальности “французская филология” (отдельной специализации по испанистике в это время не существовало) в 1937 г. Однако путь к университетскому диплому занял долгих десять лет. После окончания первого курса, в июне 1938 г., он был зачислен на курсы переводчиков испанского языка и через два месяца, в разгар гражданской войны в Испании, направлен туда переводчиком. Так, в последние, трагические месяцы гражданской войны Г.В.Степанов впервые встретился со страной, язык и литература которой на всю жизнь стали для него предметом исследования.. Много позднее академик Г.В.Степанов отметит особую притягательность мира испанской культуры: *Cada uno quien llega a tener algo que ver con el mundo español, queda un poco envenenado* “Каждый, кто соприкоснулся хоть чуть-чуть с испанским миром, остается немного отравленным им” (цит. по: Зыцарь, 2001, 12).

В 1939 г. Георгий Владимирович вернулся в университет и к июню 1941 г. закончил третий курс. В первых числах июля Г.В.Степанов ушел добровольцем в народное ополчение, которое сразу же вступило в бой. Выбравшись из окружения, он был тяжело ранен (правая рука всю оставшуюся жизнь не сгибалась в локте) и попал в плен. Оказавшись в лагере для военнопленных в Эстонии, Георгий Владимирович бежал и присоединился к партизанскому отряду, где вскоре стал комиссаром. Лишь в 1947 г. окончил университет и остался аспирантом на кафедре романской филологии. Немало трудностей пришлось преодолеть ему в первые послевоенные годы, когда он восстанавливался в университете, поступал в аспирантуру, работал преподавателем в ЛГУ.

Учителями Г.В.Степанова были блестящие ученые-романисты, представители классической Петербургской филологической школы, среди которых следует, прежде всего, назвать академика Владимира Федоровича Шишмарева и профессора Бориса Аполлоновича Кржевского. От своих учителей Г.В.Степанов унаследовал широчайшую филологическую эрудицию, умение скрупулезно работать с текстом и, вместе с тем, не замыкаться в рамках конкретного материала и достигать глубоких обобщений.

Г.В.Степанов, как и его учителя, считал, что филолог-романист должен не только знать романские языки, причем как современные, так и старые, но и иметь представление о сопредельных языковых регионах, тем или иным образом соприкасавшихся с Романией. Так, например, в аспирантуре Г.В.Степанов занимался арабским, и считал необходимым для романиста знание немецкого языка, прежде всего потому, что германская научная традиция — одна из самых авторитетных в романистике. Отметим, что Георгий Владимирович обладал прекрасным чувством живой речи; его блестящий испанский вызывал восхищение носителей языка.

Г.В.Степанов был замечательным переводчиком; его переводы испанской прозы (М.Х.де Ларра, Х.М.де Переда, В.Бласко Ибаньес, П.Бароха, Х.Валера, А.Сеспедес, М.де Унамуно и др.) отличает филологическая точность, художественная выразительность и красочность стиля.

В 1951 г. Георгий Владимирович защитил кандидатскую диссертацию на тему “Роль Сервантеса в становлении испанского национального литературного языка”. На всю жизнь великая книга Сервантеса осталась для него любимым произведением, к исследованию которого он возвращался постоянно.

В течение 20 лет, с 1951 по 1971 г. Г.В.Степанов проработал в Санкт-Петербургском университете (тогда ЛГУ) в качестве ассистента, доцента, а затем профессора кафедры романской филологии. В 1955—1960 гг. Г.В.Степанов являлся также старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института языкознания РАН (ныне Институт лингвистических исследований РАН). Он был замечательным преподавателем и прекрасным лектором. За многолетнюю преподавательскую деятельность ему доводилось вести и практические курсы испанского языка, и разнообразные теоретические курсы, в том числе историю испанского языка, стилистику, теоретическую грамматику и др. Его занятия, посвященные чтению, разбору и комментированию классических памятников испанской литературы, сочетали в себе увлекательность и яркость с глубиной анализа. Многочисленные ученики Г.В.Степанова продолжали и продолжают славные традиции петербургской романистики.

В 1967 г. Г.В.Степанов защитил докторскую диссертацию на тему “Испанский язык Америки в системе единого испанского языка”, ознаменовавшую новый этап в его научном творчестве и открывшую для отечественной романистики новую, малоисследованную тематику — латиноамериканистику.

В 1971 г. Георгий Владимирович переезжает в Москву и становится заведующим сектором романских языков Института языкознания АН СССР. В 1974 г. он был избран членом-корреспондентом АН, и в 1977 г. возглавил Институт языкознания РАН. В 1976 г. Г.В.Степанов стал заместителем академика-секретаря Отделения литературы и языка Академии наук.

В 1981 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР, а с 1986 г. исполнял обязанности академика-секретаря Отделения литературы и языка АН.

В эти годы он не прекращал педагогическую деятельность. В 1971—1982 гг. Г.В.Степанов был профессором Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза. Под его руководством выросло целое поколение московских романистов. Он продолжал активную лекционную работу, его мастерство лектора по достоинству оценили в университетах Испании, США, Италии, Франции, где ему доводилось выступать.

70—80 годы стали для Г.В.Степанова годами активной и многогранной научно-организационной деятельности. Его работа в Отделении

литературы и -языка АН СССР (ныне РАН) способствовала концентрации ведущих сил отечественной филологической науки.

В 1976–1982 гг. Г.В.Степанов являлся главным редактором “Известий АН СССР. Серия литературы и языка”. С 1982 г. он был главным редактором журнала “Вопросы языкознания”. Заметное место в его деятельности занимала работа в редколлегии академической серии “Литературные памятники”, где он был заместителем председателя Бюро редколлегии.

В 1978 г. Георгий Владимирович стал председателем Комиссии по Комплексному изучению культуры народов Пиренейского полуострова при Совете по истории мировой культуры АН СССР, объединившей отечественных испанистов, португалистов и латиноамериканистов, специализировавшихся в различных областях гуманитарных наук.

В 1978 г. Георгий Владимирович был избран иностранным членом Испанской королевской академии и Лиссабонской Академии наук. В 1982 г. его избрали иностранным членом Саксонской академии (Лейпциг).

С 1978 г. Г.В.Степанов был вице-президентом общества дружбы “СССР–Испания”.

Будучи филологом в подлинном смысле этого слова, Г.В.Степанов всегда старался представить филологию как науку самому широкому кругу читателей. Именно поэтому он с большим вниманием отнесся к созданию такого научно-популярного труда, как “Словарь юного филолога” (1984), выступил его главным редактором и автором предисловия.

Приведенное выше, далеко не полное, перечисление административных и общественных должностей и постов, которые занимал академик Степанов, свидетельствует о его незаурядных организаторских способностях и таланте руководителя. На этой нелегкой стезе он проявил немало человеческой мудрости и внутреннего достоинства, оставаясь принципиальным и последовательным в своих взглядах на жизнь и науку.

Г.В.Степанов скончался в 1986 г., после недолгой, тяжелой болезни, не дожив и до 70 лет и оставив незавершенными множество научных планов и проектов.

Для языковедческих исследований Г.В.Степанова характерен целостный подход к языку как семиотической системе, функционирующей в конкретной социальной и культурной среде. Сочетание анализа “внутренней структуры” языка с рассмотрением его “внешней системы” (этими терминами постоянно пользовался сам Г.В.Степанов) – ведущий принцип его научного творчества. Основным материалом его исследова-

ний послужил, прежде всего, испанский язык во всех его разновидностях, бытующих в двух десятках стран. Позднее число привлекаемых к рассмотрению языков значительно увеличилось; Г.В.Степанов работал на материале практически всех западнороманских языков, включая региональные языки, а также их диалекты. Начав свой научный путь с разработки конкретной темы — роли Сервантеса в становлении испанского литературного языка, он постепенно расширил поле исследований, вовлекая в него все новые языки и диалекты, и, в конце концов, создал стройную концепцию “архитектуры исторического языка” — испанского, а затем и романских языков в целом. Не будучи, по собственному признанию, социолингвистом, Г.В.Степанов, тем не менее, унаследовал от романской языковедческой традиции главную ее особенность — стремление рассматривать развитие и функционирование языка в его социальной обусловленности. Лингвосоциум, языковая и коммуникативная общность явились тем последующим звеном, которое позволило преодолеть характерный для структурного языкознания разрыв между абстрактной системой языка и конкретной речевой деятельностью.

Одним из важнейших в теоретическом и практическом плане направлений работы Г.В.Степанова в 50–60-е годы было описание грамматической системы современного испанского языка. В этой области он плодотворно сотрудничал с зачинателем исследований по испанскому и португальскому языку в России О.К.Васильевой-Шведе, долгие годы возглавлявшей кафедру романской филологии Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета. Плодом их совместных усилий явился учебник грамматики испанского языка для вузов (1956, 1963), а также первая и до сих пор единственная в нашей стране “Теоретическая грамматика испанского языка” (1972), неоднократно переиздававшаяся. Несмотря на то, что эта грамматика издана в качестве университетского учебника и предназначена в первую очередь для студентов, она знаменует собой качественно новый этап в развитии теории испанской грамматики и стала настольной книгой всех, кто ведет теоретические разыскания в этой области.

Авторы опирались на солидную испанистическую традицию, представленную в грамматических сочинениях таких известных лингвистов Испании и Латинской Америки, как А.Бельо, Р.Х.Куэрво, А.Алонсо, П.Энрикес Уренья, Э.Аларкос Льорак, М.Криадо де Валь, С.Фернандес Рамирес, С.Хили-и-Гайя, Х.Рока Понс и др. Г.В.Степанов, будучи прекрасно осведомлен обо всех основных направлениях современного ему языкознания, тем не менее во введении ко второй части теоретической

грамматики, посвященной синтаксису предложения, открыто заявляет, что авторы приняли на вооружение такие общие принципы описания, которые можно определить как традиционные и даже “классические” (Васильева-Шведе, Степанов, 1998:12-13). Вместе с тем, “Теоретическая грамматика испанского языка” выгодно отличается от аналогичных зарубежных изданий обилием иллюстративного материала, почерпнутого из произведений классиков испанской и латиноамериканской литературы XIX–XX вв., оригинальной теоретической разработкой многих узловых и спорных моментов испанской грамматики, не совпадающей с испанской грамматической традицией, учетом достижений отечественных и зарубежных лингвистов в области общей теории грамматики. Уже в этой книге, как и в последующих своих трудах, Г.В.Степанов последовательно проводит мысль о единстве “грамматического строя языка, отражаемого в литературных текстах Испании и других испаноязычных стран” (Васильева-Шведе, Степанов, 1990:17).

Стремление к установлению “всеобщего” проявилось и во “Введении”, написанном Г.В.Степановым к “Грамматике и семантике романских языков” (1978) – итоговой монографии, завершившей ряд работ по сравнительно-сопоставительному описанию романских языков различных подгрупп, которые были изданы сотрудниками сектора романских языков Института языкознания АН СССР в 60–70-е годы. Последовательно различая норму, систему и тип языка как различные степени абстракции, Г.В.Степанов смотрел на романские языки как на ряд индивидуальных систем (и нормальных их реализаций), большинство из которых принадлежат к *одному* языковому типу; последний определяется им как “общие функциональные принципы, т.е. типовые (типологические) свойства и категории оппозиций в системе” (Степанов, 1978:10). Обнаружение общего типа посредством обследования конкретных языковых систем он считал важнейшей задачей романистики, которая на современном этапе ее развития характеризуется установкой на выявление скорее различий, чем сходств между языками. Романские языки, по мнению Г.В.Степанова, в большинстве своем принадлежат к одному языковому типу, однако сравнение романских языков на уровне литературных стандартов чаще приводит к обнаружению одних лишь дивергентных черт, поэтому необходим учет всех языковых страт (временных, пространственных, социальных) и функциональных вариантов языков, что позволит выделить общие им всем тенденции развития. Это положение иллюстрируется на примере распространенного в романском ареале явления *yeísmo*, т.е. фонетического перехода [λ] > [j]. Распространяясь из

городских центров, оно по-разному распределяется по социальным стратам и получает разную оценку со стороны говорящих. Во французском и румынском языке *yeísmo* стало особенностью литературной нормы, в испанском языке его престиж постоянно растет, а сохранение [λ] характеризует парадоксальным образом литературную речь в Испании и диалектную в странах Латинской Америки, в итальянском же ареале *yeísmo* известно только на диалектном уровне (Степанов, 1978:28).

Соотношение всеобщего и единичного, инвариантов и вариантов стало центральной темой испанистических исследований Г.В.Степанова в 50–60-х годах, когда он обратился к материалу латиноамериканских вариантов испанского языка, до тех пор мало известных отечественным романистам; в зарубежной же романистике они исследовались с неудовлетворительных теоретических позиций. Испанский язык Латинской Америки традиционно рассматривался как “диалект” или совокупность диалектов на тех же основаниях, что и диалекты на территории Испании; как и последние, они рассматривались в соотношении с литературным (стандартным) языком в качестве неких “отклонений” от него. Г.В.Степанов был одним из тех ученых, которые в нашей стране положили начало рассмотрению вариантов языков, распространенных в нескольких странах (английского, французского, немецкого и др.), в качестве равноправных национальных вариантов, каждый из которых обладает собственным набором форм существования, функциональных стилей и т.д.

Наиболее четкое определение понятия “вариант языка” содержится в работе (Степанов, 1976а). Прежде всего, отмечается, что варианты языка как части общей диасистемы являются особым случаем близкого генетического родства, поэтому их исследование следует проводить в сравнительно-сопоставительном плане с целью определения различий и их типов. Варианты можно сравнивать между собой, но также возможно их сравнение с эталоном — идеальной архисистемой, сконструированной из “универсалий”, извлеченных из реально функционирующих систем. Тогда расхождения между романскими языками предстанут как расхождения в нормативной реализации типовой общероманской идеальной модели подобно тому, как испанские варианты могут быть представлены как результат нормативных реализаций типовой общеиспанской модели (Степанов, 1976а: 10). В этой работе, как и в других, Г.В.Степанов подчеркивает важность соблюдения основного методологического принципа сравнения: при сравнении таких социолингвистических объектов, как варианты языка, необходимо учитывать вре-

менной фактор (синхрония — диахрония) и фактор социально-стратификационный (синстратия — диастратия) по правилу одинаковых уровней (там же, 11). Сопоставление объектов по одному временному срезу позволяет избежать квалификации “экспортированных языков” (испано-американского, франко-канадского, португальско-бразильского вариантов) как архаичных по сравнению с языками метрополий, а сопоставление одинаковых социально-функциональных страт позволяет избежать квалификации тех же вариантов как “диалектов” испанского, французского или португальского языка.

Наиболее благодатным материалом для разработки общей теории языковой вариативности оказался испанский язык, поскольку его распространение по американскому континенту представляет собой такой стихийный “лингвистический эксперимент”, которого не знала языковая история человечества. Исследованию испанского языка стран Латинской Америки Г.В.Степанов посвятил большую часть своей жизни. Именно материал испанского языка послужил основой для уточнения таких фундаментальных лингвистических понятий, как система языка, вариант, диасистема и др. Основные результаты испанистических исследований изложены в монографиях “Испанский язык в странах Латинской Америки” (1963) и “К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки” (1979); по этой же тематике Г.В.Степанов защитил в 1966 г. докторскую диссертацию.

Основополагающей идеей испанистических исследований Г.В.Степанова является положение о единстве испанского языка, ибо, по его мнению, общее направление развития языка к единству — основная закономерность эволюции языка (Степанов, 1979:5). В случае с испанским языком мы имеем дело с вариантами, различия между которыми носят градуальный характер, поэтому можно говорить о структурном единстве испанского языка во всех его разновидностях (Степанов, 1963:8); единство внутренней структуры испанского языка поддерживается “интегральным” характером испанского языка и культуры, который проявляется в ориентации на испанский академический стандарт (Степанов, 1979:49). В соответствии с этим испанский язык Америки определяется как “разновидность (вариант) структурно единого испанского языка в совокупности особенностей его новых общенародных норм и местных диалектов и говоров” (Степанов, 1963:9).

Не случайно поэтому, приводя определение, данное испанскому языку Э.Косериу, в котором испанский язык трактуется как “система систем”, или “архисистема”, Г.В.Степанов высказывает отрицательное

отношение к ненужному умножению систем и предпочитает говорить об испанском языке как о единой системе, представленной *подсистемами*, т.е. вариантами. В каждой стране существует свой вариант испанского языка, который можно назвать *национальным языком* Аргентины, Мексики и т.д. “Любой говорящий на испанском языке, будучи носителем частной подсистемы, вместе с тем приобщен к системе единого испанского языка” (Степанов, 1979:61).

Частные подсистемы Г.В.Степанов трактует как “нормальные” реализации единой системы, следуя различению системы и нормы, проведенному Э.Косериу. Поэтому языковая норма определяется как результат “превращения потенциальных возможностей языка как системы выразительных средств в факт осознанных образцов речевого общения в определенной языковой общности в тот или иной период времени” (Степанов, 1979:59). Этот важнейший теоретический вывод Г.В.Степанов сделал, прежде всего, на основе изучения лексики латиноамериканских вариантов. Им был собран огромный материал, рассеянный по словарям и специальным работам, и остается только гадать, сколько сил и времени понадобилось для того, чтобы за лексическим хаосом разглядеть систематические отношения, определить основные понятия испаноамериканской лексикологии и наметить методы будущей лексикографической работы, которая лишь в последние десятилетия XX в. начала проводиться более или менее последовательно.

Особенно наглядно единство испанской лексико-грамматической системы показано на примере словообразования. Словообразовательные средства -аффиксы — и в Испании, и в Латинской Америке одни и те же, но в условиях ослабления нормирующего начала в разговорной речи произошла *активизация* словообразовательной системы и даже ее *гипертрофия*, поскольку в разных ареалах возникло огромное количество синонимичных новообразований, различающихся по своему морфологическому строению. Таким образом, при том, что словообразовательная система как совокупность типовых продуктивных конструкций является единой для всех вариантов, в латиноамериканском ареале наблюдается пестрая картина лексических соответствий, возникших в результате разного использования одного и того же словообразовательного потенциала. По этой причине нельзя говорить о системности лексики в масштабе латиноамериканского ареала в целом, можно говорить о системности словообразовательной синонимии в пределах каждой языковой общности. В качестве примера можно привести словообразовательные соответствия со значением собирательности. В Аргентине такие слова чаще образуют-

ся по модели S+ada (niñada ‘группа детей’), S+erio (papelerío ‘груда бумаг’), S+aje (chicaje ‘группа детей’), в Венесуэле же продуктивной является модель S+menta (papelamenta ‘груда бумаг’); в других странах используются модели S+ero, S+ado, S+era и др. Таким образом, словообразовательные американизмы оказываются одной из самых ярких особенностей латиноамериканских вариантов.

Интересными в лингвофилософском плане являются размышления Г.В.Степанова о “технике” наложения старой языковой “сетки” на новую американскую действительность. Анализ актов номинации новых реалий старыми средствами свидетельствует о том, что в данном случае нельзя говорить о механическом наложении готовой семантикопонятийной сетки на объекты внешнего мира, поэтому следует осторожно относиться к крайностям, которые характерны для создателей и приверженцев теории лингвистической относительности (Степанов, 1979, 205).

Г.В.Степанов уточнил весьма расплывчатое значение термина “американизм”, который может относиться как к словам индейского происхождения (их лучше называть индианизмами), так и к любым языковым особенностям испанского языка Латинской Америки. Американизмом он называет всякий элемент испанского языка Америки, который в данную эпоху отличает его от испанского языка Испании на соответствующем социальном уровне (Степанов, 1979:151). Особое внимание он уделяет пресловутой архаичности латиноамериканских вариантов: наличие в них слов, переставших употребляться в Испании, не дает нам права характеризовать испанский язык Америки в целом как архаичный; эти слова функционируют в нем не как архаизмы, а как элементы современной лексической системы.

Материал испанского языка Латинской Америки дает возможность внести ясность в одну из центральных проблем романского языкознания — в проблему генезиса романских языков. Рассматривая в сравнительном плане процессы романизации в Старой и Новой Романии, Г.В.Степанов выявляет те факторы, которые привели, в конечном счете, к фрагментации латыни на территории Старой Романии и к образованию отдельных романских языков, в то время как в странах Латинской Америки не возникло новых языков, хотя в XIX — XX вв. наблюдались попытки установить “языковую независимость” от Испании, прежде всего в Аргентине.

В связи с этим Г.В.Степанов взвешенно рассматривает теорию об андалусийской основе испанского языка Латинской Америки, равно как

и доводы ее оппонентов, и приходит к выводу, что столь сложный процесс, как формирование нового варианта испанского языка нельзя рассматривать исключительно сквозь призму андалусийского диалекта; андалусизм и антиандалусизм одинаково односторонни и несостоятельны.

Среди факторов, способствовавших сохранению единства испанского языка, Г.В.Степанов выделяет отсутствие у испанского языка, завезенного в Америку, временной дифференциации (в отличие от латыни); романизация нового континента произошла сравнительно быстро, и испанский язык достался Америке в “готовом” виде. Важную роль сыграли учебные заведения, которые распространяли нормативный язык в том виде, в каком он сложился в Испании, а также художественная литература, которая до обретения латиноамериканскими странами независимости в XIX в. ничем не отличалась в языковом отношении от собственно испанской литературы. Ориентация на иберийскую норму сохранялась и в дальнейшем, и взаимодействие иберийской и местных норм является существенной особенностью бытования литературного испанского языка в странах Латинской Америки.

В числе факторов, способствовавших дифференциации испанского языка в странах Нового Света, выделяется, прежде всего, разговорный характер испанского языка, перенесенного в новые условия, смешение различных диалектов при ведущей роли южных диалектов Испании, а также канарской разновидности испанского языка. Несомненно, испанский язык испытал влияние разнообразных индейских языков, прежде всего в фонетике, хотя Г.В.Степанов критически относился к субстратомании, характерной для романистики определенного периода ее развития. Еще одним фактором дифференциации языка явилась иммиграция разноязычного населения, например, африканских рабов в страны Карибского бассейна или жителей европейских стран в Аргентину.

Таким образом, латиноамериканский языковой мир в трудах Г.В.Степанова предстал как “единство в многообразии”. Диалектически подходя к проблеме соотношения единства и вариативности испанского языка, Г.В.Степанов заложил теоретические и методологические основы латиноамериканистики в нашей стране. Одним из ее главных достижений явился выход в 1998 г. словаря латиноамериканизмов под редакцией Н.М.Фирсовой; в предисловии авторы подчеркивают, что “главной методологической основой составления Словаря послужили труды академика Г.В.Степанова и, в частности, его определений понятий “американизм”, “иберизм”, “национальный вариант испанского языка”” (Испанско-русский словарь. Латинская Америк, 1998:1). В течение многих лет

Г.В.Степанов руководил научной работой стажеров из Института языка и литературы Академии наук Кубы, которые успешно защитили диссертации, посвященные особенностям кубинского варианта испанского языка. Труды Г.В.Степанова получили известность и высокую оценку во многих странах Латинской Америки. Известный колумбийский лингвист Х.Монтес Хиральдо, поместивший рецензии на все его монографии на страницах журнала “Thesaurus”, после выхода в свет книги “Испанский язык в странах Латинской Америки” отметил, что это исследование можно без преувеличения считать первым обобщающим трудом по испанскому языку Америки, в котором критически осмыслены все основные исследования латиноамериканистов и дана общая картина отличительных особенностей данного варианта (Montes Giraldo, 1965). Таким образом, эта книга Г.В.Степанова знаменует собой переход от частных исследований, посвященных отдельным ареалам, к интегральному описанию испанского языка во всех его вариантах.

Концептуальный аппарат, разработанный Г.В.Степановым на материале испаноязычных ареалов, был развит и усовершенствован им в монографии “Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи” (1976), в которой к рассмотрению привлекаются языки иберо-романской, галло-романской, итало-романской и рето-романской подгруппы. Также в этой работе проводится мысль о единстве внутренней структуры и внешней системы “исторического языка”, понимаемого как “некое целое, состоящее из частей (подсистем), которые находятся в определенных отношениях и связях между собой” (Степанов, 1976:29). Г.В.Степанов вновь ставит задачу показать, “как стратифицированный язык функционирует в качестве цельной системы” (там же, 48). Однако идея о единстве языка не должна превращаться в построение абстрактной системы, оторванной от языкового коллектива, от социума; формирование некой общей, “надсоциумной” функциональной системы для Г.В.Степанова не имеет особого научного смысла, поэтому и язык в целом, и конкретный диалект должны рассматриваться в их отношении к языковой общности; связующим звеном между единым абстрактным языком, языком-“фикцией”, и индивидуальной речью является социальная среда (там же, 19).

В монографии получают определение важнейшие понятия, относящиеся к сфере вариационной лингвистики и социолингвистики: внешняя система языка, состояние языка и языковая ситуация. Внешняя система языка определяется через понятие вариативности: “Все виды дифференциации (варьирования языка, возникающие под воздействием

внешних факторов (временных, пространственных, социальных) и имеющие ту или иную функцию в социуме, составляют в н е ш н ю ю (ф у н к ц и о н а л ь н у ю) с и с т е м у данного языка в данный период времени”. Состояние языка определяется как “совокупность всех видов его вариативности как функционально нагруженных, так и не имеющих ясно выраженной функциональной нагрузки (парадигматический план)”, а языковая ситуация определяется как “отношение языка (или его части), характеризующегося

данным состоянием, к другим языкам или к другой части того же языка, и проявляющиеся в различных формах пространственных и социальных взаимодействий (синтагматический план)” (Степанов, 1976:29–31).

Среди различных факторов вариативности языка – пространственной, временной, социальной – решающая роль отводится социальному фактору, поскольку именно он определяет, какие пространственные или временные варианты “социализируются”, т.е. получают функциональную нагрузку. Поэтому, характеризуя спонтанное развитие языка, Г.В.Степанов употребляет выражение “общественный отбор”, в то время как при рассмотрении целенаправленных воздействий на язык, например при формировании литературной нормы, используется выражение “общественный подбор” (там же, 42).

Вновь обращаясь к излюбленной теме испанистических исследований – к распространению испанского языка за пределами Испании, Г.В.Степанов подчеркивает, что распространение языка “со стационара на периферию” создает подобие гигантской лаборатории, в которой можно вести наблюдение за поведением “старой” языковой структуры в новой общественной (и языковой) среде (там же, 108). Проведя эффективное сравнение между латиноамериканской разновидностью испанского языка и испано-еврейской (сефардской) его разновидностью, которые начали формироваться в одно и то же время – с 1492 г., Г.В.Степанов показывает, как условия бытования одного и того же языка в разной социальной среде в первом случае привели к перестройке функциональной системы языка, его социальной стратификации и, в конечном счете, к возникновению национальных вариантов как самостоятельных форм существования испанского языка, а во втором случае – к постепенной утрате всех коммуникативных функций, кроме разговорной, к разрушению внутренней структуры и к превращению испано-еврейского в умирающий диалект.

В монографии рассматривается множество языковых ситуаций, сложившихся в ареалах галисийского и португальского, провансальского

и французского, каталанского и испанского языков; особое внимание уделяется проблемам двуязычия, типичного для языковых ситуаций, как в странах Европы, так и в странах Латинской Америки, где романские языки взаимодействуют с индейскими.

В этой работе Г.В.Степанов развил и обобщил результаты своих исследований предыдущих лет, посвященных развитию романских языков как литературных. Сопоставляя исторические пути, которые прошли языки Романии, он наметил перспективы сравнительной типологии формирования литературных языков (на основе выдвигания одного диалекта с выбором одной из его разновидностей, на основе концентрации диалектов, на основе концентрации обобщенных, нечетко выраженных диалектных форм и др.).

В заключение Г.В.Степанов еще раз подчеркивает, что любой конкретный язык существует в виде единого блока, состоящего из малых блоков, единая система языка имеет множество нормативных реализаций, и задача исследователя состоит в том, чтобы обнаружить основные типы этих реализаций и вывести абстрактную структуру языка; последняя, равно как и менее абстрактные категории — социолект, территориальный диалект, стиль речи, — обнаруживаются в результате исследования, а не постулируются до него.

Важнейшей составляющей научной деятельности Г.В.Степанова на протяжении многих лет оставалось исследование языка художественной литературы, в котором в нерасторжимом единстве выступали лингвистический и литературоведческий аспекты анализа текста. Значительная часть работ такого плана собрана в последней книге “Язык. Литература. Поэтика”, вышедшей в 1988 г. уже после смерти Георгия Владимировича. Среди авторов, над произведениями которых работал Г.В.Степанов, — классики испанской литературы, начиная с Сервантеса и Кальдерона и вплоть до П.Бароха, Р.Валье Инклана, М.Унамуно и др. Особое место занимала в его научном творчестве поэзия Ф.Гарсиа Лорки. Не замыкаясь лишь в мире испанской поэзии, Г.В.Степанов посвятил интереснейшие статьи образному строю лирики Пушкина и поэтике Твардовского.

Анализ языка художественной литературы выводил Г.В.Степанова на уровень важнейших теоретических обобщений, проливавших свет на общие принципы функционирования языка в условиях художественной коммуникации. В статье “Единство выражения и убеждения (автор и адресат)” (Степанов, 1988) проведено сопоставление литературной коммуникации с речевыми актами и выявлено общее и спе-

цифическое в коммуникативной природе этих типов речевой деятельности. В этой работе намечены основные вехи универсальной “поэтики восприятия и воздействия” художественного текста, опирающейся в своей лингвистической части на достижения одной из самых актуальных отраслей современного языкознания — прагматики. Разрабатывая подобную поэтику, исследователи закономерно могли бы подойти к “модели адресата художественного литературного текста”. Выработка же такой модели могла бы, в свою очередь, многое прояснить в проблеме функционирования художественных ценностей, которой занимается литературоведение. Вместе с тем, подобная модель являлась бы актуальной и для лингвистических исследований, поскольку значительно обогатила бы имеющееся в лингвистике представление об адресате речевого акта как такового.

Всей своей научной деятельностью Г.В.Степанов подтверждал идею о нерасторжимой связи и взаимопроникновении двух исследовательских подходов к тексту — лингвистического и литературоведческого, теоретическое обоснование диалектики двух подходов было развернуто им в статье “Литературоведческий и лингвистический подходы к анализу текста” (Степанов, 1988), где он проанализировал те “шаги” навстречу друг другу, которые могли бы сделать литературоведение и лингвистика, уделив особое внимание лингвистике текста, объединившей общую теорию текста, грамматику текста и лингвистическую стилистику.

В трудах Г.В.Степанова выдвинута идея об аналогии научной парадигмы определенной эпохи с литературным жанром. В статье “Образный строй лирики Пушкина” он по этому поводу пишет: “С известной долей риска репертуар языковых средств в рамках жанра можно сравнить с понятийным аппаратом в рамках научной теории: и в том и в другом случае эти средства оказываются достаточными для освоения — художественного и научного — какого-то фрагмента действительности” (Степанов, 1988:169). Выдвинутая и развитая в ряде работ идея “жанра-парадигмы” позволила связать “образ адресата” и “образ автора” с учетом различных параметров, релевантных для анализа художественно ориентированного коммуникативного акта.

Не останавливаясь подробно на собственно историко-литературных статьях, отметим, что все они написаны с глубоким вниманием к языковому материалу и содержат немало замечаний, плодотворных для лингвистического анализа. Приведем лишь один пример из работы, посвященной поэзии Ф.Гарсиа Лорки. Г.В.Степанов, обращая

ясь к сложнейшей проблеме — восприятию семантики художественного текста, указывает на такое качество поэтического языка Лорки., как “смысловая компрессия, приводящая к “чудовищному уплотнению реальности” (выражение Мандельштама) (Степанов 1988;194). Дальнейший анализ поэтических строф (*Sangre resbalada gime / muda canción del serpente* ‘Пролитая кровь стонет / немую песнь змеи’) выявляет особенности метафоризированного ассоциативного ряда, характеризуемого редкой семантической сцепленностью, приводящей к своеобразной актуализации отдельных сем значения.

Лингвистические труды Г.В.Степанова знаменовали собой важный этап в развитии отечественной романистики. В них романский языковой мир предстал во всем своем разнообразии и в то же время в своей целостности. Разработанная Г.В.Степановым интегральная концепция языка позволяет за пестротой варьирующихся форм разглядеть основные тенденции языкового развития; она служит надежной основой дальнейших исследований в области вариационной лингвистики. Его работы по исследованию языка художественной литературы, выходя далеко за рамки обычной лингвистической стилистики, наметили особые перспективы для понимания путей познания окружающего мира через призму художественного текста.

Научные труды Г.В.Степанова отличало редкое изящество стиля; он умел подобрать такие сравнения и метафоры, которые, не нарушая истинности научных формулировок, придают им значимость и особую чеканность. Вот, например, заключение о судьбе сефардского (еврейско-испанского) языка: “Языки умирают по-разному. Одни языки умирают как деревья, стоя, вместе со смертью общности и культуры. Другие, умирая, дают жизнь новым языкам, но есть и такие — к ним принадлежит сефардский, — которые умирают от склероза: в результате гибели функциональных элементов, как внешнесистемных, так и внутрисистемных” (Степанов, 1976:44).

Необычайное чувство языка и чувство стиля были свойственны Георгию Владимировичу и в устной речи — будь то в неформальной беседе, будь то в научной дискуссии. Он всегда умел сформулировать кратко и изящно суть вопроса; точно, с тонким остроумием, парировать возражение; облечь замечание в деликатную, не задевающую собеседника форму.

Академик Г.В.Степанов был человеком незаурядной судьбы, исключительного характера и неповторимого обаяния. Его отличала и выделяла подлинная многогранность научного дарования, преданность фи-

дологической науке, которой он посвятил всю жизнь, исключительная внутренняя культура и интеллигентность.

Литература

- Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В.* Теоретическая грамматика испанского языка: Морфология и синтаксис частей речи: (Учеб. для филол. фак. ун-тов и ин-тов иностр. яз.). – М., 1972. – 342 с. (2-е изд., испр. и доп. – М., 1980; 3-е изд., испр. и доп. – М., 1990).
- Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В.* Теоретическая грамматика испанского языка: Синтаксис предложения. – М., 1981. – 303 с. (2-е изд., испр. – (2-е изд., испр. – СПб., 1998).
- Зыцарь И.В.* Первый испанист России: (Воспоминания о Георгии Степанове) // *Res Philologica*–2. Филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Георгия Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1986). – СПб., 2001. – С.12–22.
- Испанско-русский словарь: Латинская Америка / Под ред. Фирсовой Н.М.. – М., 1998. – 608 с.
- Степанов Г.В.* Объективные и субъективные критерии определения понятия “вариант языка” // Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев, 1976а. – С.8–14.
- Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М: Наука, 1976. – 224 с.
- Степанов Г.В.* Введение // Грамматика и семантика романских языков: (К проблеме универсалий) / Отв. ред. Степанов Г.В. – М., 1978. – С.3–32.
- Степанов Г.В.* К проблеме языкового варьирования. Испан. яз. Испании и Америки. – М.: Наука, 1979. – 327 с.
- Степанов Г.В.* О филологии и филологах // Энциклопедический словарь юного филолога (Языкознание). – М., 1984. – С.5–11.
- Montes Giraldo J.J.* Rec. ad op.: Stepanov G.V. Ispanskii iazyk v stranax Latinskoj Ameriki. [La lengua española en los países de América Latina]. – М., 1963. – Thesaurus. Boln Inst. – Caro Cuervo, 1965. – Т.20, N 1. – P.151–155.

Основные работы Г.В.Степанова

- Грамматика испанского языка: (Учеб. пособие для гос. ун-тов и пед. ин-тов иностр. яз.). – М., 1956. – 384 с. (2-е изд., пересмотр. – М., 1963). (Совместно с Васильевой-Шведе О.К.).

Испанский язык в странах Латинской Америки. — М., 1963. — 202 с.

Теоретическая грамматика испанского языка: Морфология и синтаксис частей речи: (Учеб. для филол. фак. ун-тов и ин-тов иностр. яз.). — М., 1972. — 342 с. 2-е изд., испр. и доп. — М., 1980; 3-е изд., испр. и доп. — М., 1990). (Совместно с Васильевой-Шведовой О.К.).

Грамматика и семантика романских языков: (К проблеме универсалий). — М., 1978. — 227 с. (Совместно с Вольф Е.М., Лухт Л.И., Супрун А.В.).

К проблеме языкового варьирования: Испанский язык Испании и Америки. — М., 1979. — 327 с.

Теоретическая грамматика испанского языка: Синтаксис предложения. — М., 1981. — 303 с. (2-е изд., испр. — СПб., 1998). (Совместно с Васильевой-Шведовой О.К.).

Язык. Литература. Поэтика. — М., 1988. — 382 с.

Библиографию работ Г.В.Степанова (1919—1986) за 1947—1983 гг. см.: Георгий Владимирович Степанов: (Материалы к библиографии ученых АН СССР) / Сост.. Кузьменко Р.И. и Махрова И.А. — М., 1984. — С.32—49 — Сер. лит. и яз.; вып.16); за 1983—1986 гг. см. Res philologica Филологические исследования. Памяти Георгия Владимировича Степанова 1919—1986 / Сост. Кузьменко Р.И. — М., 1990. — С.32—34.

Основные работы о Г.В.Степанове

Вольф Е.М., Степанов Ю.С. Краткий очерк научной, педагогической, научно-организационной и общественной деятельности // Георгий Владимирович Степанов (Материалы к библиографии ученых АН СССР. М., 1984. — С.8—28. — (Сер. лит. и яз. Вып.16).

Виннер Ю.Б. Последняя книга выдающегося филолога // Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. — М., 1988. — С.7—21.

Домашнев А.И. Концепция национального языка в трудах академика Г.В.Степанова // Res Philologica. Филологические исследования: Памяти акад. Георгия Владимировича Степанова (1919—1986). — М.; Л., 1990. — С.4—17.

Домашнее А.И. Горизонты романского языкового мира в трудах Г.В.Степанова // Res Philologica—2. Филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Георгия Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рожд. (1919—1986). — СПб., 2011. — С.5—11.

Зыцарь И.В. Первый испанист России: (Воспоминания о Георгии Степанове) // Res Philologica 2. Филологические исследования: Сб. ст. памяти Георгия Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рожд. (1919—1986). — СПб., 2002. — С.12—22.

Лихачев Д.С. О Георгии Владимировиче Степанове // Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. — М., 1988. — С.3—6.

Плавский З.И. Готя, Георгий Владимирович и “Тройственный союз”: Странички воспоминаний // Res Philologica 2. Филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Георгия

Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рожд. (1919–1986). – СПб., 2001. – С.35–41.